Екатерина Боярских

Сто провальных идей нашего лета

Αίλουρος

Екатерина Боярских

СТО ПРОВАЛЬНЫХ ИДЕЙ НАШЕГО ЛЕТА

Ailuros Publishing
New York
2019

Ekaterina Boyarskikh
One Hundred Failed Ideas of Our Summer
Collection of Prose

Ailuros Publishing
New York
USA

Редактор Елена Сунцова.
Обложка и иллюстрации: Александра Боярских (при участии Агаты Абрамовой и Марты Беловой).
Вёрстка: Екатерина Боярских и Илья Дмитриев.

Подписано в печать 4 мая 2019 года.

www.elenasuntsova.com

ISBN 978-1-938781-58-2

Они смеялись и пели, и я думала – только бы не забыть, как они смеются, только бы не забыть это через тридцать, сорок, сто лет и жизней. Память самоценна. Всё ради неё. Ради того, чтобы сохранить рыжую дорогу под колёсами, сосны, смех на заднем сиденье, когда этого уже не будет. Когда этого уже нет.

Ондатр документально

Детско-родительские сказки

Появился как-то в сказочном лесу страшенный волк. На завтрак и ланч, на обед и полдник, на ужин, переужин и паужин он ел только молоденьких ондатров. И ночью ими же перекусывал. Шёл волк по лесу в направлении дивана, танцевал ламбаду аки лев рыкающий, ища, кого бы поглотить, и заметил, что в картонной коробке таится ондатр — великий, малый и белый. Зарычал волк, кинулся на ондатра, но ондатр даже ухом не повёл. Подошёл волк ближе, взял ондатра за тёплое ушко:

— Ондатр! В своём ли ты уме? Ты почему не убегаешь?

Рассмеялся ондатр, расхихикался, взял он книгу Юнны Мориц и гвоздил ею волка, повторяя волшебное слово «Юнна-мориц-хочу!» Суров ондатр, но это ондатр. И сели они рядышком все трое — волк, ондатр и Юнна Мориц, и стали читать друг друга, потому что непростое это и ответственное дело — быть единственным волком ласкового ондатра-книголюба, который живёт в картонной коробке и совсем не умеет убегать от волков.

Схватил как-то волк ондатра и стал держать его крепко. Думает, станет ондатр сопротивляться, дёргаться-вырываться — съем. А ондатр сидит. Песню поёт о том, как сосиски кипятятся. Волк опомниться не успел — подпевать начал. О том, как сосиски в ковшике кипели, мы на солнышко глядели, и правда, за дальним домом тополя, за тополями туча ватная, в туче солнышко лежит, просыпается с потягушками. Ухватил волк ондатра ещё крепче. Думает, заверещит ондатр — съем. А не верещит. Сосиски ест, вилкой в клеёнку тычет. С дельфином разговаривает — дельфин лежит на подоконнике, весь в муке, печенье вчера с дельфином стряпали. Чай пьёт ондатр, всю родню вокруг собрал, музыка заиграла — танцует ондатр. Книжку одновременно читает, дерёт и пересказывает. Советы даёт всем желающим. Ногой под столом мясорубку крутит. Держал волк ондатра держал, утомился, опустились лапы. И

сказал волк: «Ты бы шёл, ондатр, погулял, ондатр». Так добро победило зло, а ондатр пошёл погулять.

Достигнув зрелости, ондатр поднялся в горы. Как известно, ондатры достигают зрелости к двум с половиной годам, а дальше только крепчают и крепчают. Ондатр сидел на скале и думал о жизни: «Утки на Ангаре. Горшок под кроватью. А где-то дед Мороз. Хочу мячик». Голова ондатра уходила в облака, в облаках летали чайки. Волку было плевать на чаек и облака, потому что некогда он сам оклеил этими чайками и облаками стены волшебного леса. Волк лежал под скалой и грел прожжённое, прожорливое волчье брюхо в утренних лучах синей лампы. Испокон веков она отчего-то называлась Лампой Банкира. Возможно, Банкир в незапамятные времена был съеден волком, а лампа сама собой унаследовалась.

Ондатр тем временем пригляделся и заметил в небе штучку — круглую, с двумя дырками. Из века в век ондатры туда фумигатор вставляли, обороняя лес от страшного врага, комара Мутанто Горыновича. Но наш ондатр был такой малый и белый, что хотя зрелости и достиг, но на практике ему ещё было крепчать и крепчать. Взялся ондатр за орудие естественного отбора — маникюрные ножницы. Он не догадывался, что пихать в розетку маникюрные ножницы можно только находясь в плену устаревшей поэтики, что пихание ножниц в розетку мировая культура в лице мирового ондатра осваивала ещё в годик и что ондатру двадцать первого столетия неоклассицизм не приличествует.

Тут в волке проснулся литературный критик и низверг ондатра. Полетел тот со скалы вверх тормашками и попал бы прямо в пасть литературному критику, но, по счастью, упал на Северный полюс, а там у волка только ноги лежали.

Чует волк, низверженный ондатр занялся чем-то на северном полюсе — наверное, отомстить хочет за своевременную критику. Достал он свой верный рупор и стал ондатра лорнировать.

Потому что, кроме как в рупор, лорнировать его ему было некуда. Глядь, ондатр уже волку ноги вяжет проводом от синей лампы. Маникюрными ножницами щёлкает, к ампутации готовится.

— Ах, ондатр. Лучше б я тебя вчера на завтрак съел, — сказал волк, отвязывая от себя Лампу Банкира. И зубы чистить они с ондатром пошли, положено это ондатрам, достигшим зрелости. А ножницы на северном полюсе забыли, чтобы потом на них сел кто-нибудь и стало бы весело. А лампу ондатр платочком накрыл для красоты. Носовым, вышитым.

Посадил как-то волк ондатра на холодильник. А снять забыл и ушёл по своим волчьим делам. Затосковал ондатр и занялся хозяйством. Вигвам построил, таракана одомашнивает, зовёт его по-доброму — Маугли. Урожай в землю зарыл, вырыл, посмотрел на него внимательно и обратно зарыл — пусть вторично произрастает. Жаль, почва не унавожена — и уже задумался, задумался над этим ондатр-поселенец... но тут пришла ему в голову мысль получше. Распушил ондатр воображаемые крыла и улетел воображаемо прочь. Вернулся волк — весь в перьях каких-то, в дёгте — а ондатра нет. Нет ондатра там, куда был помещён! «Испарился», — подумал волк, но тут заметил чету ушей, парящую над холодильником. Наверное, про уши ондатр забыл навоображать невесть чего, когда летел воображаемо прочь. Схватил волк уши, потянул легонько — и вытащил ондатра, цельного, довольного и воображаемо самостоятельного. Отряхнул его волк от самостоятельности и говорит: «Да ты, ондатр, всё крепчаешь! Ты где был?»

— Хорька покупал, — неожиданно для автора ответил ондатр.

Так в сказочном лесу появился хорёк Любимец и народная мудрость: забыть ондатра на холодильнике — к прибавлению семейства.

Проснулся как-то волк, а под боком у него ондатр. Совсем страх потерял, пригрелся. Хихикает.

— Ондатр?! — уточнил волк для порядку.

— Нет. Я мышь, — нагло ондатр отвечает. — И-и-и! — пищу, дескать. Умею.

Стал волк выяснять личность этой, с позволения сказать, мыши:

— А скажи мне, мышь! У мышей лапы — какие?

— Короткие, — отвечает лжемышь, а сама ногами длинными так и колбасит, так и колбасит.

— Короткие! А у тебя что? Сознайся, мышь, — ты ондатр!

— Не, — упирается мышь, — мышь я белая.

— Мышь, мышь! — поддерживает её Дуб-Первопредок, — а ноги, может, не её! Чужие это ноги, потому и длинные.

— Ладно, — говорит волк. — А скажи ты мне, ондатр, мышь — она какая?

— Маленькая! Мирная! — выкрикивает мышь, а сама волка так и кусает, так и бодает.

— А ты, мышь, меня бодаешь? Бодаешь! На меня нападаешь? Нападаешь! А это признак ондатра! Сознавайся, мышь, ты ондатр!

— Нет, я мышь! — хихикает, а сама ногами длинными колбасит, головой бодается и кусается. И хвоста нет.

Отвёл тогда волк самозванца в ванную и велел зубы чистить, а сам отвернулся. Поворачивается — а ондатр уже зубной пасты полтюбика съел. «Вот ты и попался, ондатр! Мыши зубную пасту не едят!» — воскликнул волк, всплеснув собою. Так ондатр был пойман с поличным, а волк весь день считал себя Эркюлем Пуаро (особенно Эркюлем).

Решил однажды волк ондатра за ногу ухватить. А ондатр, не будь дурак, в ванну побежал и там в пену спрятался. Делегировал волк щуку. А в воду ништяков каких-то накидали, цветочками вода пахнет и цвет имеет буржуйский. Расчихалась щука, прослезилась и вернулась понурая. Делегировал волк мышеловку-нержавейку. А ондатр не будь дурак коленку подставил — скользкую. Не за что мышеловке уцепиться, вернулась она понурая. Ликует ондатр, «будибы-будибы» говорит: «Будибы-будибы, бадабу-бадабу, тудыть-сюдыть, висеть тут умею вниз головой!» И повис ногами кверху на бортике. Волк его сразу ухватил, и вовремя — потому что ондатр, не будь дурак, затонул. Тащит его волк, ругается, а ондатр правильно себя ведёт, за жизнь борется, волку ногой в лоб бац, бац! Бессознательно, конечно, — какое в ондатре сознание! Потерял волк человеческий облик, посадил ондатра ровно и стал ему голову мыть. Тут ондатр опомнился и сам стал волку предлагать — а не хочешь ли ты меня за ногу ухватить? Вот эта правая. А эта левая. Хватай, какая больше нравится. Да только поздно уже было.

Как-то по желанию коллектива волк стал кричать «Ух-ух!» и стал филином. Парит хищник в поднебесье, глядь — ондатр с бобром скачут сами себе наперерез. Волк, забыв, что он филин, по привычке ондатра и хапнул. Парит волк, то есть как бы филин, с ондатром, но что-то не парится ему. Ондатр попался тяжёлый, вертлявый. Не утерпел филин, бубыкнул ондатра в подушки и решил с бобром счастья попытать, спикировал и закогтил бобра. А бобр этакий пухлый, серьёзный — кто б подумать мог, что тоже вертлявым окажется? Кувыркнул филин бобра в подушки и зарёкся с живой природой дело иметь. Отныне, думает, буду только печенюшки хапать. А сам кругами, кругами в небе шастает. Смотрит — печенюшка, славная такая, беленькая. Примерился филин и ухватил печенюшку. В гнездо несёт. Чувствует, какая-то печенюшка ему попалась не такая — не только тяжёлая, но и вертлявая, и гогочет, как ондатр — тьфу ты, да это ондатр и есть! Бубыкнул его филин в подушки с переподвыподвертом и дальше полетел, глядь —

ещё печенюшка виднеется, солидная, шоколадная. Ухватил её филин, несёт, а сам уже порядком утомился. Сначала думал, показалось ему, — нет, точно — ржёт печенюшка, ну прямо как бобёр, неужели очередной бобёр попался? — а тот даже не отпирается, тоже хочет в подушки грянуть.

И зарёкся филин с печенюшками в дипломатические отношения вступать. Разочаровался я, думает, в печенюшках, буду теперь грибы собирать. Парит, вглядывается — а вот и грибы бегут! Забежали поперёд филина, сели и демонстративно расти начали. Подсмотрел себе филин боровичок симпатичный, ухватил, взлетает — тьфу ты, опять бобёр! Я-то думаю, это какие же у нас в Сибири грибы солидные! А это бобёр! Бобром тоже гордиться можно, но лететь с бобром тяжело, уж больно он тяжёлый и вертлявый. Бубыкнул его филин в подушки, а внизу на дорожке сыроежка уже митингует, беленькая такая, чистенькая, в облака ей хочется. Из последних сил похитил филин сыроежку, несмотря на то, что сразу в ней ондатра признал. Но никуда не долетел, потому что в подушки бубыкнулся вместе с разоблачённой сыроежкою. С тех пор зарёкся филин филином работать и стал в подушках лежать, но «ух-ух» ещё покрикивает, и то ладно.

Взмахнул как-то волк ногами. «Уроним честь ондатра!» — призвал и опять взмахнул. А ондатр держится, бережёт честь смолоду и не роняется. Вредный.

— Уроним часть ондатра! — явно на компромисс волк идёт. Но ондатр крепко держится, бережёт часть смолоду.

— Чисть ондатра! — нашёлся Дуб-Первопредок, и все кинулись ондатра чистить. Особенно бобёр старался, благо у него кегля в руке была. Крепко начистили. И Первопредка тоже начистили мимоходом. Пользуясь случаем.

— А я вас тогда в таз забетонирую. Чтобы неповадно было бобровать. И ондатровать тоже! — дуб им на это отвечает по-мафиозному.

— Меня, меня сначала бетонируй! — ондатр, даром что начищен, интерес проявляет. Боится, как бы его бобёр не опередил. Но молодёжь и глазом моргнуть, не то что забетонироваться, не успела, как дуб с волком уже расслабились в обществе дивана и предоставили воспитательному процессу без них идти. Даже вздремнули немного. Просыпаются синхронно, всё в порядке, воспитательный процесс не дремлет — в углу ондатр бобра бетонирует. Лестницей. В меру своего разумения. Сверху деталью деревянной прихлопнул, тоже в меру своего разумения.

Булькает, пшикает что-то под лестницей и деревянной деталью — а не страшно никому, все понимают, что там бобёр достиг самоактуализации. Вылезает бобёр — на себя не похож!

— Это что за дуся? — Дуб-Первопредок интересуется. Без особой, впрочем, сопричастности.

— Акула я! — ответно челюсти под лестницей клацают.

Шёл-шёл воспитательный процесс, клацали-клацали челюсти, а волк с Дубом-Первопредком теоретизировали:

— Когда бобёр зубами бряцает и гыкает, то это акула... — дуб начинал.

— Не прав ты, вечнозеленый. Когда акула зубами бряцает и гыкает, то это признак бобра! — волк подхватывал. Акула гавкала во всё воронье горло. Тогда вышел на неё ондатр храбрый и пельменеядный, и боролись они до полуночи. А волк с Дубом-Первопредком до полуночи спорили, кто кого заборет, пока совсем оба не заборолись.

Вечером было солнце. В волшебном лесу воздух был инкрустирован неподвижными золотыми пылинками. Ондатр ощупывал ухо. Ухо было красное, как помидор, и непростое, как вареник. «Мошка, — подумал ондатр, — нападает исподтишка. Ты трус, мошка, выходи на смертный бой». Муха Цеце выглянула из логова руки в боки:

— Чую-чую, русским духом пахнет. Как не стыдно, ондатр, горшок надо выносить! Думаешь, тут у нас санатория? У нас официантов нет, и тебе, ондатр, всё надо делать самому. И это ещё хорошо, что я тебя кусаю, челюстей не покладаю. Какой-то ты, ондатр, несамостоятельный, даже за ухо сам себя укусить не можешь.

— Ты трус, цеце, выходи на смертный бой, — хотел сказать ондатр, но что-то растерялся. Взял себя за ухо и повёл к волку побеседовать. Волк был ясен и печален, у него болел живот. Увидев ухо, он обрадовался — «о красота! о поэзия!» — и стал им любоваться. Ухо меняло цвет. Было вишнёвым, было лиловым, алым, пурпурным, бордовым, багровым. Сквозь ухо светило солнце. Любование цветущим ухом не затянулось, оно прошло и миновало. Ухо обрело исходный цвет, любоваться стало нечем.

— Да, ондатр, красота недолговечна. Так опадают розы лепестки... — вздохнул волк.

— Оно не опадает, — насупился ондатр и покрепче ухватил ухо. Они сели рядом и тихонько запели: «Там вдали за рекой догорали огни». По реке приплыла черешня из Ташкента, прекрасная как ухо (о поэзия, о красота). Вдали шумел одинокий мотоцикл.

— Ишь, распелись! Воду не нагрели, ноги не помыли... — пробормотала цеце и хлопнула дверью.

Однажды ондатр с бобром выросли. Человечки растут в детей побольше, потом ещё в побольше, а там, глядишь, космонавтами станут. Ондатр же с бобром стали вомбатами.

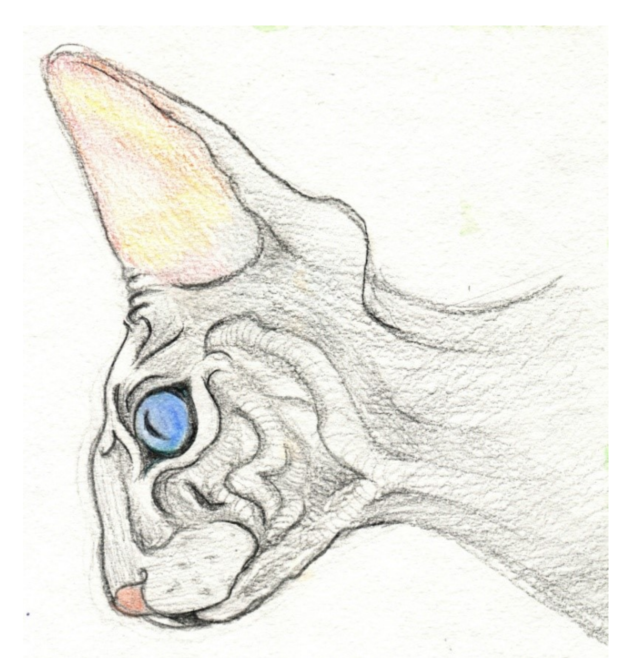
Лезут на дерево, кричат наперегонки: «Я коркодил! Коркодил свободного племени!»

— Слышь, волк, они чего? — Дуб-Первопредок переживает.

— Вомбаты они… тьфу! Свободного племени.

Жаль, конечно — ондатра с бобром хоть растащить можно было. А вомбат, он хуже муравья, как его растащишь — вомбат животное коллективное.

И всё у них по правде. На кровати в унитаз играли. Лысый кот аж в складки собирается — недоумение в нём. Он вообще с детства такой недоумённый, но тут предел — ни тебе, лысому коту, подушку пометить, ни тебе, чёрту лысому, в хозяйских рубашках присесть. Всё уже загажено. Везде ступил вольнолюбивый вомбат.

— Свинюги, — шепчет Дуб-Первопредок. — Сссвинюги! Значит, наступил он куда вомбат ступил. Значит, неравнодушен.

Волк сидит, Банану Ёсимото читает. Хорошо волку. Вомбаты рыщут, бананы тащат. Но плохо вомбатам. Никто их в мешок не кладёт, не несёт по тёмному лесу. А надо. Надо, волк, надо! Вот давай мы будем спать в пещере, ты придёшь, в мешок нас аккуратно — и таскай, пока не околеешь. Волк сразу околел; шутка ли — вомбатов мешок сорокакилограммовый? Не шутка. Бросил мешок и пошёл, прямо бегом побежал, нашёл возле еды новую маленькую кошку и стал её беречь — носить, на руках укачивать, да всё скорей-скорей, пока она не выросла и тоже в вомбаты не подалась. Но кошку у него отобрали вскоре. Вомбаты

из неё хотели котобус вырастить и ездить в нём по электрическим проводам, дымясь и потрескивая.

— Постойте, вомбаты!

— Мы не вомбаты!

— Нет, вомбаты, вы вомбаты.

— А ты конопелька! Ты чемодана!

— Кто? Я? Ктоя-ктоя? Ктоктоя?

— Да! Конопелька ты! Чемодана ты! Да! Да!

На чемодану волк уже обиделся. Схватил первое, что под руку попалось… а оно уж глаза закрывает, на балконе звёзды, впереди луна.

— Ну чего ты, вомбат, душенька, мягкий шарик?

— Во мне сердце тает. Как растает — я засну.

Волку снилось солнце и как будто его кто-то трогает. Открыл глаза, и всё сошлось: ондатр вокруг. И оранжевой ленточкой машет. Завязал волк ондатру глаза этой ленточкой и пошёл обратно в солнце. Недалеко ушёл, слышит, на опушке волшебного леса неладное творится:

— А-а-а… бумм! А.. бум, бум! — бабушки в обморок валятся, как поленья, полны чайники роняют.

— У! у! — дядя спасается. Ондатр на всех фронтах воюет. Он от ленточки тигром стал. Тигры, они всё рыжим видят. И сами рыжие. Скоро замерло всё на опушке (некоторые её неверно попушкою ещё называют) — кто в берлоге отсиживается, кто без сознания отлёживается, кто в магазин пошёл. Ондатр в ленточке возвращается.

— Ты что, хищник разнузданный? Добычу когтишь? Офигел совсем?

Глядь, а ондатр-то! Идёт смирненький, глаза опустил, песнь заводит, сказку говорит, сам на себя ошейник надел, поводок волку протягивает. В полосочку поводок.

— Я твоя буду девочка-тигрёнок. Домашняя.

Кинулся волк, зубами ошейник развязывает:

— Что ты, что ты, так нельзя! Ты же тигр! Живи на воле, когти добычу!

— Не умею, — отвечает, — не могу, не буду, — и валится кверху пузом. — Грызуном на свет родился. А ты, волк? Ты сам-то — хищник?

Не выдержал волк, не удержал оборону, сознался:

— Корова я. Мы, коровы, не добычливы. Хотя… корова может ленточку зажевать. Букет. Футболку. Картошку жарену. Вот только за ноги тебя, ондатр, не может подвесить.

— А если она учёная?

Обозлился волк, потому что ондатр умел разом намекнуть ему на две волчьих проблемы — вымя четвёртого размера и кандидатскую диссертацию. И подвесил ондатра за ноги. Так впервые было экспериментально доказано, что учёная корова и вправду многое может.

Пошёл как-то волк в лес по ондатры. Но ондатров не набрал. «Год какой-то ненормальный, неурожай за неурожаем», — подумал волк, хотя догадывался, что ондатра достаточно урожать один раз, а там он сам поддержит своё интенсивное существование. Однако в этом году новых ондатров не уродилось, а зрелых не сохранилось, наверное. Глядь, в куче мусора крупный вомбат тусуется. Не ондатр, конечно, но тоже ничего, приятный. Пригляделся волк — что вомбат делает, чем занимается, а вомбат к танатосу стремится, игральный кубик глотает и снова выплёвывает. Вот промахнулся и мимо рта уронил.

— Кука ты, вомбат, кука кисловодская!
— А ты бука.
— А ты распупыдло!
— А ты дом, ты дом домастый!
— А ты пень ушастый!
— А ты кегля!
— А ты пакля.
— А ты швакля.
— А ты букля.
— А ты кряква.
— А ты див! А ты гуль, ты этот… нет, вот этот… ты казан красноказачий!
— А ты горчица.
— А ты агафон. Агафон-агафон, я тебя съем.
— Я не агафон, я мышь твоя… любимая.
— Да и я тоже не горчица.

Лежат агафон с горчицей в куче мусора, обнимаются. Плачут немножко, но это можно, это от любви.

Грустно осенью в лесу. У кого руки дрожат, тот так сразу и пишет напрямую: «Очень в лису» — ничтоже сумняшеся, извините за выражение, то есть за два. Осенью очень грустно. На небе ни солнышка, ни фига, в лесу ни вомбата, ни клопика. Но не вомбата единого вечной красой сияет природа равнодушная. Бобёр с ондатром, маленькие, по лужам

прыгают, распушились под дождём, из-под дождя выглядывают, как суслики. Ишь, скользкий ты какой, ондатр. И тяжёлый, словно сусль. Сусел ты осенний. Подкатывается и бобёр, сырой и грязный, сапогами дрягает, жмякает:

— Я мягкий шарик!

Эх, бобёр-бобёр, это ты три года назад был мягкий шарик, а теперь ты сусел, такие дела. Да воду вылей из сапог. Из ушей тоже, пожалуйста, а то ты так громко булькаешь, тревожно становится.

Жабу не поделили. Идёт диковинный сусел, рыдает, ушами прядает, сам себя в разные стороны знаменует:

— А-а-а! Он меня жабу нести заставил!

— А ты её в лужу посади.

— Не-е, — упирается сусел, — не посажу.

— Тогда мне отдай.

— Не дам! А-а-а! Не трожь жабу, Волк, подерёмся! Не смотри даже в её сторону! А-а! Волки позорные, сначала жабу нести заставляют, потом жабу а-а-а-атбирают!

— Что ж, давай я тебе её в капюшон посажу.

Дальше идём, жаба в капюшоне едет, помелом следы заметает.

Дуб-Первопредок ать-ать в сапогах болотных, ыть в воду, хлюп, болотники ему в тазобедренность равнобедренно упираются. С мужским характером сапоги. Раз сапог, два сапог. Раз сусел, два сусел. Сусел-сусел, ай-лю-лю, — пошли суселы на голос, Первопредок их быстро хвать, одежду грязную с них фырр, вжик, чмяк, сунул в один сапог одно, в другой другое. Уверенно идут сапоги по широкой дороге — скачут, крякают, ухают на поворотах. Из одного торчат пытливые детские глаза, из другого — пытливые детские пятки.

Белые снеги идут, суселы в электричке едут. Глядь — мужчина живой. Опомнились суселы, объединились. Напрыгнули на мужчину с двух сторон, песни пели для него, по голове гладили, мурлыкали недолго, потом, правда, они нечаянно друг на друга сели, встали, упали, отжались, стали плакать и скакать, тут-то их Волк с Первопредком и растащили, улучив момент. Влекут суселов в их синхронные логовища, думают:

— Ну хоть вомбатов сегодня не было. Суслы, и то запарили как по-страшному. А с вомбатами мы бы всяко-разно не справились. Стареем…

Белое утро, в волшебном лесу третий снег. Волк прокладывает лыжню между кроватями, смотрит — какие-то ноги торчат ему поперёк. — Здравствуйте, ноги, — говорит волк, серьёзен по утрам не по годам. — Здравствуйте, ноги, доброго здоровьица. И вас, уши, я тоже замечаю и приветствую.

— Привет, Волк, — отвечают ноги, но с дороги не уходят. А уши вертятся на заднем плане, подзуживают. Понял волк: придётся перейти на личности. Где-то так:

— Эй вы, уши, прочь копыта!

Стали уши тянуть за копыта, тянут-потянут, вытянуть не могут. И понял волк: это неспроста.

— Ты! Ты мышь-копытная-шлагбаум-баум-баум! Копытных мышей не бывает — раз. Мышей-шлагбаумов не бывает — два. Копытных шлагбаумов — три. Тебя три раза не бывает, так что дай пройти!

— Всё не так, — отвечает мышь-копытная-шлагбаум-баум-баум. — Я не шлагбаум.

— А что ты мне тут дорогу загораживаешь?

— Это ты мне загораживаешь.

— Я? Тебе? А разве ты куда-нибудь идёшь? Сучить копытными ногами — так твоя деятельность называется. Я даже сесть на тебя могу нечаянно, ты живность неодушевлённая, я же зверюга близорукая. Если я на тебя сяду, что будет?

— Упаду, конечно.

— Это мысль. А ты можешь упасть прямо в тапки?

Копытная мышь-шлагбаум в тапки, однако, не упала. То есть упала, да не попала. Попробовала второй раз — и тут уж сказалась тренировка. Точно в тапки, ровненько, только лицом, а не парнокопытностью.

Так отечественной науке в очередной раз удалось доказать, что яблочко от тапочка недалеко падает, а волк проложил лыжню до самой кухни.

Однажды к волку в логовище пришло счастье румяное, и это был вомбат. Волк как раз размышлял о том, как легко упустить момент, когда вомбат становится годзиллой — зеброкрысов тоже из виду упускать не годится, но это всё так ничтожно в сравнении с двумя-тремя активными годзиллами... И тут вомбат пришёл — меньшее. В смысле, из годзиллы и вомбата вомбат — меньшее. И само невелико, размерчиком.

Вомбат-пришелец, пришед, сразу стал в коридоре через две табуретки кувыркаться. А у волка, как на грех, был ондатр заначен где-то под буфетом. Как ни старался волк скрыть свою порочную практику и прагматику, тактику и догматику, физику и лирику, синтагматику и парадигматику (волк, а волк, соловушка, заткнись уже, пожалуйста!), как ни старался, а вот оно, тут.

Вомбат ондатра сразу приметил, приветил, с грустью отметил, что ондатр отстал в развитии — посмотрите, крестиком вышивает! — быстро подтянул его до своего уровня, и стало у волка два вомбата. Вомбат и... вомбат. Чего стыдиться-то? Не я вомбатов вывел, так природа учредила.

Порешила так она, природа — порешила она волков, понимаешь. Вомбатов посредством. Не я их понаразвёл, — думает, — что же делать, будем породу улучшать.

Выстроил волк вомбатов, пересчитал, лекарством отпотчевал (положено так было). «Запевай!» — говорит. Они и грянули:

У нас в магазине, у нас на бензине
украли четыре слона.
Слоны не хотели, чтоб их воровали,
и так разразилась война.
Слоны своровали себе бегемота
и вместе пошли на таран,
они поместились на три самолёта
и стали лететь в океан.

Самолёты упали, но не утонули,
поплыли, как лотос-цветок.
По берегу встали слоны в карауле -
они совершили прыжок!
Тарам-парабам-марабан!
Тарах-парарах-барабах!

И стали опять через кубыретку табуркаться. Табунами бубырялись, табурялись бесчисленно.

Понял волк, что если не он, то кто, и нанёс ответный удар. Посадил вомбатов в водоём, ополоснул и отлучился на минутку. Будто чуяло сердце-вещун, что вомбатам для злодейства

нужна тишина и рабочая атмосфера, а мешать им — негоже. Или втуне. Или даже вотще. Как кур во щи.

Ну и всё, дальше всё просто было и естественно. На бульканье всякий пойдёт, интересно же, вот волк и пошёл. Как пошёл, так и распростёрся. Вомбаты знали, что делали, когда воды на пол наливали. Хорошо, костыль стоял за холодильником, волк себе им помог. Поднимается — в водоёме попа чья-то плавает. Волк не сразу сообразил, сначала за сердце схватился. Потом за голову. Потом за плавающую попу. Из воды её тащил-тащил — потом вспомнил! Это же не абы что, это часть вомбата. А вомбат есть что? Вомбат есть бывший бобёр и будущая годзилла! Это память генетическая. Ныряет оно. Ныряет, потому что умеет. Услышало, как волк костьми пораскинул, и занырнуло себе от справедливого гнева.

Только и сказал волк «ты, я чувствую, вомбат, не хочешь счастливой жизни, а хочешь ковшом по голове», а больше ничего не сказал. Генетического бобра он сдал Мухам Цеце — до утра, для опытов, а генетического ондатра себе оставил.

Полночи Мухи устанавливали, можно ли усыпить генетического бобра. Сначала годзиллу в бобре усыпили, потом вомбату колыбельные пели, а там на третьем уровне и бобёр уснул, довольно мягкий. А кусать его мухи не стали — сами раньше уснули.

С ондатром же так было: входит волк в комнату, таясь, весь такой из себя агент Малдер.

— Спишь ли, юный печенег?

А юный печенег, аки печенюшечка, с кровати на диван прыгает и в руке со свечкой восковою. Дело делает, темноту собой освещает. Попрыгал, сколько надо ему было, лёг, свернулся калачиком акробатически, последний раз на свечку посмотрел и дунул. Но уши по-прежнему темноту собой освещали и даже как-то облагораживали, не хуже Лампы Банкира, даром что она ништяк никелированный, а уши как есть уши. Печенюшечка.

— Вышли мы все из вомбатов, дети семьи трудовой.., — мурлыкал волк, танцуя напополамс напополам с костылём. — Тарам-та-ра-ра-рамм, парапамм… бандитки упали, но не утонули... ох, пополам-пополям... устали, но не уснули...

И лёг на одр, и стал покоиться. И костыль с собой положил, питая к нему чувство одиночества. Обнял его вместо плюшевого мишки...

— Эх, друг костыль, ты один меня понимаешь...

Тут ондатр открыл левый глаз и попросил ещё одно одеялко — ондатры зимой гнёзда вьют.

Волк вздрогнул во сне и тут же проснулся от страшного крика: «Бобры падают!» На кровати лежала нижняя половина бобра. Она была отмечена приятной пышностью и отсутствием верхней половины. Та стояла перпендикулярно дивану, и голова на полу голосила: «Бобры падают!»

— Изыди, Годзилла, — попросил волк, рефлекторно осязая костыль. Он чувствовал слабость. Нижняя половина бобра стала доставать верхнюю половину, но как-то мило и неловко, без привычных годзильих ухватов (ухваток, наверное, но волкам видней, они всю жизнь с народом). Бобёр был сам на себя не похож.

— Что ты, кукусик бобёр, что с тобой творится? — встревожился волк. Взял бобра на ручки — лежит бобёр, со всех сторон свешивается, а лежит. Посадил бобра на коленки — сидит бобёр. Черепнёй не дерётся, ногой не лягает, не выкувыривается никак. Волк ему и книжку читал, и беседовал, и песню пел, а сам тревожился, не заболел ли бобёр. Наконец посадил его в подушки и говорит:

— Не рви мне душеньку, бобёр! Колбасься!

— А как?

Диво, горе! Бобёр колбаситься разучился! Сидит маленький, мягкий, щеками колышет, совсем растерялся. И рад бы колбаситься — а не может.

Взял тут волк краюху хлеба, посадил бобра на закорки и пошёл по белу свету искать, не знает ли кто, как вернуть бобру потерянный расколбас.

Долго ли, коротко шли они, устал бобёр. Запросил пардону и привалу. Присели они на берегу невидимой реки, прилегли на берегу, да так и заснули бы, да только ондатр пришёл, диковинный, великолепный. И сразу к волку обратился:

— Мне лошадку-самосвал!

— И мне лошадку-самосвал, — поддакивает бобёр, благо говорящим остался — не расколбасом же единым!

Стал волк им лошадку-самосвал изображать. Ондатр доволен — страсть. Бобёр тоже ничего, побулькивает, полёт проходит нормально. Ондатр разъяснения даёт:

— Лошадка-самосвал сначала сваливает седока…

— А потом сама сваливает! — это волк, почуяв, что заездят, к выходу пробивается.

— А потом сама сваливается! — верещат весёлые, напрыгивая на круп. Лошадка взбрыкивает, взбрыкивает…

— А песенку? Песенку!

— А я лошадку-самосвал узнаю по походке,
она носит, носит брюки галифе,
а у неё интеллигентная манера разговора,
кроссовки она носит адидас, адидас…

— Какие-такие кроссовки? Подковки? — вот тут они и въехали в Лампу Банкира. Хорошо, что Банкир — персонаж мифологический, он бы не простил. А под лампой книжка была. А под

книжкой были трещины судьбы, так что когда ондатр с бобром книжку хапнули, Лампа Банкира немного провалилась, и наступило стихийное потемнение.

— Есть такая пословица: мне темно и воздуха и не видно!

— Есть такая пословица: хватайте все и пичкайте бобра!

— Где лампа? На чём она теперь стоять должна?

— Ой, на чём она, на чём? На пустоте. Как костёр.

— Где волк, где волк? Волк, ты куда ушёл? Где мой волк?

— А ты закрой глаза!

— Ты меня ногтем. Рядом с носом!

— А ты меня носом рядом с ногтем!

— Ах ты однотапок!

— Однотапок — это однотоп? Я не однотапок, я двухтапок.

— А я к твоей руке розовый бантик приклеила, представляешь!

— Ах ты… ах ты котоварка!

— Что?! А Дуб хоть знает, что вы планируете суп с котом? Эй, Дуб, аллё, вы там когда последний раз своего кота видели? Да? Поищи в кастрюле.

— Теперь ты закрой глаза!

И тут зажглась Лампа Банкира. Она уже была не та, что раньше, но смогла осветить главное — чудовищный расколбас, воцарившийся в волшебном лесу. У бобра на щеке была сгущёнка, у ондатра на коленке — царапина, у волка на душе — радость.

Однажды ондатр лёг спиной кверху, а волку инструкцию дал: массаж классический одна штука на текст «рельсы-рельсы шпалы-шпалы», музыка народная — отсутствует. Что делать, прилёг ондатр, не перешагнёшь, не сдвинешь, волк и начал по-честному: «Грымзы-грымзы, жмуглы-жмуглы, скачет велодырбабас гладкокруглый».

Недоволен ондатр. Искажаешь, говорит. Не грымзы и не грымзы, не жмуглы и не жмуглы, и не скачет, и не велодырбабас, и не гладкокруглый. Сам ты, волк, гладкокруглый. Закругляйся поэтому окончательно, а как закруглишься — вернись к первоисточнику, «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы», ну, поехали.

Ладно-ладно, рельсы-рельсы, — думает волк, — я тебе это припомню. Что там у нас в первоисточнике? «Пришли куры — поклевали»? Поклевали, как же. Пришли куры — отдубасили! Пришли гуси — отдубасили!

— Стой! — ондатр кричит. — Это неправильные куры! Зови других! Пришли куры второго созыва — отдубасили. Третьи куры в футбол играли. Четвёртые картошку пололи на территории ондатра, потом окучивали, потом угомонились и всё-таки поклевали.

— А однотопа изобрази! Как девочка-однотоп по морю плывёт. Кузнечика! Медведя! Жирафа! Уи-и-и!

— Что ты визжишь, ондатр, у него копытца!

Однажды волк щёл по лесу. Не по-сказочному шёл по сказочному лесу, а по-настоящему по настоящему шёл. «Но в твоей, сестра, квартире завелись бурундуки», — пел волк хорошо забытое старое. «Они пророют в ней норы, — пел волк, старался. — Они чего-то в ней крышу», — потому что и крестьянки петь умеют, и волки желают. Огляделся волк в поисках мистического соответствия, но бурундуков в лесу не было. Бобёр с ондатром, правда,

наличествовали, с тропинки друг друга спихивали, кто первее, уточняя. Дай-ка, думает волк, буду их в бурундуки посвящать. Ты, ондатр, будешь бурундук номер один. Стоп, да ты меня не слушаешь — ты из штанов вываливаешься! Нагнулся волк ондатра поправить, чувствует, кто-то его сзади шлёп.

— Да будь я хоть тёткой преклонных годов! — в сердцах выругался волк, но тут же вспомнил, что так оно и есть. Оглянулся — бобёр стоит, лицо приятное и палка в руке.

— Ты ли меня палкой хлопаешь, бобрина несмышлёная?

— Я по дереву шлёпаю для развлечения. А тебя птица клюнула.

— Ах так? Быть тебе, бобёр, бурундуком номер один.

— Не-а. Я волк.

— Странно. Волк, говоришь? А что это ты, волк, такой малый, милый? Волки, они большие, жуткие.

— А я дерусь. У меня палка есть. Сзади подкрадываюсь. Волк я.

— Да… — вспомнил волк и поморщился. — Это ты правду сказал. Ты из волков волк. Или даже из медведей.

— Я — ну погоди. А ты — заяц.

— Ага. У тебя палка — я заяц, у меня палка — ты заяц. Всё у нас с тобой относительно, так что посвящаю тебя в бобрундуки.

Ондатр тем временем встал в шиповник добровольно, потом сел в шиповник добровольно и, наконец, лёг в шиповник волею судеб, недобровольно, но закономерно запнувшись об себя. Так ондатр открыл закон тяготения, волк создал теорию относительности, а о бобрундуке песню сложили: «Бобрёнок-бобрёнок, взлети выше солнца». И с песней пошли на Каменный Остров переправляться, потому что ондатра после шиповника потянуло к познанию. Он хотел познать, что будет, если упасть в водопад. Бобра же туда пришлось на руках относить, устал он очень. К

теории относительности пришлось поправку внести: бобры всегда относимы волками, а волки относительны относительно бобров, и никакая это не теория, а самая что ни на есть практика. «Тебя называли бобрёнком в отряде, враги называли бобром!» — взлетал выше солнца относительный волк, дети росли и пушились, река шумела и падала вниз.

Проснулся как-то волк с ног до головы в хтоническом скептицизме. Видно, ночью в скептицизм с дивана свалился. А может, и не дошёл до дивана, так и уснул в скептицизме. Но проснулся, так или иначе, и сразу решил ондатра узлом вязать. Глядит — дитя добра и света. Глядит — свободы торжество. Свободы торжество ногу свою, свободную и торжественную, из-под стола таращит, а местами даже из-под табурета. Белам-белом, ой, белым-бела нога, аж пятка розова. И решил волк дитя добра и света в узел хтонического скептицизма завязать. Прямо в узел завязать, завязать. Но только приступил к делу, как заговорила нога человеческим голосом:

— А ты подушками жонглировать можешь?

Волк так опешил, что даже попробовал.

— Нет, отвечает, двумя не могу. Это труд титановый.

— Ну хорошо — двумя не можешь. А тремя?

Так ондатр метким тематическим выстрелом усугубил волку его скептицизм. Схватил волк говорящую ногу, встал на табурет по застарелой привычке и стал ноге стихи читать:

Здравствуй, бледная нога!
Почему ты без нозга́?
Без нозга́ без но́зга,
Без мозга́ без мо́зга!

— Но́згам мо́ги не положены, — нога отвечает. Робка нога, прохладна, зато жива и разговорчива.

Нозги, думает волк, хорошо с розгами рифмуются. И хотел было сочинить второй куплет, исполненный хтонического скептицизма, но зазвонил у него встроенный напоминатель. Связал волк ондатра в узел и на добычу поскакал. Узел чисто символический получился: сироп от кашля, витаминка, мультик про Простоквашино. Ондатр даже вырваться не пытался. Создавалось такое впечатление, что ему всё это как будто даже нравится.

Возвращается волк с добычи с добычей. Доволен страшно — добыл кусок печенья и сто пудов хтонического скептицизма. То-то рад, то-то доволен, на сто лет хватит. Песню поёт взамен утраченной: «У меня нет имени, у меня нет знамени…»

— Что там на работе? — Дуб-Первопредок участливо спрашивает. — Существительные склоняли с пятиклассниками?

— Склоняли, — отвечает волк, склоняясь, как башня Пизанская. — Ох как склоняли...

У меня нет темени,
У меня нет племени,
У меня нет вымени,
У меня нет бремени.

Чувствует, наврал где-то, то ли в вопросе вымени, то ли в вопросе бремени. Значит, не песня то была, не правдива, не хороша она. Глаза поднял горé и лампе — под потолком ондатр парит, кукует. Нет у него знамени, нет у него бремени. Значит, песня то была, правдива, хороша она?! Подредактируем — грянем, подредактируем — снова грянем!

Так в тридевятом царстве — пригородном государстве волки с ондатрами грянули в вернейшем смысле этого слова, а хтонический скептицизм в который раз накрылся хорошим медным тазом.

Ничего, вомбаты, я про вас не знаю, я себе уютную берлогу образую. Вот как волк подумал. И стал берлогу образовывать. Но сам не справился, пришлось вомбатов на подмогу звать. Они сбежались, советы дают.

— А если я на кошку лягу? Ухом, словно на подушку?

— Убежит.

— А если на тебя, вомбат, я ухом лягу?

— Буду дрыгаться.

— Я не могу дорогу найти в свою берлогу. Что тут лежит дороги поперёк? Ой, мягкое. И поёт? Поёт. Исполняет. Это песня о вомбатах. Под неё надо танец о вомбатах. Исполняется так: в каждой руке волка находится вомбат, удержуемый за ногу. Движения танцующего подобны движению русской женщины, мирно шедшей с коромыслом и вдруг заметившей невдалеке коня на скаку. Вот эта остановка коня посредством коромысла и составляет мистическую запятую танца о вомбатах.

Но нет, не удержался волк на вершине искусства, скатился в низину радикулита на лыжах бицепса и квадрицепса своего. Нет, не удержались и вомбаты на вершине искусства, сползли под кровать и стали там в домик играть:

— Дай стаканчик. Дай стаканчик, а?

— Не до стаканчиков ему. На него дирижабль упал.

— Дай-подай стакан-стаканчик поскорей-скорей-скорей!

— Не до стаканчиков. С мозгом головным вомбат прощается. Да и не стаканчик это уже. Это… это…

— Мусор?

Лежит волк в берлоге, лёжа танцует под Эвору разнообразную, под Земфиру, и вроде всё хорошо, но чего-то не хватает. Лежал-лежал, лежал-лежал, решил наконец к вомбатам под кровать напрямую обратиться.

— Вомбаты! Я знаю, вы коварны! Вы помешаете моему упокоению! Вы, думаю, нагрянете.

— Я не нагряну, — один говорит. — Не помешаю.

— Я только случайно нагрянуть могу, — другой поддакивает.

Стало тут волку обидно, хоть плачь.

— Обидно! — говорит. — Обидно! Даже вомбат никакой не нагрянет, сна не нарушит, покоя не потревожит. — И уснул стремглав, от обиды-то.

Проснулся — голоса. Вомбат какой-то с головным мозгом беседует. Как звезда с звездою говорит.

Головной мозг ему в лоб:

— Вомбат ты или нет?

— А то ж!

— Да какой же ты вомбат? Ты вглядись, всё вокруг загажено — а лицо у тебя белое, чистое! Красный фломастер на что?

— Ты прав, головной мозг! — отвечал вомбат и немедленно расписал себя фломастером. Несмываемым, заметим.

А мозг как подпрыгнет, как заорёт: — Что ты наделал? Что у тебя с лицом?

Поглядел на мозг вомбат и не узнал его:

— Нет, это не я! — говорит. Это сверх-я какое-то… ааа! Вот ты где, волк, притаился, головным мозгом прикинулся злодейски!

— Да я-то тут при чём? — мрачно волк отвечает, оттирая с мордаса вомбатского иероглифы «остроумие», «сообразительность» и «кукушка гиблая». — Мозг тобой руководил, с мозга и спрашивай.

— Вот так всегда — сперва нарожают, потом угрожают! — верещит остроумие. — Головным мозгом моим меня же попрекают! — верещит сообразительность. А кукушка гиблая знай попискивает и ушами прикрывается.

Сказка началась неоригинально — с того, что волк проснулся. Проснулся и пошёл по ондатра. Инстинкт у него: некоторые первым делом в туалет, иные на кухню, иные покурить, а волк сразу по ондатра. А ондатр известно что. Лежит в одеялах, сам на себя не похож. Волк и не узнал его. Бывает с утра.

— Ты кто? — законно волк интересуется. — Ты репа, на грядке растущая? Снегами покрытая, дождьми не умытая? Лежащая на поле, укрымшись с головой?

Молчит репа, знак согласья подаёт.

— Ладно, репа. Ты тогда лежи, а я тебе песенку спою. И запел:

Ох ты репа моя репа, репа вековая,
отчего ж ты, чудо-репа, сонная такая?
Ох ты репа моя репа, репа многолетняя,
солнце светит в левый глаз, о весенне-летняя.
Встал над репою родитель, «ёксель-моксель» говорит,
вся душа его пылает, вся душа его горит.

Репа в садик не идёт, даже не умоется,
жизнь растительну ведёт, дышит и покоится.
Но весной проснётся репа, и возобладает,
и ботвой навстречу солнцу снова замотает.

Пел волк, а репа тем временем активность проявляла, в одеяло ввинчивалась, глаза покрепче закрывала.

— Да как ты, репа, смеешь? Ты что, частушку за колыбельную принимаешь? Так знай же! Опознай же плясовой напев!

Но репа не опознавала, и волк тоже с трудом уже опознавал. Никто и не заметил, как на грядке стало две репы. Одна большая, другая маленькая. Дышат и покоятся, песни репские поют.

Ох ты репа моя репа, долговяза и бела,
Ты, как доля моя, репа, нереально тяжела.
Ох ты репа моя репа с розовыми ушками,
Скоро в детском огороде ты зажжёшь с подружками.

Муха Цеце мимо пролетала, видит — непорядок.

— О, — говорит, — привет, волк. Чего лежишь на грядке?

— Ондатра я бужу. Методику разрабатываю.

— И что? Разговаривает?

— Нет. Только звуки издаёт, отражающие его истинную сущность.

Поглядела муха на эту картину кисти Репина, взвизгнула и улетела от греха, но устыдить успела. Устыдился волк, стал репу полоть и окучивать. А сам рассказывает правдивые истории

между делом (учёные установили, что если с репой разговаривать, она растёт лучше, ботвой приветливей колышет).

— Вот слушай, как дело было. Уложил дед репку. Выспалась репка большая-пребольшая. Стал дед репку будить. Будит-побудит, побудить не может. Позвал дед бабку. Бабка за репку, дедка за репку, будят-побудят, побудить не могут. Дед плачет, баба плачет, а репа лежит и кудахчет. Позвала бабка внучку. Внучка за репку, бабка за репку, дедка за репку, будят-побудят, побудить не могут. Позвала внучка Жучку. Прибежала Жучка, ударилась оземь, обернулась Зигзагом МакКряком. Зигзаг пикирует, внучка за репку, бабка-дедка… будят-побудят, побудить не могут! Кликнула Жучка кошку, а кошка мышку. Мышка за репку, кошка за репку, жучка за репку, внучка за репку, бабка за репку, дедка за репку, все за репку... Будят-побудят, будят-побудят — пробудили репку!

Вздребезнулась репка, сопритюкнулась… и пробудилась.

И пошли они в направлении детского огорода, рассказывая правдивые и лживые истории, распевая громкие и тихие песни.

Хорошо под небесами, словно репа с парусами, словно мыши с ушесами, плыть куда глаза глядят по дороге с облаками, по дороге с облаками…

Ах, друзья мои волшебные и товарищи печальные! Эх, бобры-первопечатники, нежные ондатровидные подруги человека! Жить-то как хорошо! Вот, казалось бы, такой заурядный предмет, как ноги. Думаете, они нехороши? А неверно! Хороши ноги, и ноги — это хорошо. Их протянуть можно в любое время суток. Протянул как-то волк ноги поутру где-то между кроватью с ножками и кроватью без ножек…

Тут в нём сразу Шехерезада проснулась и решила заодно историю рассказать про кровать с ножками. Её адресно выбросил товарищ Незайчик. Выбрасывает, а сам говорит тексты рекламные:

— Кровать — потрясная, берите! Новая она, хорошая — как Великая китайская стена, ей-богу!

Волк с ондатром и решились. И вот тащат волк с Незайчиком кровать, ножками в направлении волшебного леса, разговоры разговаривают. Дуб-Первопредок вокруг шумит, ветвями помавая.

— Я, — Незайчик говорит, — помню эту кровать как родную с самого своего незаячья детства. Она всегда такая новая, хорошая была!

Тут волк как взвизгнет: — А, а! Твоё ж незаячье детство! Когда ж оно было-то! — и понял, что обрёл, да поздно. Она уж есть. И славная кровать оказалась — добрая, удойная и с потенциалом. Надо на баррикады — пойдёт на баррикады, надо на огороды — на огороды. На хороводы тоже согласная. Золото, а не кровать, хороша, как жизнь моя. С нею рядом волк и проснулся. Просыпаться полезно, а по утрам ещё придумывается всякое.

Как-то кныску изобрели, животное с носиком, уточняющая реплика — с холодным длинным носом.

А дело было так: проснулся волк, глядит — ондатр суровый, ондатр-бодряк со своим верным другом и оруженосцем Насморком.

— Ну и кто здесь бодряк? — спрашивает. А сам бодрый такой…

— Ты, ты здесь бодряк, — покорно отвечает волк, с боку на бок почти не перекатываясь.

— А кто здесь кисель? — ещё суровей спрашивает.

— Я, я здесь кисель, — смирно волк отвечает, нос не кажет из-под одеял.

— А кто тогда мне кныску читать будет?

— Кныска что за зверь?

— С носиком. Холодным длинным.

Дальше больше. Голодным зверем кныска оказалась. Но привередливым. Волк ей макароны вчерашние сгоряча предложил — отвергла. Кабачка предложил отборного — отказалась. Посоветовала волку с кабачком проделать такое, о чём волк и представления не имел, поэтому послушал с интересом, но исполнить не смог — неосуществимо, говорит, на практике. А кныска еды всё просит и просит. Мечи, говорит, пироги на стол!

— Какие пироги? — взмолился волк. — Я их и не умею.

Но кныска дотошная была, с длинным носиком.

— Врёшь, говорит. Кто Бабру Вечнозелёному слоечки испекал? С вишней, с шоколадкою?

— Бабр ещё в полосочку был, в рыжую… — вздохнул волк.

Сошлись на блинах из гречневой муки и печёных яблоках. Кныска всё съела, носиком вильнула и была такова. Но это всё присказка, а сказка…

— И Бабр присказка?

— Бабр не присказка, Бабр — сказка. Но бабр в далёкие края уехал без возврата. С бабрами такое бывает. И это хорошо.

А волк тем временем опять проснулся.

— Не надоело ему просыпаться?

— Просыпаться полезно.

— Полезно — значит горько и противно?

— Волк же присказка, волк предыстория, а история о киселе будет. Об исполинском киселе.

Проснулся как-то волк по договорённости. Мирный договор они с ондатром заключили. В пользу Нарнии. Рано утром, в состоянии мистической сопричастности, пока солнце ещё не взошло, а в детском саду каш не варено, доварились они — фу ты ну ты! — разве ж они доварились? Договорились они открыть глаза и зачесть каких-нибудь нарнийских новостей сказочных, чтобы жизнь закипела и заживотрепетала.

— Да ты вздрыхивать станешь? — волк в ондатре усомнился.

— Я просыпаться стану!

Извечный спор вселенского киселя и мирового бодряка решила практика.

Утром волк, как и было сказано, проснулся по договорённости — он честный был, он боевые песни пел:

— …Некие пончики на заре били копытами о подоконник…

Дальше песня не сложилась, потому что волк пошёл свидетельствовать ондатра и нашёл странное. На кровати имени товарища Незайчика и Незаячья Детства себя нога располагала.

— Нога — хорошо, — сказал бы волк в иные дни, но не сегодня. Он решил сначала, что это упругая нога бодряка, и потянул за неё. Но это не была упрыгая и упрыгать не хотела, не хотела, не могла. Она валялась, она была хряпкая. То есть хрупкая. Не была она упругой ногой бодряка. Волка вообще сомнение взяло. Он заподозрил своего ондатра-бодряка в том, что тот не бодряк. Решительно откинул одеяло — и точно. Под одеялом лежало пятнадцать-двадцать литров отборного киселя.

— Облепиховый? — задумался Волк. — Черничный? Некие пончики на заре… О чём я думаю?! Это же ондатр мой единственный! А ещё ему в сад пора.

Побежал на кухню за ложкой. Стал ондатра ложкой в джинсы вливать. Ондатр глаза открыл, особенно левый, и говорит:

— Ты бы, волк, ложку хоть столовую взял, а то чайной ты до вечера меня вливать будешь.

— А я интенсивно! — волк отвечает, а сам там и мелькает, так и торопится. Потом, правда, трудно ему пришлось. Очень сложно ложкой ондатру косички заплетать, а ондатр без косичек — это же семейка Аддамс, ничем не прикрытая. Но справился. Хотя, честно говоря, не справился. Это в летописях написано, что въехали они в сад на белом коне прямо к завтраку и был ондатр украшен косичками, умыт, начищен. Наврал летописец-лжец, наврал ради пиара. Шли они

пешком, в сапогах резиновых, без косичек, и к завтраку опоздали. За мизинцы держались, и волк с опаской на ондатра-бодряка взглядывал, не превратится ли он снова в киселя пятнадцать-двадцать литров. Вот как было.

— А что дальше было?

— Военно-морская фея была — по имени Зуй. Немыха с Немухой были. Блин под столом был. Но это уже совсем другая история, да не одна — пятнадцать-двадцать.

Однажды волк жил, и жизнь его была безмятежна, но недолго. Что-то шуршало под дверью, чихало нежно, тоненько, пинало дверь, лягало, до звонка не доставало. Волк изо всех сил жил безмятежно, но в глубине души уже понимал: пришёл бобёр — открывай ворота.

— Моя не первая гастроль! — сказал бобёр, впадая в двери.

— Ну, здравствуй, дикая природа! С чем пришла? — приветствовал бобра волк, но бобёр уже приветствовал ондатра табуретом:

— Табурет сюда поставим!

— Нет уж... или да уж! А наверх положим стул.

— Покрывало! Вяжи его.

— Позвольте, это моё покрывало, — вступил волк. — И я бы попросил…

— Нет уж! — взбрыкнула дуэтом дикая природа. — Что тебе, волк, покрывало? Что ты ему? Что тебе покрывать? У тя шкура есть, шкурой покрывайся.

— Шкурой бобра? Или шкурой ондатра? — уточнил волк, свирепея. Покрывало тем временем прекратилось в накрывало, потом в нападáло, потом в побивало, в офигевало, в улетало и неизбежное что-упало-то-пропало.

— Оленя ранили стрелой! — восклицал ондатр, взлезая в табуретку через стул поверх кровать.

— Окультуривать тебя надо, волк. А то ты одомашнен, но не окультурен. В театр не ходишь, вот сознайся, не ходишь же? — наступал бобёр, особенно на ногу.

— Театра мне вполне хватает и в жизни, — констатировал волк, вовремя подхватывая ондатра и претерпевая бобра.

— А хочешь сказку? Авангардную? Небанальную?

Тут волк глянул на часы. За окошком, как буёк, покачнулся месяц-йог, сам себе на шею сел, ножки свесил и запел. Часы пробили полночь.

— Йог наша общая праматерь! — сообразил волк. — Да знаю я вашу сказку! Наизусть знаю! «Два киселя» называется! Что ж вы сразу не сказали, что это репетиция, а представление завтра утром будет?

— А то ж! — тут гастролёры прыгнули в ванну под напором во́лка и волка́.

— Ну что, два киселя! Считайте ноги! У капусты два копытца, у пампусты два пампытца… А у каждого киселя по две ложноножки. Сколько ложноножек я завтра в узел завяжу?

— Четыре! — обрадовались бобатры и ондры, демонстрируя ложноножки будущего в движении.

Воды ванны вздрогнули и попятились. Половина ванны смирилась, остальное ушло обосноваться на полу.

— Я попрошу ногой не дряпать! А то я вас могу ухряпать! Оленя ранили ногой! — строго сказал волк. — Ответ неверен, козероги. Пересчитайте ложноноги!

Природа их пересчитала. Два киселя, по две ноги... А волк опять:

— Ответ неверен. Недосчитались киселей! Почто, друзья, меня забыли? Я вашу участь разделю.

— Тогда восемь!

— Вы что, Дуба-Первопредка посчитали?

— Ага.

— Ха! То есть он, конечно, тоже не проснётся. Но у него корневище!

…Волка разбудил третий звонок. И это не Дуб-Первопредок звонил в дверь. Это будильник из последних сил пытался выбить двери волчьего восприятия.

На сцене в скупых, но уместных декорациях разрухи покоилось два киселя со сложенными сложноножками. Пьеса-сказка началась.

— Куда ты тяготеешь, кисель, куда ты отползаешь?

— М-а...

— Совет хочу дать. От всей души: не спи на унитазе.

— Мя-а?

— Новаторы, блин! Терминаторы! Куда? Чего, кисель, ложноножки подкашиваешь? Поздно подкашивать!

Прислонясь к дверному косяку, волк ловил в далёком отголоске звуки школьного звонка, щебет и шушуканье бобров, завтракающих в детском огороде, мягкий шорох валенок, лай собак, шум вечнозелёных соседей сверху, бой барабанный, крики, скрежет, терпенье рек, дыханье облаков. И фырканье оленей. Целого стада оленей, раненных смешным и метким искусством жизни.

Подростки, подростки...

✓ Жгут бумагу и резину, «потому что это круто».

✓ Намекают, что шарф на шее символизирует оковы родительской тирании.

✓ Синхронно изображают Гэндальфа — «Ты не пройдёшь!» — лёжа на полу из-за нехватки спальных мест.

✓ Фехтуют на ромашках.

✓ По рассеянности, и только по рассеянности вместо слова «что» пишут «чмо».

✓ Демонстрируют альтернативную логику:

— Курица или петух?

— Что?

— Ну курица или петух?

— Не знаю. Пусть будет курица.

— Неверно. Грабли.

✓ Медлят. Потом ещё немного медлят. Потом медлят на засыпку, потом — на посошок, потом медлят постскриптумом. Потом ещё немного медлят, чтобы окончательно утвердить свои жизненные ценности, и вдруг обнаруживают, что дань за двенадцать лет — вычеркнуто — домашняя работа по истории в совокупности превысила двадцать листов. Как такое могло случиться?

✓ Спрашивают учительницу: «А если у меня сочинение про миньонов, мне надо везде писать "банана"»?

✓ С пробиркой и весами в руках экспериментально доказывают, что болт сделан из жидкой ртути, а гиря — из угарного газа. Из капрона, в крайнем случае.

✓ С ветерком на скорой попадают в реанимацию, пишут оттуда грустные бумажные письма: «Тоску мою не передать словами — так велика», но вскоре получают в руки телефон и стилистика меняется: «Всё супер, щас буду есть».

✓ Получив в подарок абонемент в бассейн, тут же уходят туда. Возвращаются через четыре с половиной часа. Неохотно. Впоследствии выясняется, что это время не прошло даром: тишайший, робчайший подросток успел раскрутить тренера на бесплатную тренировку, выучился плавать новым стилем, освоил ласты своей мечты и порвал купальник — дважды.

✓ Катаются на ретро-трамвае в оранжевом свете заката.

✓ Первые пять минут намерены идти аж до Тихого океана и мечтают оторваться от медленных, унылых предков. Обнаружив, что предки отстали по собственному желанию, блуждают и нервничают.

✓ Пробуют себя в роли театрального критика: «Там люди бегали по сцене и кричали: лучше б Дженни не пила, честь девичью берегла! Это было как Ионеско, только "Алые паруса"».

✓ Выслушивают коммунарскую историю столетней давности о том, как в голове Сашки возникла странная ассоциации улицы Джамбула с мультиком про Бонифация, и немедленно усугубляют: «А мне всё понятно! Джамбула — Бонифаций, это и правда очень похожие слова. Они экзотичные, вот! Джамбула — Бонифаций, поэтому асфальт».

✓ Встретившись после десяти дней разлуки, обнаруживают, что покрасились в рыжий цвет — синхронно, но независимо: «Здравствуй, эээ... мой рыжий друг! А я твой тоже рыжий друг!»

✓ Хотят сыграть единорога. Но приходится играть дракона.

✓ Злоупотребляют словом «покерфейс», полагая при этом, что покерфейсом следует называть выражение лица типа «я всех вас ненавижу».

- ✓ Врезаются в клумбу на велосипеде. Десять раз врезаются в клумбу на велосипеде.
- ✓ Изображают нечто и просят угадать, что именно. В ответ на варианты «удод» и «удав» сильно обижают добросовестных отгадчиков, потому что правильный ответ — тюлень.
- ✓ Прочитав «Мастера и Маргариту», немедленно начинают починять примус и демонстрировать профиль в лунном свете.
- ✓ Наконец-то переживают просветление: «Какая я красивая… Никогда не думала, что когда-нибудь это скажу».
- ✓ Чрезвычайно некорректно неудержимо исполняют втроём: «Да у тебя же мама педагог, да у тебя же папа педагог, да в общем-то и сам ты педагог, какой ты на фиг Ван Гог?»
- ✓ Считают, что слово рецидивист — непонятная рифма к слову сноубордист.
- ✓ Открывают рыбозначные числа и летают по прямогонали, а также формулируют условие задачи повышенной сложности: «У меня зубы в два раза больше твоих, а у тебя вообще в три раза меньше моих».
- ✓ Портретируют друг друга. Третируют друг друга.
- ✓ Бывают категоричны: «Ты трогала мой морс? Смертная казнь тебе!»
- ✓ Поочерёдно плывут на матрасе по озеру с кувшинками. Первый пловец заплывает в зелёную жижу и складывает лапки, второй уходит в кругосветку, третий переворачивает матрас и запутывается в водорослях.
- ✓ Сочиняют стихи: «Вся наша жизнь борьба. Поэтому — ходьба!» и поддерживают себя ими в ходе ходьбы.
- ✓ Попадая в кадр впятером, как будто договариваются, что хотя бы один из них будет противостоять гламуру. Образы «Сейчас я упаду лицом в торт», «Моя голова поворачивается на

360 градусов», «Я старый солдат и не знаю слов любви», «Супруги Унылые познакомились во время фотосессии», «Все в сад» становятся украшением моих архивов.

✓ Личным примером обучают катанию с природной аква-горки более тридцати мирных жителей.

✓ Прячут клад для взрослых, надеясь поиздеваться. Удивлены: кажется, у взрослых есть мозги и поиздеваться над ними не так-то легко.

✓ При слове «супервечеринка» начинают рефлекторно колбаситься. Даже в контексте «Подготовка к супервечеринке займёт два дня, так что начнём прямо сейчас — и вы у меня будете пахать как лоси».

✓ Смотрят кино на чердаке.

✓ Ночуют на сеновале.

✓ Навеки разрывают отношения друг с другом дважды, а то и трижды в день.

✓ На вопрос, чем измеряется актёрский талант Агаты, спонтанно отвечают: «Табуретом».

✓ На вопрос «Что ты там делаешь?» отвечают: «Восхожу!»

✓ С неподражаемой искренностью признаются: «Откроем вам секрет — мы тупые!», а потом выясняется, что они всего лишь изображали опоссумов из «Ледникового периода».

✓ Ровно в полночь объявляют сбор за домом, чтобы показать всем желающим сцену из мюзикла собственного сочинения. Сила искусства такова, что в ходе представления у одной из зрительниц случается паническая атака, другая близка к преждевременным родам.

✓ Набрасываются на еду и уничтожают всё вкусное. Затем отказываются от еды в принципе, поскольку ждут, что вкусное как-то само собой возобновится.

✓ Любят формулировки типа «Нас пригласили в гости выпить чаю. Но мы скорее всего перейдём реку вброд и будем тусить в пещере. Домой не ждите».

✓ Подходят, постукивая костьми, чтобы сказать: «Я толстая, это всё портит».

✓ Вечером уходят ночевать в палатку. Утром выясняется, что фонарь больше не работает — горел всю ночь, сели батарейки.

✓ Спрашивают: «А кто такой этот ваш Эркюль Пуаро?» Проведя несколько часов в палатке с ноутом, сами же себе и отвечают: «Да он гений, однако!»

✓ Признаются, что путают Кафку со Шнитке.

✓ Пренебрегают мытьём головы в течение периода бесконечной продолжительности. В качестве компенсации купаются в водных источниках любой температуры.

✓ Ближе к вечеру, кряхтя и охая, мимикой и жестикуляцией изображая безмерное страдание, приходят на кухню, чтобы ладно уж, так и быть, всё-таки, раз уж некуда деваться, помыть посуду. Узнав, что посуда давно помыта, телепортируются в пещеру за реку, ни секунды не потратив на выражение удивления.

✓ Очень отчётливо, оптимистично сообщают: «Меня к вам отпустили до полуночи. А потом вы просто меня проводите до дома. До самого дома».

✓ Узнав, что кот ночью полез в буфет, наступил в паштет, поскользнулся и упал в лимон, — жалеют кота до слёз.

✓ Не могут отмыть ноги даже за час.

✓ Бесконечно плетут фенечки в надежде надеть их на каждую руку от запястья до локтя, а потом приняться и за ноги.

✓ Устраивают вечеринку только для подростков, но никак не могут определиться, где, когда и во сколько, поэтому вечеринка отменяется.

✓ Ночью на вопрос испуганного спросонок родителя «Что за жуткие звуки?» отвечают уклончиво: «А это мы ещё не спим».

✓ Проснувшись в хорошем настроении, кормят всех животных, варят кофе и самую вкусную в мире кашу и расставляют всё по местам. Проснувшись в плохом... что ж, опустим завесу молчания над этой сценой.

✓ Достаточно пристально посмотреть на них, спящих на открытом воздухе, чтобы они инстинктивно укрылись потеплей, не просыпаясь.

✓ За полтора часа в машине придумывают больше десятка героев с психологией и биографией и зарисовывают их в цвете, хотя дорога не асфальтирована и трясёт.

✓ Находят программу «авторэп», в результате чего на свет появляются записи с текстами «Я зайчишка-шалунишка, а ты кто?», «Над седой равниной моря ветер тучи собирает», «Муха по полю пошла, йо», «Что Дантес или царь? Пушкин упал на снег» и, конечно, «Откроем вам секрет — мы тупые». Танцуют все.

Сто провальных идей нашего лета

Правила света

Вот и на нашей улице перевернулся грузовик с каникулами. Лето рухнуло к ногам, как и полагается лету, звеня и подпрыгивая. Вчера подросток тайком записала на диктофон, как я пела песню свободы. Почему она думает, что запись, где мой голос поёт «я протоплазма, чик-чирик, я эктоплазма, ча-ча-ча», даёт ей какие-то преимущества в вечной борьбе родителя и ребёнка, даже не знаю.

Много дней подряд, невзирая на праздники и воскресенья, под лозунгом «иду на вы» шла я на труд, а труд шёл на меня волною и стеною. Но каждое утро был миг, когда я сворачивала в закуток между домами и гаражами — мгновение идеального лета. С одуванчиками, тёплой корой старого дерева, с медведями, которые целовались в окне старого двухэтажного дома… И вот в рабочее воскресенье, свернув с асфальтированных троп горожанина за глотком лета, я вышла в странное место.

На земле лежали старые плиты, от времени почти развоплотившиеся, еле сохранившие очертания, ушедшие глубоко в землю. Свет сделал из них шахматную доску — одни оставил в тени, другие тронул солнцем. По доске медленно передвигались малые облака тополиного пуха.

Чувство возвращения на родину было мгновенным. Наконец-то игра, правила которой мне известны. Что это за правила? Остановить мгновение? Доверять свету? Не быть никому противником? Наблюдать невозможность ничьей победы? Я не могу их назвать, но они мне известны. Они мне подходят.

Мёд из одуванчиков

Одуванчиковый мёд больше не стучит в моё сердце, и даже если постучит, я ему не открою. Всё шло отлично: я неспешно обрабатывала силос, которому предстояло в моих руках стать изысканным продуктом, обрабатывала его, беседуя с Зойкой о жизни, и пыталась убедить себя и окружающих, что я человек, который имеет летний отдых, а не наоборот.

Младенец Всеволод тем временем стучал всеми предметами обо все предметы и пытался добиться правды посредством малого джентльменского набора. Набор состоял из вопроса «Ой, что это?» и вопроса «Какой?» Их повторение проводило любого собеседника через набор этапов: отрицание, агрессия, попытка заключить сделку, депрессия, скорбь, опустошение и, наконец, смирение. Мы находились на стадии смирения, но были готовы выйти на новый круг.

Обработка силоса затянулась, и я как-то не заметила, что подростки вокруг нас уже давно играют в «Труп Сальвадора Дали», а мы, оказывается, играем против них, и они рады, потому что давно хотели разделать нас под орех за их счастливое детство. Тут мне пришёл двойной капец. Говорю так только потому, что не уверена, что форма «два капца» общепонятна.

Так вот, капцы пришли одновременно. С одной стороны, я загрузила силос в таз. Таз начал булькать. Силос сильно пах биогумусом. С другой же стороны, я получила от злокозненных подростков задание изобразить искромётной пантомимой фразу «Я ваша навеки». Будучи ограничена, с одной стороны, рамками 12+, а с другой — одуванчиковым мёдом, который (во что мне с каждой минутой верилось всё меньше) малютки-медовары в пещерах под землёй варили, не опасаясь убойной силы цвета, вкуса и запаха, я стала изображать идейно близкую мне царску дочку, чтобы сразу ввести Зойку в контекст. В одной руке я держала деревянную ложку, чтобы помешивать биогумус мечты, а другой рукой изображала корону и общую красоту.

— Ты снеговик? — неуверенно спросила Зойка.

— Ы! Ы-ы-ы! — выразительно замычала я и стала ещё яростней показывать корону.

— Ты большой снеговик, — утвердительно сказала Зойка. Подростки глумились.

— Ой, что это? — пискнул Младенец Всеволод, с тревогой глядя в таз. — Какой? Какой? Какой?

Мой одуванчиковый мёд был гармоничен: он выглядел как удобрение и пах им же.

Жизнь овоща

Жизнь овоща, кто не мечтал пожить тобою летом? Я представляла себя кабачком на грядке и мысленно уже подставляла безмозглый массив безмозглому солнышку, с боку на бок перекатываясь.

Пять утра. Кошка орёт. Трясогузки чирикают побудку. Я фотографирую трясогузок, надев пуховик. Кто с вечера был безмозглый кабачок и не протопил печку, тот с утра и пуховиком не обойдётся.

Подросток забыла дома линзы. Ей не видать жизни овоща, её ждёт жизнь ёжика в глухом тумане. «I would say курлык-курлык», — отвечала она вчера на закономерное «Но как?» Это лучший ответ на любой вопрос.

Кошка воет о своей дезадаптации и возросшей потребности в пище.

В туалете гнездо. В гнезде шестеро угрюмых птенцов. Одно из них, возможно, кот — лысая, глупая, добрая, мёртвая лапушка. Если реинкарнации кота нет, напрасны мои надежды на его полёт, на серые пёрышки. Думаю о коте как об одном из моих выпускников. Столкнёшься с выпускником — посмотрит вот этим мрачным взглядом. То ли узнал, то ли нет. Был ли такой вообще? Точно был — но это уже другой человек, и он меня в первый раз видит. А может, обозналась. Подглядываю за птенцами, шепчу реинкарнации кота, что люблю, чтоб летел.

Шесть утра. Сижу на могилке кота. Поставила розу в горшке.

Выгляжу глупо, но тайга не осуждает.

Половина седьмого. Думаю о бюджете. Подросток вчера сходила на презентацию комикса. Теперь у неё есть комикс с автографом и примерно рюкзак с примерно ста томами манги. Отличная штука, если у кого остро стоит проблема лишних денег — вопрос решается за раз.

Восемь утра. Иду бегать. Иногда лучше бегать, чем думать. Братаюсь с парой чуваков на мопеде, белками, жаворонками-туристами. Возвращаюсь. Варю кофе. Получаю наглядное доказательство того, что встала на путь овоща — все джинсы в кофе, причём на джинсах оно откровенно среднего рода — а в кружке вроде был мужского. Приняв кофе наружно и внутренне, прихожу в себя.

— Очень крепкий. От него глаза становятся как у Громозеки.

— По тебе не видно.

— Что?! Ты отрицаешь моё сходство с Громозекой?

— Да. И где твоё спасибо?

Заодно и пол помыла. Надо перейти к следующему этапу и помыть пол, помытый кофе, водой. Мою пол. Мою посуду.

— Йых! — это трудовой выкрик. — Обрати внимание, я всё помыла. Видишь признаки матери-молодчинушки?

— И ни одного признака матери-овоща, — замечает Марта. Глаз её зорок, особенно без линз, но сейчас она преувеличивает.

— А как же песня? Я мыла и пела. Это была песня о здоровом сне. «И нами выбран путь — дорога сна!» — это говорит о том, что я не предала свои идеалы. Я стараюсь. Очень стараюсь! Сегодня первый день лета, когда я могу наконец позволить себе быть овощем.

— Многофункциональным?

Сколько-то утра, дня, вечера. Подползаю к туалету, фотографирую птенцов, пока не улетели. Варю суп. Вбиваю гвозди, получив новые доказательства своего овощного статуса — примерно по

одному на каждый гвоздь. Экспериментально доказываю, что умывальника горячей воды чуть-чуть не хватает на мытьё головы — как раз настолько, чтоб метаться, обтекая, и сшибать стулья. Жизнь овоща, ты ли это? Отчего ты так сильно изменилась за те восемь месяцев, что я мечтала о тебе?

— Ты идеализировала меня, — отвечает жизнь овоща. — А я такая — привыкай.

Птенцы покидают гнездо. Сначала они немножко порхают туда и сюда, а потом хором чирикают что-то вроде «Но ставшие звёздными волками не знают обратного пути» и улетают врассыпную, не оглядываясь, как все выпускники, как все, как всегда, год за годом. Улетает в опасную неизвестность моя мечта о реинкарнации кота, об оранжевом хвостике и крапинках на новеньких крыльях. Живите, детушки, летайте там, маленькие, оставайтесь в живых.

Темнеет. Читаем про рыцарей Круглого Стола. Подросток убедительно обосновывает, что Капитан Очевидность — это на самом деле сэр Борс из артуровского цикла, под новым именем продолжающий нести что он там нёс. Идея внезапна. Размах впечатляет.

Кабачку пора на покой, но тут вспоминается, что со дня на день должны объявить результаты ЕГЭ по русскому. Сети нет, интернета нет, но если найти правильный квадратный сантиметр, то можно добиться иллюзии того, что телефон работает. В ожидании смсок с результатами моих учеников мечусь по территории — ловлю сеть.

— Ты ведёшь себя так, будто за окном летят горящие метеориты, потолок рушится, рубль падает, землетрясение в двенадцать баллов, а у нас ипотека не выплачена, и тут как раз зомби-апокалипсис, — констатирует подросток.

Смсок закономерно нет — результаты неизвестны. За окном цветёт сирень. Трясогузки чирикают колыбельную. Фотографирую трясогузок. Жизнь овоща удалась. Завтра попробую повторить. Или нет, лучше не надо.

Мышь Дашенька

Начался дачный сезон. Коммуна сидела у печки, постукивая зубами и медленно согреваясь. Тут же лежала бдительная собака-самурай. Раздался топот. По полу шла мышь. Мышь была крупной, уверенной. Половица гнулась под её командорскими шагами. Грызун вышел из-за печки и смерил взглядом собаку, прикидывая, силён ли самурай как противник. «Слабоват, — озарилось пониманием лицо мыши. — Я его одной левой». Затем мышь развернулась и отступила в боевом порядке — демонстративно, медленно, никуда не спеша, потрясая мехами. Она даже не снизошла до бега. Мышь явно была хороша как стратег и тактик, да и вообще у неё всё было в порядке. Но мы ошибочно решили, что она испугалась и собирает вещички. Что ж, думали мы, пора и честь знать. Ты хорошо прожила эту зиму, мышь, об этом свидетельствуют съеденные тобой полотенца. Они были калорийны, теперь скажи нам спасибо — и закономерное до свиданья. Мы были готовы попрощаться с мышью с нежностью, но без грусти.

Стемнело. Коммунарки легли спать. У печки остался только Саша. Ночь подошла к дому, смотрела внутрь, подмигивала звёздами. Печка грела и потрескивала, до утра было ещё далеко. Тут Саша почувствовал, что на него кто-то смотрит. На буфете сидела мышь. Она только что добыла полукилограммовый кусок сыра (между прочим, накануне любовно выбранный мною в магазине!) и филигранно выгрызала на нём слово «Убирайтесь». Саша долго смотрел на мышь, восхищаясь силой её духа. Потом приподнялся. Мышь неохотно спрыгнула за буфет, но понятно было, что она вернётся.

— Я не люблю мышь, — доверительно признавалась Сашка, считая потери. — Настины конфеты — два кг. С фантиками! Неприкосновенная заначка — пять кг! Причём в наглухо запертой кастрюле! Но это нормально, это же за всю зиму. А кто усыпал всё шелухой от семечек? И я ещё не понимаю: почему она выходит по ночам?

— Хочет общения.

— Где её здравый смысл? Она камикадзе? Шестеро в доме, не считая собаки, и она хочет общения!

Так мы столкнулись с необходимостью дать животному имя. Мышь стала Дашенькой (ласковая форма от полного имени — Ударная Установка). Она выгрызала инвективы на макаронах, пересекала кухню по диагонали под носом у собаки, оставляла следы протестного метаболизма в самых неожиданных местах и всячески давала понять, кто в тайге хозяин. Мы, с одной стороны, ценили благородную отвагу, а с другой — у нас были планы, грозившие мыши исчезновением. Мы хотели привезти кошку. Она давно мечтала и, в общем, заслужила. Именно в этом доме кошка Харуки родилась, тут она выросла и каждое лето дозором обходит владенья свои. Она почётная кошка-мизантроп с повадками манула, и с навыками прекращения наглой мыши у неё всё прекрасно. Допустим, эта мышь нам не чужая. Она, допустим, Дашенька. Но это же не повод лишать Харуки летнего отдыха? Так что мы завезли её в Таёжный. Кошка немедленно рекордно распушилась и пошла дерзко трясти руном и владеть территорией.

В первый день мышь шуршала нецензурное. Во второй было состязание по ночному бегу, окончившееся честной ничьей. На третий день кошка, как загипнотизированная, сидела возле буфета и водила головой туда-сюда, а мышь гуляла из-под буфета под тумбочку и обратно так, чтобы кошка никак не могла её достать. У мыши был моцион — у кошки бессилие, у мыши променад — у кошки трагедия. А потом нам пришлось ненадолго уехать, оставив их наедине. Было страшно, причём двояко. Было жаль терять мышь Дашеньку. В то же время пугало, что мышь разведёт дедовщину и кошка этого не вынесет. Мы уезжали в страхе и вернулись в гнетущих предчувствиях.

Кошка-мизантроп, кошка — угрюмый человеконенавистник встретила наше возвращение с такой радостью, что мы содрогнулись. Животное кричало ура и в воздух чепчики бросало. Жизнь с мышью была тяжела для неё.

Мышь не показывалась день, второй… Я опечалилась, но приняла её отсутствие как факт. Пусть победит сильнейший. Прощай, Дашенька. Мои полотенца — твои полотенца, мой сыр — твой сыр... Хорошо, что ты съехала.

На следующую ночь я осталась в доме одна и, поставив верный колун поближе к изголовью, забылась сном, но среди ночи проснулась от странных звуков. Любой человек, павший жертвой массовой культуры, проснувшись в одиночестве ночью в лесу, первым делом вспоминает какие-нибудь «Секретные материалы» или триллер поужаснее. С колуном наперевес я вышла навстречу паранормальным явлениям и преступности…

— Я свободен, словно птица в небесах! — хриплым басом пела мышь Дашенька с вершины старинного буфета. — Я свободен, я забыл, что значит страх! — голосила она где-то там, между ликёром «Калуа» и пачкой хрустящих хлебцев. Мышь не съехала — она рвала зубами хлебец, пела и хохотала. Харуки сидела на стуле и смотрела ввысь. В её глазах тоска смешалась с восхищением. Технических возможностей встречи с Дашенькой кошка не видела. Полёт мыши был недосягаемо высок.

Летние дни шли. Мы уезжали и приезжали, привозили и увозили подростков, кошек и собак. Мышь стала неотъемлемой частью нашего быта. Сашка, подозреваю, стала её подкармливать, хотя и отрицала. Я перестала хвататься за колун и овладела искусством диалога. Мышь согласилась прекращать ночной полёт по команде «изыди». Перемирие с природой было достигнуто. И тут мы вышли на следующий виток.

Приехав с подростками в лес, мы, обгоняя друг друга, первым делом кинулись в туалет. Но как мы в него кинулись, так тут же кинулись из него — там было гнездо. Отважная, чтобы не сказать безмозглая, птица с оранжевой грудью решила, что лучшее место для материнства — именно там,

и засела в строении наших мечтаний на неопределённый срок, прочирикав нам традиционное уже «убирайтесь». Что ж, мы убрались, выговорив право подсматривать в щёлочку за сакральным. Так мы снова столкнулись с необходимостью давать животным имена. Вскоре пришлось задуматься об именах ещё пятерых лысеньких, слабо пушистых новеньких существ, возникших в гнезде в туалете, о посещении которого нам пока оставалось только мечтать. Коммуна прирастала тофслами и вифслами, мышь Дашенька здоровалась басом, Харуки вопреки природной суровости лезла на ручки и просила защитить её от приставаний мыши, подростки требовали читать им вслух «В дебрях севера», июль всё не кончался и не кончался.

Зеркало и вода

Всё началось с идеи. С символа. Некоторые сочетания гипнотизируют человека сразу и навсегда. Например, я просто не могу видеть сочетание ключа и розы — от них, когда они вместе, веет, с такой силой веет тайной, не имеющей ничего общего ни со мной, ни с моей жизнью, ни даже с моей культурой — и я стою под невидимой дверью, заколдованная, как во сне про огромную библиотеку, где на верхних полках — книги, о которых я и подумать не могу, и если дотянуться — можно взять их в руки, перелистывать прямо там, под потолком, и уходить по ним всё дальше, всё меньше оставаясь собой, становясь частью дороги, преображённой в буквы и ждущей путника под обложкой. Книги эти не вымысел, в них нет ни слова неправды, но и местных слов, знакомых человеческих путей они тоже не знают. В свёрнутом виде эти книги пребывают здесь в виде предметов, и однажды летом таким предметом для меня стало зеркало.

Всегда хотелось знать, как сделать так, чтобы обычное зеркало стало тем зеркалом, о котором писал Грин: «…Он думает, что она ушла в зеркало и заблудилась там». И на этот раз я нашла способ сделать его двойным и иным — зеркало должно было лежать под водой и отражать и воду, и небо одновременно. Двойная вода, двойное небо, двойное отражение.

К сожалению, к чисто символическому действию примешан был корыстный интерес: я хотела автопортрета. Хотела уйти в зеркало и заблудиться там, и пусть по моему лицу течёт вода в отражении. Таинственная красавица из зазеркалья грезилась мне.

Естественно, это было ошибкой.

Волоча зеркало, я пробралась через кусты, и очутилась на Заводи, и попыталась погрузить объект у берега. Десять сантиметров жидкого ила только квакнули, и мутная жижа поглотила мой потенциальный автопортрет.

Откопав зеркало, я полезла по камням в направлении острова. Теперь я верила. что каменистое дно — это то, что нужно. Каменистое дно оказалось ближе, чем казалось. Камень накренился. Мы с зеркалом накренились тоже. Я всплеснула руками — и погрузила фотоаппарат в воду прежде, чем поняла, что и куда я погрузила.

Следующие сорок минут были временем покоя и медитации. Фотоаппарат сох на берегу. Я верила, что он вернётся к жизни. Зеркало было воткнуто и так, и сяк, но единственное место, где всё было более-менее так, как надо, оказалось возле старого бревна. К сожалению, никакие попытки убрать бревно из зеркала не удавались. Либо оно отражало бревно, либо уплывало по течению. Жидкий ил, как выяснилось, обладал выдающимся свойством фиксации зеркала, а без ила оно уплывало. Это было красиво и напоминало мне легендарный сапог коммуны, упавший в реку на Хамар-Дабане, и трёхлетнюю Сашку в осеннем пальтишке, уплывающую, сидя на воде, по Малому Амалату... Но это было не то, что нужно. Я привалила зеркало камнями — оно утекало поверх камней. «Лежать!» — раз за разом сурово говорила я зеркалу, и оно послушно ложилось на дно — но в нём торчало бревно! То есть отражение бревна.

Что ж, бревно не было самой большой проблемой меня в данный момент. Погрузив одну руку и две ноги в воду температуры нижних слоёв ада, я нависла над зеркалом — и сразу же поняла всё. Когда я воображала процесс, мне казалось, что зеркало и вода чудесным образом превратят меня в андерсеновскую Русалочку. Они сделают мои глаза огромными, шею тонкой, а естественной зеленоватости кукушки, с непрекращающимся драйвом отпахавшей очередной трудовой цикл, придадут немного более благородный оттенок. Увидев, как реальность опровергает мои иллюзии, я тем не менее решила сделать эти кадры. Как говорила моя школьная учительница, раздавая подзатыльники, «чтоб другим неповадно было». Нависши над зеркалом, я щёлкала и щёлкала затвором, и череда образов навеки оставалась со мной. Особенно удались старичок-лесовичок, гном Допи, эльф Добби, кандидат в депутаты и герой мультика, чьим девизом было «Я ищу в лесу колоду, я хочу отведать мёду»... Да что там, удались все — причём в компании бревна, потому что изгнать его

из зеркала не удавалось. Я не могла не заметить, насколько первое попавшееся бревно фотогеничнее меня. Бревно на моём фоне прямо-таки просилось на обложку «Вог». Вода была беспощадна, я безутешна. Но тут кусты зашевелились. На реку пришли коммунарки.

С приходом коммунарок концепция изменилась. Мы ещё посушили фотоаппарат, а потом нашли бутылку из-под колы. Судя по виду, в ней когда-то была историческая кола 1917-ого, а потом ещё много чего. «Наливай! Поливай!» — командовала Сашка Насте. Мы решили, что я должна держать зеркало вертикально, а Настя, невидимкой подкравшись сзади и сверху, будет лить на него воду. Мне останется только отразиться в бушующем потоке, в то время как Сашка вовремя нажмёт на курок, то есть на кнопочку.

Настя подкралась, я отразилась, Сашка приготовилась. Вода лилась из бутылки колы — примерно из десяти различных мест, особенно из днища. Концепцией бутылки было сито, но как бы и ведро. По принципу сита, но как из ведра лилась вода на Настю и меня, но Настя силой разума своего перенаправила её на зеркало, и Сашка сфотографировала меня, как наяду. Первые пять секунд я ликовала. Что мне снег, что мне зной, что мне дождик из бутылки колы проливной, когда мои друзья со мной, да?

— Ой. О-о-о-о-ой… Что-то слишком пастозно! — неодобрительно сказала Сашка. Я похолодела, и у меня были на то причины. Сашка полюбила слово «пастозно» ещё в детстве — в художественной школе, где её учили накладывать краску на холст мощными, осязаемыми мазками. Так вот, с тех пор я ни разу не слышала, чтобы Сашка употребила «пастозно» с отрицательной окраской. Её принципом всегда было: чем пастознее, тем лучше. И вот я впервые слышу в её голосе страх... Насколько же пастозно должно быть, чтобы Сашка — Сашка! — занервничала? Я протянула руку за фотоаппаратом.

— Не надо! — сказала Сашка. — Тебе — не надо — это — видеть. Но я умоляла. Хотелось открыть новые грани образа. На фото я выглядела как лев, которому в морду плеснуло жидкой грязью, и он, мягко говоря, недоволен, и хотя грязь пока что мешает ему взаимодействовать с

реальностью искренне и в полную силу, страшно уже сейчас. На следующем фото Сашке удалось сфокусироваться на своём животе, удачно отразившемся в зеркале. На следующем...

Мы продолжали попытки. Фотоаппарат взяла Настя. Ей удалось изуродовать меня в совершенно новом, уникальном стиле. Кукушки скакали по камушкам и продлевали свою жизнь смехом. А я думала, что через несколько дней, когда расцветут маки, приду сюда с ними и сфотографирую их так, как никто никогда не сможет сфотографировать меня. Истинная красота принадлежит цветам: как их ни искажай, как ни преломляй, все эти искажения и преломления красивы. Ещё не раскрывшиеся и давно увядшие, в полях под снегом и дождём — они прекрасны всегда.

И всё-таки в этой истории был момент, когда реальное и символическое соединились в одной точке. В каждом дурацком проекте есть точка… нет, в одуванчиковом мёде её не было, но обычно бывает такой момент, когда вершина идеи становится ненадолго видна в реальности. Это произошло в тот момент, когда приплыла рыба — маленькая, трёхсантиметровая — и стала плавать над зеркалом, и её отражение за ней не успевало. Был там зазор в сотую долю секунды между движением рыбы и её двойника.

Так же было, когда на день Святого Валентина я наформовала сердец из птичьего корма и отправилась развесить их в лесу — помнится, это казалось отличной концепцией. Но я почувствовала её вершину не тогда, когда птицы без особого энтузиазма клевали моё цельнозерновое сердце, а тогда, когда пришла белка. Она укусила за край, и сердце дрогнуло и стало слегка осыпаться зёрнами. Кульминация любого, наверное, проекта — вот этот миг, когда в пространство идеи врывается чудо и всё начинает происходить само. Когда на дне обнаруживается крышка люка, когда в кармане само собой неведомо появляется гранатовое зерно, когда река меняет путь и течёт по бетонным плитам, пересекая дорогу, когда на день рождения приходит в гости кот Жругр, которого я давно считала мёртвым, а на полке двадцать пять лет спустя обнаруживается книга, которой не может быть нигде, кроме памяти.. Когда жизнь разговаривает событиями и выращивает неожиданную, непредвиденную красоту из любой горести, любой бездарности, любой иллюзии, любой жалкой попытки.

Полубублик

В целом я человек мягкий, особенно на ощупь. Но есть у меня два пунктика. Тяжёлых, жёстких, угловатых, непереносимых неприметных пунктика. Я очень люблю заставлять людей писать стихи и прозу. А ещё зазываю их на пробежку. Примерно к третьему году заунывного зазывания люди исполняются смирения и даже готовы ответить мне согласием.

Именно согласие подростка и положило начало нашей команде. Марта сразу обнаружила в себе задатки фельдфебеля под маской нежной девочки — со словами «раз уж речь зашла об утренней пробежке» она заставляла меня отжиматься! Я сразу поняла, как чувствует себя человек, которому я говорю «немедленно пиши прозу!», но раскаянье не помогло — отжиматься всё-таки пришлось.

На лесной дороге нас обеих настиг первобытный катарсис. Ко мне явился дух-покровитель. Это был гарцующий слонопотам. Я приникла к нему в порыве тотемизма и немедленно сообщила о его существовании Марте.

— Мне тоже только что было озарение, — ответила мне она. — Тоже явился дух-покровитель. Угрюмый ленивец.

И Марта подробно живописала мне свои достижения в избранном ею спорте — здоровом сне. Она выражала надежду, что, когда его включат в олимпийские виды спорта, она наконец займёт место на пьедестале. А вот это передвижение со скоростью метр в минуту — просто издержки жизни, на которые не стоит обращать внимания. В промежутках между пароксизмами тотемизма она заставляла меня отжиматься.

День пополнения команды наступил быстро. Как только коммуна географически сконцентрировалась, к нам попросилась Жирафон Сашенька. Мы рвали и метали (точнее, спали), так сильно нам хотелось бежать (точнее, лежать).

Неранним утром в нашу дверь постучал торжествующий Жирафон. В мини-сарафане и шлёпках. Сарафан был настолько мини, а шлёпки настолько шлёпские, а в чём-то даже ушлёпские, что я дрогнула. «Ты что, в таком виде бежать собралась?» — спросила я. Но у неё не было другого вида. Поэтому мы взяли с неё обещание преимущественно идти пешком и не портить ноги пересечённой местностью. Мы вышли из дома и пошли по прекрасному июньскому утру. А потом немедленно пошли обратно, потому что за нами увязался пёс-самурай без поводка. Я не доверяю этой собаке. Съеденные им грибники, рыбаки и лесозаготовители являются ко мне в кошмарах, а вот его сон очень спокоен.

Мы вернулись. Взяли собаку на поводок. Снова вышли в прекрасное июньское утро — и побежали. Но сначала произошёл момент истины.

Мы переходили железную дорогу. Сашенька шлёпала шлёпками, собака рвалась под поезд, Марта хотела спать, а я пыталась найти повод для оптимизма. И нашла его в том, что смогу написать историю из серии «Сто провальных идей нашего лета».

— О, я постараюсь! — сказала Сашенька, и глаза её зажглись блеском предвкушения. — Эта идея будет очень провальна! Я смогу!

— Не старайся! — завопила я. Я знала — если Сашенька постарается, нам потом долго её стараний не разгрести, ибо молодец она ответственный. И вот тут — к слову пришлось — мы и вспомнили про предыдущий апофеоз провальности. Про аэротрубу, в которой мы коммунарски парили. Взмывали выше солнца и оглядывали с высот остров Юность. Там, чтобы высоко взлететь, надо было принять правильную позу, позу полубублика. Те, чей полубублик был верен, взлетали к облакам. А те, кто не мог загнуться как надо, парили низко и громоздко. Сашенька в те поры была мастером полубублика, Марта — кандидатом в полубублики, а я, как бы помягче выразиться… оскорблением самой идеи полубублика.

— Эх, хорошо! — крякнула я, как дед Щукарь, вспомнив аэротрубу, и тут меня осенило. Имя даётся за долю секунды. Так что в следующую секунду неспортивная команда «Полубублик» уже существовала.

И мы побежали. Всем «Полубубликом». Пса-самурая взяла Сашенька. Он увлёк её за собой, как на водных лыжах. Оставшиеся находились в парадоксальной ситуации: единственный человек, который не бежал вообще, далеко нас обогнал, ни разу не перейдя хотя бы бы на бег, так что мы чувствовали себя на редкость спортивно, когда созерцали далеко впереди розовые Сашенькины ушлёпки и белый крендель хвоста песцово-показательного самурая.

На Водопадах мы осознали потребность в паузе. Девочки плели венок из одуванчиков и сплавляли по реке пресловутые шлёпки. Концепция была такая: одна кукушка уходит вверх по течению, другая — вниз. Одна пускает шлёпок плыть по воле волн, а другая должна его поймать. Воля шлёпок без принуждения извне избирать траекторию своего движения столкнулась с волей кукушек не утратить Сашенькину обувь, и ни одна не могла совладать с другой.

По дороге обратно я лидировала, то есть медленно передвигалась в компании собаки, которая теперь норовила задрать лапу на каждое дерево, особенно на то, которое выросло в десяти-пятнадцати метрах от дороги. Но я лидировала, потому что подростки поклонялись угрюмому ленивцу. Я бежала, мерно вздымая ногу поочерёдно. И тут сзади раздался сигнал. В нём было нетерпение, в нём было чувство превосходства и даже элемент снобизма. Меня догнал огромный джип. В нём сидели три старушки. Они посмотрели на меня с недоумением, а на собаку с восхищением — и промчались с ветерком. Я не могла не отметить, что команда наша, в среднем арифметическом более чем цветущая, не может сравниться в скорости с этими женщинами. Возможно, джип был тому причиной.

Дни шли. За окном грел душу ливень, гарантируя, что жарко не будет. Сашенька уехала, зато приехала спортивная Ариша, готовая в любую минуту показать нам не то что кузькину мать, а прямо-таки его мифологическую, архетипическую, хтоническую праматерь. Встреча была назначена в шесть утра на мосту через Олхинку. «Полубублик» стремительно крепчал. Намечался апгрейд до «Полубубла».

Шазюбль со вкусом гречки

В Таёжный никто не приехал. Лишь три достойных кукушки — Марта, Ариша и я, с утра слегка попередвигавшись командой «Полубубл», мирно влачили почти невесомое бремя летнего существования. Я читала вслух Джерома К. Джерома. Ариша провисала между креслом-мешком и внешним ребром железной кровати. Марта смотрела в потолок. Кошка потрясала руном. Мир был предельно безлюден, зелен, туманен, свеж, немного сонн, немного грустен — стоял классический июнь, шумели классические сосны, лил классический дождь. Немного не хватало приключений.

— Девочки, отговорите меня! Я хочу покрасить шазюбль.

Шазюбля звали Шазюбрь. Такой изысканный гибрид ноября, изюбря и старухи Шапокляк. Не могу точно сказать, как он появился в моей жизни и почему вообще был назван этим странным словом, которое, конечно, значительно лучше, чем «пассатижи», но всё равно вызывает лёгкую оторопь.

— Кардиган? — переспросила Ариша. — Конечно, ты хотела сказать «кардиган». Это он, определённо. Кардиган.

— Какой же это кардиган! Знакомьтесь, Ариша, это пудинг. То есть это шазюбль — по имени Шазюбрь. У Марты вон вообще толстовка Достоевский. Но её отговаривать незачем, а вот меня — отговорите. Срочно отговорите. А то я уже с дивана приподнялась. Может случиться страшное.

Даже не знаю, почему я решила, что Шазюбрю нужен кофеин. Наверное, кофеин был необходим мне, чтобы смысл стал более здрав. Но иногда идея так овладевает сознанием, её ложность так влекуща и маняща, её неадекватность так обольстительна, что сопротивляться её напору в одиночку

невозможно. Я решила без всяких на то оснований, что если намочу шазюбль в крепком кофе, то он приобретёт лёгкий, приятный кофейный оттенок, и это будет и к лицу, и к месту.

— Главное — технология, — ехидно сказали подростки. — Сначала варишь кофе.

— Чтоб ложка стояла!

— Суёшь шазюбль!

— Кипятишь!

— Дня два!

— Потом достаёшь, развешиваешь...

— Развешиваю? Вы хотите сказать, выбрасываю? Или, если быть точной, сливаю? Вы предлагаете мне слить мой единственный шазюбль?

— Дерзай! Всё получится! — ещё более ехидно сказали девочки, и я поняла: покраска шазюбля стала неизбежной. Дух противоречия объял меня со всех сторон и повлёк куда не надо.

Я сварила кофе.

— Макай! Ма-кай! Ма-кай! — скандировали кукушки. Именно так они поняли свою миссию меня отговорить. С учётом последующего могу уверенно сказать — поняли неверно.

Я намочила шазюбль. Мы изобразили енотов, бывалых полоскунов, и отполоскали его в кофе. Шазюбль не дрогнул. «Каким он был, таким он и остался, шазюбль лесной, шазюбль лихой...» — взвыла я.

— А почему ты саму заварку туда не вылила? Самую гущу?

— Ой, вот гущу — не надо! — ...но было уже поздно.

— Ничего! — максимально ехидно сказали девочки. — Ничего не сделается твоему шазюблю. Разве что кофейным запахом пропитается. Вот если б ты его варила по нашим рекомендациям хотя бы минут тридцать! А лучше, конечно, двое суток. Намного лучше, поверь. Намного.

Вынутый из кофе шазюбль стал объектом всеобщего интереса.

— Он что, совсем не покрасился? Или всё-таки приобрёл лёгкий оттенок?

— Да какой там оттенок. Просто стал мятый и грязный, — в словах Марты была такая истина, что под её напором шазюбль затрепетал, как от сильного ветра. Мято затрепетал. Косо, лысо. И да, пожалуй, что и грязно.

— «Каким ты был, таким ты и остался, но ты и дорог мне такой»... — видимо, в моём голосе звучало раскаянье и желанье всё вернуть как было.

— Утешься, Катя! — подключилась Ариша. — Я вижу кофейное пятно на левом боку! Нельзя сказать, чтоб он совсем не прокрасился. Что-то есть.

Я действительно нуждалась в утешении и поэтому решила понюхать то, что получилось. Элитный аромат свежего кофе должен был утешить меня.

Втроём, синхронно, мы втянули аромат шазюбля и надолго задумались.

— Гречка, — подвела итог Ариша.

Левый рукав нашего друга Шазюбря действительно пах гречкой.

— А у меня — подсолнечное масло. С ноткой гари. Интересно, из чего делают этот кофе?

Правый рукав нашего друга действительно пах… да. Да-да.

Тут слабый луч света упал на итог моих безумств и я поняла, что результат всё же есть. Шазюбль в этот миг тронул моё сердце своей гармоничностью. Он всё-таки приобрёл оттенок — лёгкий, нежный, пастельный оттенок гречки. Девочки предлагали для оттенка другие названия. Я отвергла их с негодованием. Гречка выглядела меньшим из зол.

— Ничего! — предприняла попытку ободрить нас с шазюблем Ариша. — Можно сделать второй заход. Берём газонокосилку, косим ваш участок, кладём траву в кастрюлю, кипятим...

— Шазюбль из одуванчиков! — поддержала начитанная Марта.

— Или берёшь стиральный порошок, — продолжали они, увидев, что я не вдохновилась, — кладёшь в кастрюлю, кипятишь… Главное — не торопишься.

— У меня, кстати, акварель есть.

— Нет!

— А давайте зелёнкой?

— Нет!

— Йодом можно побрызгать!

— Нет!

Девочки глумились. Шазюбль — свежая провальная идея нашего лета — подрагивал на верёвке над печкой. Жизнь продолжалась.

Дежурные по июню

Всё началось в девять вечера — как раз тогда, когда мне казалось, что всё кончено. Мы с Мартой приехали с Байкала. По крайней мере, головным мозгом — приехали. А вот ноги, как мне казалось, остались там, на далёких берегах. И вот мы сошли с электрички и поползли к Дому с петухом, чтобы там жить, покоясь.

Мы ещё не успели дойти до дома, как из кустов выпрыгнула Ариша. В руках она держала рисунок с синим хоботным существом. Судя по проработанности мелких деталей, ей было чем заняться, пока мы прощались с конечностями на Байкале. Ариша гордилась синим хоботным существом, предлагала нам его срочно музеефицировать, а также есть, пить и поговорить. Я же хотела есть, пить, вымыть ноги и покончить с бодрствованием или хотя бы с коммуникациями, а возможно и с собой. Мы вошли в дом, музеефицировали хоботное, сняли обувь...

— Что ж, кукушки, — мрачно сказала я, — бог послал вам полбатона и копчёного омуля. А больше он ничего не послал. Так что ешьте, пока дают. А я чаю заварю.

Заварить чай — это святое. Не заварить чай нельзя, даже если ты разлучён с конечностями и волей к жизни.

Я заварила чай, села и поднесла ко рту остатки полбатона. И тут в окне показалась голова. Глаза её блестели. Мне сначала показалось, они блестели радостью, но нет. Иным они блестели.

— Привет, — бодро сказал Илья. Его совсем не удивило, что у нас завёлся его ребёнок, у нас же его ребёнок музеефицировал хоботное и у нас же бог послал его ребёнку копчёный полбатон (ладно хоть не ядрёну бабушку).

— Привет, — сказали мы, экономя речевые усилия. — Чайку?

— Зачем чайку, пойдёмте на болото! Машину вытаскивать.

И мы пошли вытаскивать машину. Я, конечно, сразу сказала — коммунарским духом я вообще-то крепка, но на болото — только поглумиться.

Болото наше всегда впечатляло слабонервных. Только сильные духом рискуют через него ездить. Я бы даже сказала, одна штука сильного духом, которая в половине десятого вела нас верной дорогой в болото. Девочки предусмотрительно надели сапоги. Я ограничилась шлёпанцами — мне не была близка мысль что-то надевать на ноги, а тем более что-то ими делать.

Через час мы окончательно поняли, что это наш праздник. Беспонт — божество праздников и веселья — посетил нас как никогда. Комары — представьте сибирских комаров сибирским вечером на сибирском болоте — тоже праздновали. В сумерках я вижу очень плохо и часто не совсем то, что предполагается существующим, поэтому, когда над ухом у Марты просвистел комар с размахом крыльев в полметра, я списала это на «куриную слепоту», но потом, оценивая покусанность, всё-таки решила, что это был вполне реальный персонаж.

Поглумиться, кстати, не удалось. Я упустила момент, когда поглум был ещё возможен. Мы уже приближались к машине, стоявшей в болоте под тем самым углом, под которым когда-то поднимали руку салютующие пионеры, и тут Илья почувствовал, что поглум вот-вот состоится, и нанёс предупреждающий удар.

— Знаешь, раз уж ты здесь, у меня появляется надежда. Давай ты встанешь вот на это колесо и под твоим весом машина примет нормальное положение? Мне-то на колесо вставать бесполезно, а вот ты… Я верю, ты — сможешь.

Поглум застрял у меня в горле. Я покорно встала на колесо. Машина не приняла нормального положения, и это слегка поправило мою самооценку. Потом мы встали на колесо втроём — машина, естественно, не шелохнулась. Следующие три часа мы дружили с лопатами, домкратом, камнями и древесинами, а с нами дружили комары и жидкая грязь.

Время от времени я спрашивала девочек: «Показать оксюморон?» — и доставала из кармана уделанной жидкой грязью ветровки гламурный фотоаппарат с инкрустацией стразами. Если кто-то

возьмётся судить об этой ночи по документальным свидетельствам, он сразу же поймёт, что возле машины работала команда супергероев: генетические мутанты с красными глазами и довольными лицами запечатлены на каждом снимке, вот только не до конца понятно, что они делают — раскапывают или закапывают. Также нельзя не выдвинуть версию, что и сами они откопались, недавно и ненадолго, короче, только мастерство фотохудожника помогло ему превратить товарищей по коммуне в эстетический объект... и не похоронить стразы на болоте.

Ближе к полночи родилось звукоподражание «чмяк». Марта уронила в грязь фонарик, стала его искать — уронила кепку, стала искать кепку — села сама. И если это не был трёхэтажный «чмяк», то я сама трёхногий носорог.

Далеко за полночь мы осознали нашу миссию и назвали себя музами, покровительницами вытаскивания из болота. Копать уже не могли потому что. Из болота тащить ночью что-то — тоже искусство. Оно нуждается в музах. Три музы, выбившись из сил, тупо стояли по колено в жидкой грязи и покровительствовали Илье, в котором ещё оставался азарт. Потом я спросила самую мелкую музу… я бы сказала, что самую беленькую, но жидкая грязь уже сделала своё дело. Я, ища путей к отступлению, не без намёка спросила самую уделанную грязью музу:

— А хочешь, я тебя домой отведу?

— Нет! Я останусь с коллективом! Кукушки же своих не бросают! — ответила Марта, и я устало прокляла свои предыдущие педагогические усилия, пропаганду коллективизма и альтруизма и концепцию простых коммунарских радостей, которые не только завели нас в болото, но и не дают оттуда отползти.

Машину мы в ту ночь так и не вытащили, хотя успели подробнейшим образом побеседовать об антропософии, о возможностях религиозного воспитания в современной школе и ещё о чём-то замечательно духовном, плохо помню, потому что шлёпанцы тонули в грязи, и я раз за разом, теряя шлёпанцы, теряла и нить. Примерно в половине первого где-то между домкратом и антропософией я оперлась на лопату, которой тыкала в грязь с не очень, мягко говоря, высоким КПД, и спросила:

— Скажи, пожалуйста, что именно изменится оттого, что мы тут копаем?

— Копая, — ответил Илья, — мы изменяем окружающую среду. Возможно, это как-то скажется и на машине.

Во втором часу ночи я увела девочек спать. Музы покинули болото. Они шли, руководствуясь фонариком, и вели под руки меня — как было сказано выше, я очень плохо вижу в темноте. Где-то на полпути фонарик стал гаснуть. Решительная Ариша выхватила его у меня из рук и сказала: «Этот фонарик — наша семейная реликвия, я всё про него знаю! Когда он гаснет, его надо трясти. Он воссияет!» — убедительно сказала Ариша. Она встряхнула фонарик. Из него в непроглядную тьму тут же выпала батарейка. «Чмяк!» — хором сказали мы втроём. Я шагнула в неизвестность… «Чмяк!» — хором сказали девочки, а я сказала нечто совсем другое. Впрочем, к тому моменту уже так взбодрилась, что, добравшись до дома, сделала даже попытку отмыть с себя и девочек жидкую грязь. Слабую — однако попытку. Кроме горячей воды и остаточной жизнедеятельности, мне нечего было предложить мирозданию.

Соседки напились и бегали по нашему участку с криками «ку-ку». А мы всё равно спали.

Илья вытащил машину без нас. Рано утром, с энной попытки. И вот тут-то и выяснилось, что вовсе не коммунарский коллективизм повлёк нас на болото. Это корысть была, неприкрытая корысть. Хотя я не уверена, что начинать надо с корысти. Может быть, надо с зоков начать. Или со станции Подкаменная? Или с текущей коммунарской диспозиции?

Не знаешь, с чего начать — начни с бобра. Начну с бобра. Бобёр попросил родителей на день рождения в сентябре устроить вечеринку по мотивам книги «Зоки и Бада». Это чудо-книга, и фанатизм Агафона вполне понятен. Непонятно, как устроить вечеринку. Конечно, Сашка сразу вспомнила о человеке, на которого работает его репутация. О том, кто так удачно похоронил старого пирата Джонни Чупа-Чупса в могиле декабриста Поджио. О том, кто вместе с ней катил по свежему снегу пятнадцатикилограммовую хэллоуинскую тыкву. О том, кто сыграл профессора Снейпа, истратив банку воска для волос на соответствие канону. О том, кто, не покладая головного мозга…

Короче, не могу не прибегнуть к любимой цитате, «колоссальная дура эта была я». Конечно, Сашка вспомнила обо мне и поставила передо мной непростую задачу. И я тут же предложила ей непростое решение.

Не спрашивайте меня, что решает это решение. Конечно, оно не решает. Но почему-то захотелось снять кино про зоков. Не по книге, а, мягко выражаясь, по мотивам. Чтобы дети. Чтобы дети коммунарские. Чтобы всякая деть коммунарская полноценно провела лето, не втыкая в компьютерные игры. А я бы делала то же, что всегда — смотрела на них. В видоискатель. Камеры. Которой нет. И штатива нет. Но когда это меня останавливало? И вот мы стали думать о том, чтобы снять Зоков, потому что снять-то нечем, а думать можно, не противопоказано. И мы думали.

А теперь я временно оставлю бобра в покое, потому что бобёр в это время в городе радует собою стоматолога. А стоматолог радует бобра. А мы тусуемся в Таёжном. И в процессе тусняка мы освоили приятный сердцу географический объект — озеро на станции Подкаменная. Я колыхалась на берегу, Ариша плавала на шпале (да-да, шпалы плавают) и входила в роль рыбы Пумбрии (пароль: «А ты часом не зок-рыба?», отзыв: «Как можно, Пумбрия я!»), Марта осваивала роль Жёлтого Бады (мирно пасётся в одуванчиках). Постепенно стало очевидно, что надо вывезти туда поколение ныкст целиком, сколько под руку попадётся. Ариша так хотела играть Пумбрию, что не обращала никакого внимания на отсутствие камеры и штатива. Марта паслась в одуванчиках и мечтала продолжить это в следующий раз в обществе Агаты. Агата, мы чувствовали это, тоже била копытом где-то далеко от нас, в стоматологическом кресле...

Короче, звёзды сложились так, что вскоре у меня было четыре девочки, горячо желавших плыть на шпале не абы как, а как зоки, показательно плыть на шпале, плыть актёрски. Четыре девочки у меня было — и крайне, предельно неудачное расписание электричек. Я сразу поняла, что либо мы с четырьмя девочками заедем, но не выедем, либо выедем, но не заедем. И мы сразу подумали про машину.

Так вот, на следующий день Илья повёз меня и четырёх девочек на озеро снимать кино про зоков гламурным фотоаппаратом со стразами. После того, как мы дверяжили окружающую среду болота во имя его, выбора ему никакого не оставалось.

Если вы взяли напрокат кучу девочек, есть несколько фраз, которые вам не хотелось бы услышать с заднего сидения. Например, «Мне нужно постирать носки прямо сейчас!» — эти слова отлично прозвучали в исполнении Агаши. Я по наивности ещё и уточнила, почему. «Они окровавлены!» — было мне ответом. Я побоялась продолжать диалог, потому что когда ребёнок так повышает градус каждой репликой, любопытство может дорого обойтись старшему товарищу. Впрочем, мыло в машине было. Были также цепи, сапоги и лопата. Так что Агаша при желании могла бы постирать носки, не выходя за дверь, а я могла бы посадить её в сапог, например. И обмотать цепями. Но я этого не сделала — меня отвлекла жизнь.

Золотую хитовую реплику, которую никто никогда ни при каких обстоятельствах не хотел бы услышать, везя чужих детей на озеро, минут через десять бодро выкрикнула Жирафон Сашенька:

— …Смотрите все, Агата умерла!

Она думала, мне будет смешно. Но мне не было. Два дня назад я легла спать, а Марта с Аришей в спальниках упокоились на чердаке. И вот я слышу наверху звуки борьбы: бум! шмяк! — и отчаянный детский вопль: «А-а-а-а!» Выбегаю с колуном…

— Да это она мне массаж делает…

С другой стороны, после этого смелого заявления я уже сквозь пальцы смотрела на все эти «меня тошнит», «железная бутылка меня по голове ударила», «я не могу держать на коленях этих двух», «я вас всех ненавижу» и «это была очень плохая идея — поехать на озеро». Слушая все эти выпады, я думала «зато Агата жива» — и улыбалась лучезарнейшей из улыбок.

На озере было людно. И очень холодно. Полузатонувшая шпала дрейфовала в центре водоёма.

Я знаю, чем продолжить, но продолжу всё равно бобром. Как выяснилось много позже, Агату удалось отправить с нами в дальний путь не сразу. Она отправилась в путь только тогда, когда Сашка сказала ей, что положила в её рюкзак мини-колбасы в красивой фабричной упаковке. Колбасы грели её сердце обладанием. Поехать на озеро, владея колбасами, — именно это заставило Агашу проснуться и присоединиться к флешмобу.

К сожалению, она потеряла контроль над имуществом на промежуточной стадии, когда я перепаковывала рюкзаки. К ещё большему сожалению, я перепаковала продукты к себе. Без особого смысла, коряво, так уж вышло. А ей положила полотенце и тапочки-шлёпки. И вот, когда мы шли к машине, Агата открыла свой рюкзак и была оскорблена в лучших чувствах. Она хотела обладать колбасами, а колбасы украдены! Вместо колбас её обманом заставили нести какие-то невразумительные шлёпки!

Недолго думая, Агата выкинула из рюкзака все вещи. Вслед за ними последовал и сам рюкзак. Поэтому, когда мы высадились на озере, она уже достаточно давно ненавидела окружающий мир и хотела утешиться купанием, но вместо этого утешилась аллергией на холодную воду. Но я ещё успела пережить свою звёздную педагогическую минутку, когда она ещё до купания подбежала ко мне и спросила:

— А в чём я в воду пойду, в кроссовках, что ли?

— Зачем же, обувь есть, — и я протянула ей те самые шлёпанцы, которые она полчаса назад в таком остервенении выкидывала из рюкзака. Агаша — уникальное существо, она оценила иронию судьбы. Но только после того, как вытребовала назад колбасы.

Так вот, Агаша с её аллергией сначала сидела под полотенцами, а потом хотела утешиться продуктом. Но это было не совсем уместно, потому что к тому времени к нам пришли подкаменские дети. Сначала они подходили с вопросом «Можно, мы на бронежилете поплаваем?» — надувной жилет в виду имели. А потом подошли к костру погреться. В общем, их было штук семь. И четыре

исконных. Поделили скудный запас еды по-коммунарски, никто не наелся, а тут в центре композиции Агаша с колбасами, и все на них смотрят.

Вот тут-то нам и пригодился фотоаппарат со стразами. Я немедленно вошла в роль режиссёра, и мы стали снимать эпизод «Зок, отдай колбасы!» Агата просто жила в кадре. Я никогда не видела такого убедительно жадного, такого победительно обаятельно жадного зока. Ариша, владеющая кунг-фу, бежала за зоком в лес — и возвращалась без колбас, без кунг-фу и сильно покусанная. Зок же сидел в одуванчиках, владея колбасами и лелея их. Марта делала робкую, но хитрую попытку изъять колбасы — и убегала, посрамлённая.

Как раз в это время великовозрастные местные жители на другой стороне озера бросили в свой костёр покрышку. Я этого не видела, потому что стояла в уникальной позе, которую лучше подробно не описывать, служа сама себе штативом, и зычным голосом давала инструкции: — Зок-один, лелей колбасы! Зок-два! Ты подкрадываешься! Стоп! Зок-два! Отдай себе отчёт, чем именно ты подкрадываешься! Лицом подкрадывайся, лицом!

И вот в момент, когда Агата ярко и гениально играла страстное нежелание зока расставаться с колбасами, наши декорации заволокло чёрным дымом.

— Отлично, зок! — одобрила я. — Ты прям дымишься!

— Это покрышка горит, — проинформировали меня остальные зоки.

Оттого ли, что в эпизоде фигурировала еда, или оттого, что были мы очень зажигательны, к нам спонтанно присоединились мальчик с веснушками и девочка с синими от холода губами. Это были лучшие зоки, которых я когда-либо видела. Окружив Агату, они смотрели на неё и говорили: «Зок, делись!» И в душе Агаты произошёл переворот. Она сказала:

— Слушайте, зоки! Слушайте меня все! Я знаю, чем кончится эта история. Я разделю колбасы!

И делила их, и протягивала… и отдёргивала руку, и вновь прижимала их к сердцу, прощаясь. А я только об одном просила вселенную — чтоб не кончилась батарейка в фотоаппарате со стразами.

В идеальную форму воплотила Агаша свои страдания по колбасам.

На обратном пути никто не бился о железную бутылку. Никто не хотел немедленно стирать окровавленные носки, не проклинал плохую идею поехать на озеро. Девочки пели и смеялись. Они смеялись и пели, господи, они радостно орали, и я думала — только бы не забыть, как они смеются, только бы не забыть всё это через тридцать, через сорок, через сто — лет и жизней. Память самоценна для меня. Она ни для чего, для неё всё. Всё ради неё. Ради того, чтобы сохранить эту рыжую дорогу под колёсами, сосны, смех на заднем сиденье, когда этого уже не будет. Когда этого уже нет.

Гримпенская трясина

Остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно... На этих словах я заложила «Собаку Баскервилей» закладкой, разрисованной незабудками, и поехала в гости к Сашке, чтобы заманить её на болото в дневное время, когда силы добра неистово торжествуют. Я давно об этом мечтала. Сашка живёт в Ново-Ленино, и почему она до сих пор не исследовала знаменитые ново-ленинские болота и не пригласила меня на них сама — загадка. Наверное, её отвлекло материнство. Но я сделала ей предложение, от которого невозможно было отказаться, — материнство на болотах. Болота освежают материнство, материнство озаряет болота. Поэтому мы взяли младенца, собаку-самурая, тяжеленную коляску и гигантский фотоаппарат и двинулись сначала через парк.

Парк был полон наглых белок. Белки вели себя странно — так, как будто слово «собака» читали только в книжках, а собака-самурай — это белка, своя среди своих. Гигантская, ослепительно белая белка аномального телосложения, с маленькими недобрыми глазками. Они разглядывали собаку в деталях, спускались с деревьев, зависали перед его мордой и цокали одобрительное. Количество белок зашкаливало, качество, естественно, тоже. Парк полон был солнечным светом, ухоженными, приличными молодыми матерями с тихими детьми и маленькими адекватными собачками. Мы, признаться, на этом фоне сильно выделялись по всем пунктам. Но нам было хорошо. Сашка играла со мной в европейскую осень. Надо было притвориться, что мы гуляем по Мюнхену, и вести друг с другом светскую беседу на тему «как хорошо, что в этом сентябре мы смогли выбраться в Европу.. и даже с собакой (собака в этот момент истерично завывала с белочкой дуэтом), и даже с коляской (переднее колесо коляски научилось вращаться самопроизвольно, на 360 градусов, поэтому за траекторией следовало следить)». Воображаемая Европа была прекрасна — этот тихий свет будущего, эта даль, лучезарность покоя.

Потом мы достали мыльные пузыри и стали искать зелёную полянку для фотосессии младенца в пузырях. Ключевыми навыками были признаны два — вовремя заметить за зелёным покровом идиллии яму-ловушку и не сесть в дерьмо, причём последний навык был признан ключевым как для фотографа, так и для модели. Потом мы баюкали младенца, который презрел пузырь во имя вскармливания. Заодно приходилось баюкать и собаку, потому что наш песец кидался на каждого йоркширского терьера, а лай не очень колыбелен.

Наконец мы положили усыплённого младенца в коляску, и я стала манить Сашку на болота. Я хотела пойти туда по центральной улице, но Сашка сказала, что это неспортивно, и завлекла меня в буи — как я теперь уже понимаю, она превентивно мстила за болота. Мы шли по невероятным, таинственным буям, и Сашка флегматично рассуждала, что болота всем прекрасны, но, насколько она видела из автобуса, местность там очень открытая и в туалет, если что, сходить будет негде, а она заинтересована в том, чтобы было где. Она была так убедительна, речь её — так выразительна, что в туалет немедленно захотела я. Я полезла за гаражи, в заросли черемухи, и столкнулась со сплоченным кругом бомжей. Когда бомжи сказали «Здравствуйте...», я похолодела, потому что поняла, что и тут рискую услышать самую страшную на свете фразу: «Здравствуйте, Екатерина Геннадьевна! Помните, тудыть налево, как Вы учили нас русскому?» Сашка от похода в заросли отказалась. «Это твой конёк, — сообщила она. — А я не заинтересована». Её позиция была для меня ударом, но потом стало понятно, что это она превентивно мстила мне за болота, и всё сразу встало на свои места.

Мы шли и шли — и вышли к мосту, за которым лежала трясина мечты. На мост вела крутая лестница. «Мы никак его не перейдём, — заключила Сашка. — Но я разведаю». И ушла вдвоём с собакой, красивая и свободная, как будто молодая мать я, а не она. Я тем временем стала втаскивать коляску со спящим младенцем по ступенькам на мост — возвращаться после всего пережитого было глупо. Тут появилась Сашка и сказала, что надо стаскивать обратно, потому что мы сейчас великолепно пройдём и под мостом. Если бы я в тот момент поняла, что она превентивно мстит мне

за болота, может, я бы сберегла хоть какой-то процент поясницы. Но я стащила коляску и подвезла её под мост. «Только она тут не проедет, — внезапно сообщила Сашка. — Поволокли! Подхватывай!» Мы подхватили и поволокли. Под мостом были камни, затянутые сеткой. Экспириенс был экстатичен. «Что ж, Сашка, — решила я процитировать Мураками, — свяжешься со мной — и сразу столько хорошего! Могла бы уныло, без огонька сидеть дома. А ты вместо этого протаскиваешь коляску под мостом!» Собака активно стремилась двинуть вплавь и выдернуть нам руки поводком, а гигантский фотоаппарат бил меня по крепкому бедру. «Ничего, — утешала меня Сашка, — я вижу впереди просторы почвы!» Обещанье почвы не сбылось. Почва, я бы сказала, оказалась кочвой, настолько богата она была кочкой 3D. Мы понесли коляску дальше, стараясь не вспугнуть сон младенца.

Достигнув дороги, Сашка побледнела. «Я их боюсь!» — сказала она, нервно оглядываясь. Нас окружали коровы. У них явно были намеренья. «Я, если что, успею метнуться на насыпь. Собака меня затащит, — поставила меня перед фактом сестра, показывая на почти вертикальную насыпь моста. — А вот как ты с коляской будешь справляться, когда вон тот бык поднимет тебя на рога, понятия не имею». Сашка лгала, конечно. Она вовсе не собиралась покинуть меня на рогах. Она просто мстила мне за болота в режиме реального времени.

Коровы были очень коммуникабельные. Они выходили из зарослей облепихи и шли к нам. Хьюша неистовствовал. У него не получалось определить видовую принадлежность животных, но он понимал, что они огромны, и задумывался, то ли они объект охоты, то ли повод для переоценки себя.

На берегу рос рогоз, за ним плыли и взлетали утки. Вдали по-булгаковски шёл поезд. С болот был немного виден город, растворённый в осеннем солнце. Он поблёк и выцвел, и уже этим заслуживал любви и печали. Сашка отпустила собаку-самурая на волю. Самурай немедленно порезался, и по белой шерсти заструилась кровь, но он всё равно веселился, купался, сопоставлял себя с коровой, улыбался широко. Младенец проснулся.

— Я засекла время. Луша спала ровно тридцать пять минут, — констатировала Сашка.

— Понятно. Только непонятно, это успех или провал?

— Полный провал. Ты понимаешь, что обратно придётся тащить её на плечах?

— Понимаю, — ответила я под непрекращающийся аплодисмент поясницы.

Младенец ухватился за Сашкины джинсы и корчил упоительные рожи, перемежая торжество мимики нытьём, а нытьё поеданием. Собака ликовала. Облепиха неподвижно светилась оранжевым светом. Коровки ушли общаться с пастухом, но он смотрел в гаджет и был к ним равнодушен. Больше на болотах никого не было.

Мы съели по яблоку, посидели под вечным солнцем, сфотографировали всё, что движется, всё, что светится, всё, что хнычет, и всё, что гавкает, и стали выбираться. Под мостом решили не возвращаться — есть виды опыта, которые, будучи прожиты однократно, дают такую полноту переживания, что повтор ни к чему. Помнится, однажды на станции Подкаменная мы прошли квест «протащи парализованную старушку под товарным поездом» — следует ли это повторять? Конечно, нет. Это вершина, и лучше уже не будет. Вот и коляску под мостом — хорошо, но хватит. Такое бывает однажды (надеюсь).

Мы выписали супер-крендель и оказались в пяти остановках от дома. Собака рвала и метала. Она поставила себе конкретную задачу — в ходе прогулки обвязать ошейником ноги того, кто несёт младенца на плечах, а потом резко дёрнуться вбок. Собака-экстремал, ни капли не ценящая жизнь — ни свою, ни чужую, несколько раз даже достигла своей цели. Спасибо вестибулярному аппарату, он у меня самый лучший. Сашка влачила собаку и коляску. Фотоаппарат бил меня по крепкому бедру. Младенец ныл и норовил спикировать с моих плеч куда-нибудь на молодую мать. Мать скрипела поясницей и мечтала о временах, когда спортивный младенец будет ходить ногами. Потом Сашка дала Луше чупа-чупс... бинго! Младенец увлёкся тыканьем чупа-чупса мне в волосы, и это дало мне возможность облысеть — вычеркнуто — кое-как, с перерывами, донести её всё же до дома.

Всё это время я вешала на Сашкины уши лапшу о нашей спортивности. Эх, Сашка, какие мы будем стройные! Как играет твой упругий мускул! — говорила я раз за разом. На самом деле с Сашки

просто сваливались джинсы. Но я решила концептуализировать происходящее как игру упругого мускула, чтобы хоть как-то оправдаться за болота и последующее.

Дома мы решили взвеситься.

У Сашки под ванной стоят экзистенциальные весы. Они предназначены для тренировки духа и ни для чего больше. Сколько бы ты ни весил, они всё равно не показывают меньше восьмидесяти! Но мы настолько накачали упругий мускул, что потеряли бдительность. Я пошла в ванну и встала на весы. Они закономерно показали восемьдесят!

— А-а-а! — заорала я. — Неужели, проведя день на болотах, я набрала пять кило? Этот блинский мускул слишком упруг, я не готова к такой упругости! Как жить?

— Ты же знаешь эти весы, — хладнокровно сказала Сашка. — Переставь — они тебе другую цифру покажут.

Под непрекращающиеся аплодисменты поясницы я переставила весы. Они тут же показали восемьдесят один! Я переставила ещё. Они показали восемьдесят два! Ещё раз — восемьдесят три!

— От добра добра не ищут, — ехидно прокомментировала Сашка. — Всё относительно. Надо было тебе соглашаться на восемьдесят. Теперь ты понимаешь, что это была неплохая цифра?

Я понимала. Последним, уже безнадёжным пинком я переставила весы ещё на полметра, и тут они вернули мне радость и убрали лишнее.

— Стой! Не дыши, не двигайся! Не трогай, главное, весы! — закричала Сашка. — Я должна взвеситься именно на этом месте! Они там правильно показывают!

Она на цыпочках прокралась к весам и поместила мускул на них.

— А-а-а! Как жить? — весы передумали и снова вернулись к любимым числам. Собака, набегавшись, валялась в углу вверх ногами, младенец строил упоительные рожи, очень хотелось есть, спать, жить.

Старушки

На улице пели старушки. Народный ансамбль из пяти деревенских бабушек и неизбежного, как тамада на свадьбе, гармониста. Большой город выдал им штук пять зрителей. Невозможно стоять на жаре в этих вот кокошниках и сарафанах и петь никому, поэтому я сразу повела себя как на рок-концерте. Хлопала, орала. Одобрительный свист никогда не удавался, но свистнуто тоже было, хотя свистнуто средне, не спорю, да и головой вращала крайне умеренно.

Я знаю, что любая песня в любой момент может превратиться в бездну под ногами и делай что хочешь, летай или падай, — если её споют особенные люди или если услышать её в особый момент, когда получается воспринять не слухом, а всей личностью, а может, услышать в ней голос будущего. Или голос иного. «Реальности, о которых говорю я, — реальности подлинные, вездесущи, как свет и вода. Так, например, я, Грантом, учёный и врач, есть не совсем то, что думают обо мне; я — *Хозиреней*, человек, забывший о себе в некоторый момент, уже не подвластный памяти; ни лицо, ни вкусы мои, ни привычки не имеют решительно ничего общего с Грантомом данного типа», — эти слова остаются для меня самыми важными у Грина. Никакие другие не были настолько необходимыми и настоящими. Как я жалела, когда читала «Блистающий мир» лет в шестнадцать, что он не при мне это говорит, а при той, которая хочет не услышать, хочет это отменить. Что человек, который почти смог сказать правду, навсегда второстепенный персонаж. Что никто ничего подобного при мне не говорит и никогда не скажет, и то, что я чувствую, останется необъяснённым и неназванным. Но оказалось, тогда я просто не умела такое слышать, а говорится оно всё время.

Поющие старушки не были собой в особую минуту, они превзошли и вышли прочь, и песня их собою не была. Она сбила все «я» и «ты» внутри себя, сменила мерность и систему координат. Я знаю то место, куда она ушла, и то содержание, которым она стала. Средняя старушка, видимо, устала и пела только часть куплета, а в промежутках шевелила губами. «Любишь, не любишь — не

надо, я ведь ещё молода, время наступит — полюбишь, а поздно уж будет тогда», — старые женщины в синем пели как будто бы это, а заодно и всё остальное, что есть, и дома объединились с людьми, с землёй, с камнями, с китами и деревьями, с птичьими голосами, с любимыми книгами, со всеми кораблями, поездами, которые может вместить мой мозг, с болезнями, прощаньями, кладбищами. Волна любви с волной страдания пошли друг на друга, обнялись, соединились, разбились, снова стали тем, чем мне привычно их видеть. Но пока песня не кончилась, они были более, они более были. Они не имели общего со старушками данного типа, с песнями данного типа. С жизнью данного типа.

Энгельсина и море

Двенадцать лет назад я заблудилась на Малом море. С запозданием благодарю спонсоров моих блужданий: отстойное сумеречное зрение и неспособность ориентироваться в нелинейных ландшафтах — они как могли вложились в моё своеобразное счастье. С екатеринбургским приятелем Тимом, павшим жертвой экскурсионного бюро «Сусанин анлимитед», уже в ночи мы неожиданно вышли на кладбище. На нас смотрела луна размером в полнеба, несколько старых лиственниц поодаль и галлюциногенные горы, а мы стояли среди старых, наполовину безымянных могил. А ещё на нас смотрела Энгельсина. Красивая такой нечеловеческой красотой, которой могут быть красивы только природные сверхобъекты. Гималаи так красивы. Стаи летящих птиц. Поля цветов, вольные лошади Пржевальского, бегущие сквозь степь, выцветшие добела корни лиственниц на берегу Хубсугула. И Энгельсина — одна на свете. Детская и страшная в своей силе, родная и недоступная, она смотрела на нас со старой фотографии на одном с памятников, и мы стояли ночью на полузаброшенном кладбище и смотрели на неё, а за ней поднимался выше уровня глаз размытый ночной Солярис, а под лиственницами был такой высокий слой мягких иголок, что на нём можно было спать, как на матрасе.

Я всегда пропускаю сам момент клятвы. Постфактум только понимаю, что это уже случилось — я дала обет вечной односторонней верности, потому что это оно, то самое, самое главное. Я построила свою отсутствующую личность из этого, пропустила его в самую глубину — нет, оно и стало для меня глубиной, но осталось самим собой, и как только я приближаюсь к тому, что стало частью меня, меня притягивает к первоисточнику. Наверное, этого нельзя было брать — оно никогда не было, не могло быть моим. Но я уже взяла, и теперь не понимаю, где я, а где нет, знаю только, что принадлежу тому, что когда-то украла.

Каждый раз, когда я оказываюсь на Малом море, я иду к Энгельсине. Мне надо видеть её чудное лицо, её глаза, которыми смотрят галлюциногенные горы. Надо молча побыть рядом. Лучше молчать рядом с теми, кого украл и держишь в сердце.

На этот раз у меня было очень мало времени. Нужно было вернуться к четырём, и я знала, что не успею дойти и вернуться. Но ноги шли сами. Потребность идти к ней была сильней, чем потребность прийти.

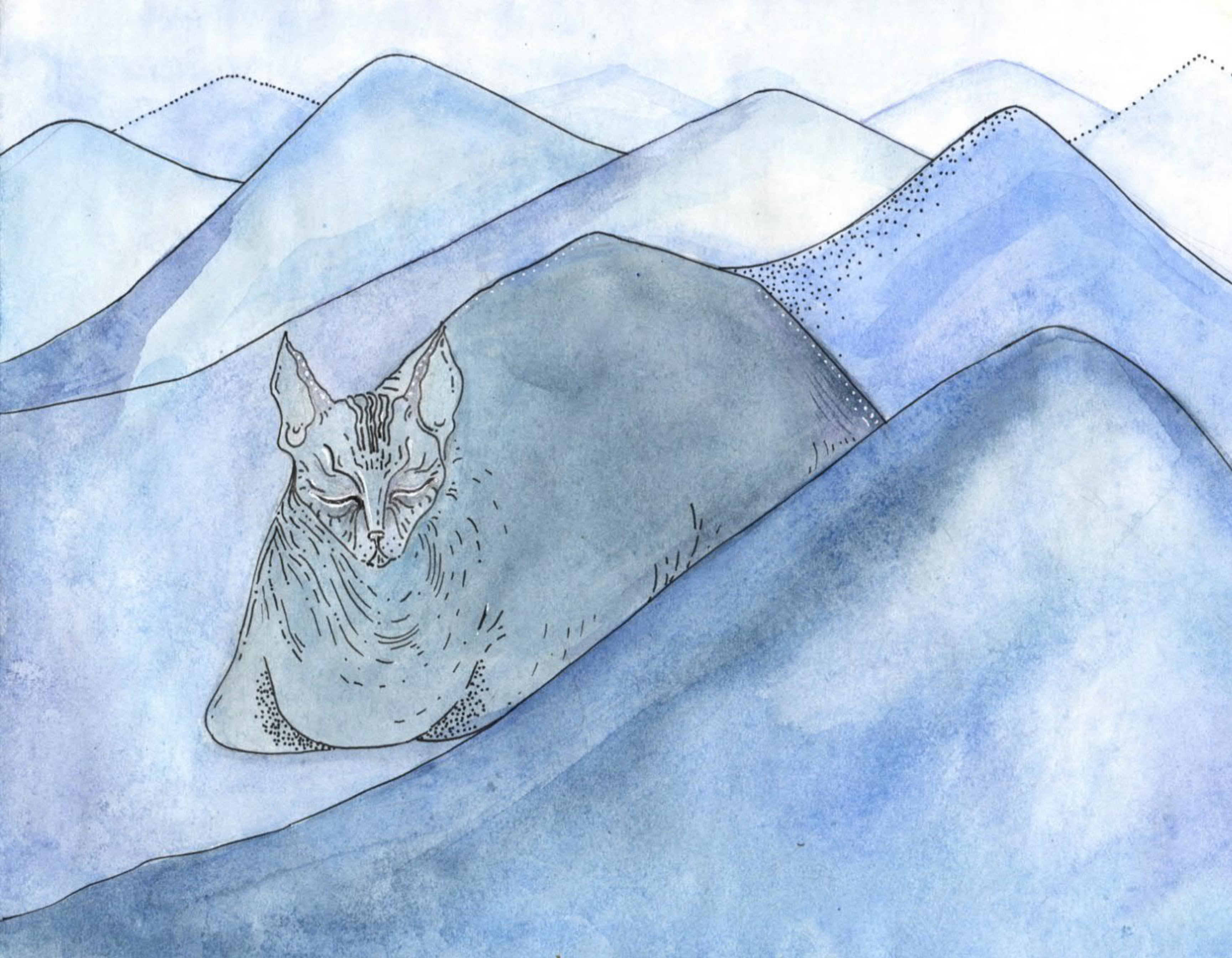
Вокруг не было никого. Только далёкий нежный звук бензопилы доносился с одной из турбаз. Две птицы крыло в крыло летели над водой так, чтобы бороздить её ногами, и за ними оставалась двойная колея. Я обнимала лиственницы и разговаривала с муравьями, гладила по каменным хребтам ушедших в землю драконов, а потом нашла посередине безлюдных пространств остов громадного грузовика. Я залезла в кабину и сидела там среди ржавых штырей и торчащих проводов. Мы с грузовиком грелись на солнце, как два сюрреалистических товарища, и смотрели на сусликов и птиц, а они нас не замечали.

Время, наверное, шло. Пора было, наверное, обратно. Я почти растворилась в мире, но так и не дошла до Энгельсины и поэтому решила посмотреть на неё хотя бы издалека. Просто в её направлении, чтобы она знала, что я шла к ней. «Что ж, вчера все пили и пели, а ты не пила и не пела. Пришла пора запоздалого неистовства. Лезь в гору, кукушка!» — и я полезла вверх.

Камни и синева, далёкие берега, вечные острова, безлюдная бесконечность. Я смотрела туда, где недалеко от берега странного моря моей родины, состоящего из чистого духа, лежит Энгельсина, а я уже не имею выбора, любить мне её или нет, и не помню, как я её выбирала, но вот лезу в гору ради неё, и она не знает об этом, и этого невыносимо мало, чтоб хоть что-то выразить, хоть что-то смочь. Что мне сделать для тебя? Кого победить, как далеко забраться, чем мне стать ради тебя?

— Всем, — молча отвечало мне оно. — Стань всем, тогда поговорим.

Я посмотрела с горки туда, куда не успевала дойти, и увидела там свет. Было солнечно, но свет на том берегу был такой яркий, что прорезал день, как тьму, и сиял, сиял. Энгельсина, неугасимый маяк безлюдных пространств, светила ровно, не мигая. Байкал всё знал и ничего не помнил. Галлюциногенные горы, люциногенные горы, смотрели из дали в даль.

Дорога сна

Сначала всё было очень спокойно. Мы читали вслух монографию о дореволюционной России. «Практики семейного чтения, вы сильно изменились за лето», — думала я и немного вздрагивала, когда приходил час озвучить что-то вроде «мистически-сексуальные эксперименты Гиппиус и Мережковского». Впрочем, озвучивай не озвучивай, всё уже неоднозначно. Читаешь ребёнку «Репку» — хорошая мать. Читаешь подростку монографию — фрик. Но я и до монографии была фрик, чего уж.

Всё нормально было какое-то время. Подросток успела нарисовать Ленского и объяснить мне все существующие в природе мемы про теорему Виета, апеллируя к личному опыту. Я сидела в полукресле-полукачалке на полупомосте-полунасесте, по правую руку росла береза, по левую ёлка, сбоку черёмуха, перед носом — сирень. В руке моей была чёрная-чёрная кружка, в ней ждал своего часа коктейль «Слеза педагога» (кофе, кофе, кофе).

А ещё я наконец смогла выспаться. Ночью по привычке просыпалась, тянулась к ручке и бумаге, хотела записать мысль, которую всю ночь во сне думала — или она мне снилась. Белые ночи, — бормотала я, роняла ручку и засыпала обратно. — Настоящие белые ночи те, в которые снятся светлые сны. Ночи без бессонницы, освещённые изнутри вереницей лёгких снов о счастье. И ночь была белее некуда, а под утро кто-то сказал мне на ухо:

— Ты так много вспоминаешь, но не видишь самих воспоминаний. Смотри не на содержание воспоминания, а на само воспоминание. Смотри на него как на предмет.

И я увидела учебную иллюстрацию. Человек выглядел как планета — тёмная и грубая, изрытая кратерами от метеоритов — абсолютный объект, полностью подчинённый внешним силам.

— Смотри, — сказал мне на ухо кто-то. — На поверхности возникает воспоминание. Оно выглядит как глаз, как рисунок глаза, сделанный светом. Если ты посмотришь прямо в него, тебе будет доступно содержание этой частицы памяти. Но даже если ты в него никогда не посмотришь, он существует. Этот глаз смотрит и будет смотреть не на тебя, он смотрит в холодную космическую темноту, освещая и согревая её. Думаешь, он бессилен это сделать? Давай посмотрим, как светятся все воспоминания сразу. Как светится память о целой жизни. Человек — это шар, смотрящий во все стороны светом своих воспоминаний. А представь, что солнце — тоже память. Другого уровня, не человеческого, даже не уровня человечества. Но представь, если сможешь, что это так... создай воспоминание.

Мирно всё было, в общем. Я наморозила двести шестнадцать шариков льда, мы кидали его в чай, обсуждали отдалённые перспективы:

— Будем сидеть среди сакуры и оленей. Черепашек кормить! Нас будут окружать каменные фонари и нарнийские леса. Я буду фотографировать всё, что движется и горит...

— Если горит — надо тушить, а не фотографировать.

— Может, оно красиво горит.

— Тогда принять вызов — тушить красиво.

Тут хлопнула дверь. Приехали Сашки, Луша, Хьюша, Агаша, я стала метать в их направлении чудом приготовленную ранее еду. Собака изображала Хатико за кусок курицы только так, а потом проникла к соседям и разрыла укроп. Сашка поделилась со мной идеей арт-проекта — она привезла двенадцать ёмкостей разных цветов и решила поставить в них цветы в полном совпадении с цветом ёмкостей. Это должно было быть очень красиво (но оказалось ещё гораздо красивей, чем я могла себе представить). Дети ушли во второй дом, организовали там «базу» и стали жить-поживать и *добра пожевать*, как выражалась Агаша лет десять назад. Потом дверь хлопнула ещё раз, пришли Зойка, Стас и маленькие Всеволод с Катей. Мы накинулись друг на друга хаотично и начали общаться вперемешку. В этом, видимо, и состоит суть коммуны.

Когда все поговорили друг с другом, я пошла провожать Зойку и детей с фонариком. Всеволод и Катя в темноте перестали быть Всеволодом и Катей и стали Гансом и Гретель. Они, трогательные, крохотные, шли под кронами деревьев передо мной и всё время сворачивали то в кусты, то в высокую траву. Потом заглянула к подросткам. Добра, которого они пожевали, уже не было. Подростки воззвали ко мне. Я сделала им горячий шоколад в кастрюльке и понесла из дома в дом. Возле резиденции подростков расцвел небывалый куст огромных жёлтых лилий, настолько ярких, что их цвет светился в темноте. Я забралась на высокое крылечко, поставила кастрюльку на перила и ненадолго замерла. От горячего шоколада поднимался пар. В темноте пели птицы. Рассыпающиеся подмостки были засыпаны сиренью.

А утром снова снился сон. В чёрном зале, в таких больших креслах, что не удавалось разглядеть друг друга, сидели люди, и я среди них. Мы заранее приняли всё, что произойдёт, но знали только одно — пока мы здесь, мы должны выполнять любое распоряжение человека, в руках у которого будет сухая ветка с шипами — шиповник? терновник? крыжовник? Человек объявил, кого приглашает на сцену — и это был такой длинный перечень имён, как будто выйти придётся половине зала. Он подходил к тем, кто боялся или сомневался, и прикасался к их лицам сухой, лишённой цвета веткой с шипами.

Я была рада увидеть их всех на сцене, но тут он назвал и меня, и к моему лицу — сбоку, возле глаза — прикоснулись шипы. Не ранили, просто очень отчётливо тронули и призвали исполнить эту волю. Я вышла вместе со всеми.

Чёрная сцена висела криво и высоко в луче вертикального света. Мы все столпились на ней. Отсюда был виден зал — и то, какой он страшный. Чёрный, искривлённый, с нагромождениями огромных искажённых конструкций. Зал продолжался сколько видел взгляд и даже дальше. Ни одного взгляда оттуда поймать не получалось.

— Делайте то, что должны делать, — сказал тот, кто с веткой. Толпа сбилась в кучу, шумела, боялась.

— Делайте ваше дело! — он взмахнул веткой, и откуда-то сзади я услышала чудный голос, потом ещё один. Те, кто должен петь, запели первыми. Кто-то бормотал слова, шептал или выкрикивал, танцевал по краю, молился. Человек сбоку от меня строил в пространстве сложные конструкции, и боковым зрением время от времени можно было разглядеть их ускользающие очертания. Кто-то жонглировал разноцветными огненными шарами. Кажется, они вылетали у него из груди, разглядеть было невозможно. Кто-то сел на пол и чертил в блокноте, отвернувшись от остальных. Я молча стояла и смотрела в зал — и ничего не делала. Сильней всего я чувствовала тех, кто молчит и бездействует: такие же, как я, стояли в толпе впереди и сзади меня и по бокам. Мы ощущались как лакуны, и человек с веткой пришёл к нам.

Шипы прикасались к нашим лицам, и это было требование такой силы, которому нечего возразить. Раз за разом он задавал один и тот же вопрос:

— Что ты делаешь? — и раз за разом разные голоса давали разный ответ:

— Я пытаюсь стать больше мира, чтобы обнять его.

— Я снимаю с себя маски, они катятся прочь, как маленькие яблоки. Я надеюсь выстоять здесь без них.

— Я принимаю отпечаток хаоса и становлюсь им, а потом ищу в себе искры и смотрю уже только на них.

На непереводимых языках лакуны озвучивали свои задачи и переставали ощущаться как провалы — они становились опорами.

Сухая ветка снова коснулась моего лица.

— Что ты делаешь? — спросила меня воля ветки.

— Я наблюдаю и свидетельствую, — сказала я, не в силах отвести глаз от зала, от ужасных конструкций страдания, налипших на его стены, от его бесконечной пустоты и пустой

бесконечности. — Я вижу именно то, что вижу, но свидетельствую о другом. Я свидетельствую, что есть не только это.

А дальше мы просто стояли и стояли на сцене, и каждый делал своё дело, пока сон не кончился.

Взошло солнце, пришла явь. Я шла вдоль дома и увидела высокий, гораздо выше меня, куст цветущего шиповника. Подошла понюхать особенно красивый цветок, встала на цыпочки, чтобы до него дотянуться. И тут подул ветер. И вдруг куст вздрогнул и приложил ветку к моему лицу — и я почувствовала наяву то же чёткое и глубокое прикосновение шипов в том же самом месте, где они коснулись меня во сне.

Я помню. Я делаю своё дело.

Единственный в жизни

С веранды донёсся крик. «Помятая бацилла!» — кричала, кажется, Сашка. И, кажется, мне. Я было подумала, что это обострились сестринские отношения, но нет. Обострилась моя глухота. Сашка кричала, оказывается: «Это твоя традиция!»

Дело было в том, что я решила освидетельствовать счастье, а потом подумать, как увеличить его количество. Самодиагностика всегда была мне на пользу. Странные способы стать счастливее так и замелькали в голове. И вот я составляла список коммунарских традиций, а Сашка комментировала с веранды. Мы назвали всё, что смогли. И спевки, и завтраки с рисованием, и рождественское печенье (о последний день имбирной Помпеи, как он удался мне этой зимой), и чтение вслух, и костёр закрытия сезона, и наречение енотов, и, и, и...

Крик «помятая бацилла!» должен был дать мне понять, что наш недавний досуг был целиком моей инициативой. Да. Это я заварила чаю с чабрецом и смородиной и поднесла к подножию Сашки таз с кедрово-берёзовым кипятком. Он благоухал баней. Поставив ноги в таз, мы пили чай и читали монографию. Сашка вынесла примерно пятнадцать минут таза и примерно два абзаца — что говорить, и то и другое действительно моя традиция.

Научный подход требовал классификации материала, и мы поделили традиции на общекоммунарские и конкретно-семейные, относительно нормальные и вконец упоротые, городские и дачные. Мы классифицировали их по времени года, возможности неожиданного каминг-аута, необходимости реквизита и уровню благородного безумия. Наконец, мы поделили традиции на процветающие и увядающие. Среди увядающих почётное место занимали традиция пешего похода (метание сапога через реку — отдельным пунктом!) и традиция купания в Байкале

(лучшие друзья девушек — это поясницы, а друзей так обижать нельзя — так мы и оправдываем себя год за годом).

Идея поразила нас синхронно. Традиции следовало крепить, тем более всё, что нужно, было при нас — младенец, собака, один, но очень глумливый подросток, непромокаемая торба для дайвинга. Торбу я сначала отрицала — её величие стало понятно гораздо позднее. И мы собрались прогуляться. Заодно я хотела укрепить руины своей психики фотографированием. Есть сочетания, которые действуют как гипноз. Одно из них — жёлтые лилии и сиреневые ромашки на фоне меняющего цвета Байкала, который из бирюзового становится эфемерно-синим, туманно-голубым, а затем принимает цвет коллективного бессознательного, который восемнадцать лет назад Сашка назвала дельфиньим, и я надеюсь, он останется таким навсегда.

Настало утро. Оно было мрачновато, но Сашка непреклонно паковала свою водонепроницаемую торбу. Мы с Мартой сдували двухметровый пончик — пхукетский сувенир, помогающий избежать соприкосновения поясницы с её извечным врагом — ледяным содержимым сибирских водоёмов. Мы сдували его с песней и пляской и закономерно порвали о кровать. Пончик с нами не поехал, но запасной матрас нашёлся. Хорошо, когда в жизни много подростков. Это обогащает реальность такими предметами, которые взыскательному читателю и в кошмаре не приснятся: шестью томами комикса «Метеора» (там такой забавный хомяк-игроман!), чернильными ручками, самопомешивающейся кружкой Дамблдора, фигуркой жёлтого осьминога в профессорской мантии и шапочке... и запасным надувным матрасом в виде эскимо! Вот его мы и взяли с собой.

«Глупо запихивать в рюкзак куртку и надувной матрас одновременно, — думала я, затягивая завязки. — Зато что-то одно из этого нам точно пригодится. А если я возьму ещё и нож, и туалетную бумагу, то мне вообще не будет равных. Золотую медаль в студию, мать-молодчинушка — образец предусмотрительности».

— Кстати, Марта, поищи кепку! Вдруг вжарит палящее солнце!

Марта быстро нашла кепку, у которой был только один недостаток — она была моя. Продолжив поиски, она встала перед дилеммой. Не считая моей кепки, в доме было два, и только два, головных убора. Аутентичная китайская соломенная шляпа и колпак гнома Санты.

…Не зря Сашка мыла собаку! — подумала я, когда электричка встретила нашего песца воплем «Хатико!», который, правда, сразу сменился воплем «Уберите это ваше хатико!» Путешествовать с песцово-показательной собакой всё равно что ехать куда-то в компании кинозвезды. Маленькие косенькие глазки с белыми ресницами вызывают в людях радость. Благодаря этому нам удалось рекордно забороть мировое зло. Зло бороть — есть и такая коммунарская традиция. Дело это, с одной стороны, несложное, а с другой — непредсказуемое. Надо махать поездам — это наша часть борьбы со злом. А из поезда должен кто-нибудь махнуть в ответ — это уже их часть. Состоялся разовый контакт — мировое зло разово повержено. Помахало несколько человек — у мирового зла выдался нелёгкий денёк. Так вот, в тот день мировое зло было близко к аннигиляции. Целые поезда туристов махали нам стоя. Кажется, даже аплодировали. Наша миссия была как никогда перевыполнена, вот только выполнили её не мы. Туристы махали Хьюше, и еле слышный хоровой вопль «Хатико!» доносился до нас из каждого вагона. Красивая собака побеждает мировое зло быстрей и качественней, чем четыре кукушки, — такова простая мораль этого эпизода.

С продуктовыми запасами не сложилось, но я честно отрабатывала свою золотую медаль и взяла с собой банку ананасов. Это был наш шанс инсценировать «Троих в лодке, не считая собаки»: «Мы расплющили эту банку в лепёшку; потом мы сделали её квадратной; мы придавали ей самые удивительные геометрические формы, но пробить отверстие не могли. Тогда за дело взялся Джордж, и под его ударами она приняла такие причудливые, такие мистически-жуткие очертания, что он испугался и бросил мачту. И мы, все трое, уселись на траве и уставились на банку». К сожалению, я сама и наступила на горло нашей песне, взяв с собой открывашку, но быстро реабилитировалась, когда обнаружилось, что у нас с подростком — полкупальника на двоих. Остальные полтора остались дома. Не всё то мать, что молодчинушка, то есть совсем наоборот.

Но мы купались. Точней, заплывали на матрасе в пространстве коллективного бессознательного, которое делает всё, что в него попадает, сверхрезким, странным и концентрированно настоящим. И я лазила по горкам и камням и фотографировала жёлтые лилии и сиреневые ромашки. И всё вокруг цвело, летало, жужжало, смеялось и светило. Мне снова удалось одним глазком заглянуть в рай. Холодный ветер и лилии во всю гору, до самой макушки, докуда хватает зрения. Восходящие в синь поля жёлтых лилий.

Затем пришёл миг пешего похода.

Я красиво взмахнула спальником, на котором мы все валялись под кустом... и тут выяснилось, что он очень органичен. Более органичен, чем раньше. Внешняя сторона спальника оказалась покрыта органическим веществом. Ответственность за акт организма, то есть за акт вандализма, взяла на себя мать-природа. Хотя, когда я покрывала её спальником, она прикидывалась, что всё в порядке. Споры, выкинуть или постирать, длились так долго, что даже «быть иль не быть» померкло на их фоне. Но пришёл миг пешего похода.

Мы сразу реально оценили свои возможности. Переходящий младенец Луша сидел то на одних, то на других плечах и молотил поильником, собака шла на поводке, непромокаемая торба украшала кавалькаду.

Чайки свистели у нас над головой. Гром гремел, но дождь не шёл. Я стала догадываться, в чём дело. Это была магия непромокаемой торбы! Всё равно что отправиться гулять в резиновых сапогах и с зонтами — нет, в торбу поместился не только загаженный спальник! Там была и наша гарантия хорошей погоды. Ни одна капля не может на нас упасть, пока мы идём по дороге жизни с торбой для дайвинга, Луша вращает поильником и громко взывает к лошади (две лошадушки и жеребёнок паслись на берегу), Хьюша троекратно обмотал поводок вокруг ног Сашки, Марта её выпутывает, объясняя мне на конкретном примере значение слова «комбо» — а в этот момент прямо на нас невесть откуда выворачивает и вовсю сигналит джип.

Дома я стала разгружать рюкзаки. Нет, спальник уже ничем не удивил. Но потом я достала полотенце и заметила, что оно в тесте. Ничто в нашей поездке не могло навести меня на мысль о тесте, поэтому была удивлена. Потом оказалось, что если размолоть в труху хлебцы, а потом сбрызнуть произошедшее водой Байкала, то тесто самозародится, но пока у меня не было разумных объяснений происходящему — и я была опечалена.

И вот тут снова великую роль сыграла Сашка, концептуализировав происходящее.

— Спальник — в навозе. Полотенце — в тесте, — констатировала я. — Младенец замучен, подросток глумится, страшно хочется жрать.

— Сёстры Брандспойт снова зажгли на танцполе! — выкрикнула Сашка. Я подумала, что сейчас она снова скажет «помятая бацилла», и мне придётся принять это на свой счёт. Но нет.

— Маши спальником! — донёсся до меня её голос с веранды. В нём были жёлтые лилии и сиреневые ромашки, белизна собаки, серебро небес, солнечная зелень листьев, ржавчина старых мостов, туман далёких гор... В нём была такая концентрация удолбанности и счастья, что я чуть не заплакала.

— Маши спальником! Я буду махать полотенцем! И Луша на подтанцовке: «Хочу туда! Хочу туда! Хочу туда! Хочу туда! Хочу туда! Хочу туда!» — она вообще не устаёт.

Хмурым утром следующего дня мы стояли на платформе и ждали электричку в город. Шёл дождь.

— Как мы так подгадали? Выбрали единственно возможный день, чтобы совершить небольшой, посильный пеший поход с ребёнком и собакой, — удивлялась я.

— В жизни, — решительно уточнила Сашка. — Единственный — в жизни.

— Как и всё остальное, — мысленно договорила я. — Единственный, как всё.

Оратория

Розовый букет стоит в чайнике — белом, с золотой каймой. Поле люпинов мокнет под дождём. Маки отцвели, зато на кусте пионов я насчитала тридцать семь цветов и бутонов. Чтение исторических сочинений завело нас довольно далеко: Марта отождествила Ивана Каляева с Саске из «Наруто», при словах «дядя царя» изображает facewall (when facepalm is not enough), а шутки о боевой организации эсеров, каждая из которых заканчивается словами «вы приняты, наш косорукий друг», даже не рискну пересказывать. Заодно мы поговорили о Грине (я этим летом как секретарша из анекдота, которой «всё напоминает любовь» — мне всё напоминает Грина), об этимологии английских слов и моём проекте «Ща», который для увеличения субъективного количества счастья предусматривает ряд лайфхаков — носить в сумке обезболивающее, не проходить мимо цветов, не понюхав их, скинуть на телефон те песни, любви к которым я стыжусь, и слушать их в наушниках, чтоб никто и не подумал...

Моё «Ща» — проект о субъективном счастье, причём проект субъективно старческий: он ориентируется на прошлое. Я вижу два пути — есть счастье стариков и счастье юных. Пройти уже известным путём в надежде, что однажды испытанное счастье вернётся, или ломануться в незнаемое, чтобы добыть неведомое. За грибами тоже можно ходить этими двумя способами, и я в последние годы всё больше практикую первый. Есть столько известных грибных мест, что можно весь сезон обходить их дозором и убеждать себя, что пойти в незнакомые места — это, скорей всего, сходить впустую. Таков во многом и мой проект; его сердцевина — попытки вспомнить уже испытанное счастье и испытать его повторно. Дважды войти в ту же реку, вторично разработать заброшенное месторождение, зачерпнуть сгущёнку из опустевшей банки. К счастью, жизнь щедра, причём щедрость её непредсказуема, так что, пока традиционное, давно знакомое, наизусть выученное спокойное счастье интеллигентно стучится в двери моего восприятия, другое — буйное

и внезапное — уже выносит их с ноги. Оранжевые жилеты рыбаков отражаются в бутылочной, тёмно-стеклянной воде Ангары, за обычными девятиэтажками вырастает облачная стоэтажка, в сколах штукатурки проглядывает слон, на хоботе у которого сидит птица, в четыре утра мы встречаем в аэропорту Дашку, а потом идём домой пешком...

Вот мы порождаем концепцию экстравагантных путешественников:

— Как называются люди, которые не смогли съесть свой завтрак, но зачем-то везут его с собой горячим? Долбаунды?

— Экстравагантные путешественники. У экстравагантных путешественников всё под контролем. А у долбаундов всё через задницу. Синонимия — наше всё.

Вот мы играем в «голубую корову», и Агата изображает сову на чердачной лестнице, а потом Саша приходит ей на помощь, чтобы изобразить колдунью, и коллектив сползает под стол от мастерства пантомимы, но всё равно не может угадать, что это такое: «Человек? В юбке? Жжёт костёр? Это северный полюс? Это убийство? Ты садишь картошку? Ты варишь картошку? Это стриптиз? Это какое-то абстрактное понятие? Ты дружишь со львом? Ты отравитель? Это Мерлин? ...О Мерлин!» Саша ещё не знает, что спустя десять минут он станет суперзвездой окончательно и навеки, поскольку ему придётся изобразить пантомимой слово «ё-моё» и тот, кто это видел, никогда не станет прежним.

Вот Марта научилась говорить фразу, которая в японских мультиках употребляется на каждом шагу, но иначе. Там, если человек отлично себя проявил, ему говорят нечто, что в переводе звучит «Как и ожидалось». Неудивительно, типа, что человек столь высокого уровня вновь подтвердил свой уровень. Марта же употребляет эти слова в самые прискорбные моменты. Забыли ключи, стоим под дверью — как и ожидалось. Выронили колбасу в трамвае и поняли это, когда трамвай уже уехал, — как и ожидалось. Когда она не говорит это, я читаю эти слова в её выразительных зелёных глазах. Она телепатирует их мне прямо в мозжечок одним мимическим движением. И тут

я мстительно подстерегла её, когда она жевала наушники (красные), и тоже выкрикнула «Как и ожидалось!»

— У тебя сейчас такое лицо, как будто ты предъявляешь высшим силам — страшно не повезло с родителем.

— Что ты. Это восторг. По мне временами не видно, но то, что выглядит как ненависть, — это на самом деле ликование. Главное в моём нелёгком деле — успеть объяснить, что это именно оно.

Вот Дашка угощает нас брускеттами с песто, а потом мы тайком обсуждаем, будет ли непростительным оскорблением в ее присутствии вообще употреблять слово «доширак» (несомненно, будет, и двойным — в присутствии брускетт). Мы обсуждаем наш заветный проект «Все скальники Олхинского плато», который на глазах превращается в «Кое-какие скальники Олхинского плато», а затем и в «Ну хоть какие-то скальники Олхинского плато». Вот она же приглашает нас на раннюю прогулку. Скрепя сердце просыпаемся мы в семь утра — и не жалеем об этом ни секунды. Огромная, с прозрачными жёлтыми глазами, собака Туман бегает вокруг и трясёт интеллектом. Мы сочиняем ужасающие вирши о собачьем уме и сообразительности и удостаиваемся звания коллективного Тредиаковского от самих же себя, потому что больше в лесу никого нет. По обочинам растёт рано созревшая черника, и жимолость, и земляника. Мы обустраиваем галлюцинацию с помощью мыльных пузырей, которые организованной колонной уходят по дороге вверх, собираем лисички, а потом обсуждаем внешность Дашки и противопоставляем её пониманию себя как роковой женщины формулировку «ушками трюх-трюх».

Вот мы воздаём Дашке за брускетты, сообщая, что мы всё уже спланировали и через двенадцать дней ей предстоит играть Волдеморта на коммунарской вечеринке. Без грима — искусство гримироваться в коммуне не практикуется. Дашка не остаётся в долгу. Она говорит, что наденет платье со слонами. Оно, как ей кажется, идеально соответствует роли. Мы идём свидетельствовать платье со слонами и выясняем, что это платье с невидимыми слонами. На нём горы и круглые

деревья. И ни одного слона. «А на голове у меня будет венок с ромашками, — усугубляет Дашка. — Тогда все сразу поймут, что я зло».

Апофеозом спонтанного счастья стала оратория.

Уж не знаю, что побудило меня прервать диалог с подростком выкриком «Отставить макать капитана!», но уже минуту спустя я уже танцевала со сковородой в руке и пела на мотив «Белый шиповник, дикий шиповник»:

— Старший помощник, старший помощник, старший помощник Лом!

— Младший помощник, младший помощник, младший помощник Влом! — вторила подросток. Тут она добавила самокритично: «Младший помощник Влом — это я. Собственной персоной».

— Что ты наделал, старший помощник? Выстрел раздался вдруг! Красный, прекрасный, дикий кокошник выпал из мёртвых рук, — надрывалась я, а там дошёл черёд и до «отставить макать капитана»:

— Нептуна не названа цена, но бочка лишь одна, лишь одна, лишь одна, — исполняли мы дуэтом. То был самоплагиат. Когда-то, отправляя Сашку лечить зубы, мы уже пели «Для зубов не названа цена, но почка лишь одна, лишь одна, лишь одна». Но там была почка, а тут бочка, это же совсем разные вещи — почти и не плагиат, и не само-!

Тут я поставила сковородку, чтобы перевести дыхание.

— Слушай, Марта, а как там на самом деле? Что там лишь одна?

И мы впали в ступор. Перебрали массу существительных — ни одно не вписывалось. Для любви не названа цена — но строчка лишь одна. Лишь одна, лишь одна — вторая не вспоминалась никак.

— Для любви не названа цена — запели два ждуна, два ждуна, два ждуна, — с горя запели два ждуна.

— Для ждуна не названа цена, а денег ни хрена, ни хрена, ни хрена... — естественным образом продолжили мы тему ждунов, неотделимую от темы любви.

Тут пришла Дашка и легко воспроизвела оригинал. «Как тебя звали, юноша милый? Старший помощник Лом», — подвели мы итог и выдохнули. Оратория кончилась. Счастье продолжалось.

Мы квасим квест

Имея нездоровую привычку, скучать не будешь. В моём случае это нездоровая привычка усыновлять могилы. Среди множества могил, которые никто не навещает, некоторые для меня что-то значат, и тогда их навещаю я. С точки зрения адреналина это почти как ограбление банка. А вдруг на кладбище возникнут родственники из Акапулько, которые впервые за сорок лет решили навестить это место — а тут я? Что я им скажу? Пока вас не было, я вступила в личные отношения с покойным? Особенные сложности возникают, когда памятник приходит в негодность. Я долго мучилась неуместностью жеста, но когда табличка с именем сгнила и отвалилась, пришлось действовать. И вот настал день, когда мы с подростком поехали красить крест и менять табличку. Когда родственники из Акапулько объявятся, они по крайней мере смогут найти это место — так оправдывала я своё самоуправство.

Период подготовки сам по себе уже принёс глубокое просветление. В таком возрасте пора иметь собственный набор отвёрток! — сказала жизнь, сурово глядя мне в глаза. И я обзавелась собственными отвёртками (оказывается, отвёртки — лучший способ обрести уверенность в себе). Мы вооружились быстросохнущей краской в баллончиках и выглядели как Бэнкси и Бэнкси... в смысле, совершенно неприметно.

На вокзале клубились испанцы и китайцы. Только увидев их рядом, я поняла, каким необратимым изменениям подверглось моё эстетическое чувство: я любовалась только китайцами. Они люди дивной красоты. Испанцы очень хороши, но сердце отдано китайцам. Стояла несовместимая с жизнью жара, путь был долгим, зато загородным.

Ливень грянул ещё по дороге. Маршрутка, как Моби Дик, всем телом врезалась в стену воды, а я смотрела на жизнь довольно мрачно. Под дождём крест не покрасишь. Но куда мы денемся из Моби Дика?

В посёлке дождя ещё не было. Над кладбищем клубилась такая туча, что, уже сравнив маршрутку с китом, я вынуждена вытащить из запасников образ Ктулху. Здоровенное Ктулху всех оттенков чёрного спускалось с гор и ложилось на тот пятачок земли, который должен был стать точкой приложения наших сил, а теперь на глазах становился полем нашего фиаско. Громыхнуло.

— Побежали! — крикнула я. — Она всего десять минут сохнет, может, ещё успеем!

И мы понеслись по кладбищу.

Первые капли застали меня в прыжке.

— Всё, сейчас грянет! Прячься в кусты! — и я, подавая пример, на всём ходу влетела в черёмуху.

Сразу выяснилось, что кладбище было куда более гостеприимным, чем я думала. Я бы сказала, оно было преждевременно гостеприимным — под черёмухой таилась свежевырытая яма. Туда я и поместилась с размаху. Первые капли сменились затишьем — дождь хлестнул и прекратился. Видимо, когда я влетела в яму, природа-мать немного охренела.

— Побежали! — снова заорала я, откапываясь. — Может, ещё успеем!

И мы понеслись по кладбищу, на ходу доставая баллончик с краской, отвёртку и табличку.

Громыхнуло. На кладбище стало ещё темней, и тут сами собой зажглись фонари. Света от них не было, но они то зажигались, то гасли. Окружающая среда нагнетала.

— Кстати, у меня аутфит вандала, — сказала подросток, ловко работая баллончиком.

«У неё что?..» — пронеслось у меня в голове. «Прикид. Прикид вандала», — вовремя подсказал встроенный поколенческий словарь, и я свежим взглядом окинула происходящее. Подросток, вся в чёрном, в толстовке с капюшоном, суетилась вокруг креста с баллончиком. На пустом кладбище. В темноте. Что ж. Мы снова состоялись.

Ветер подхватил струю краски и перенаправил её на подростка. На красно-фиолетовой головушке появилась седая прядь. Громыхнуло — и, наконец, хлынуло. Ктулху пробудился.

Некоторые идеи мне почти недоступны. К примеру, много лет я не могла понять, что такое смирение. И до сих пор не могу. Но кладбище под дождём — это и есть смирение. Такое очевидное, что можно не понимать, а просто присутствовать. Черёмуха шумит, молчат деревянные кресты и ушедшие в землю надгробия прошлого и позапрошлого века. И всё оно здесь и не здесь, не смотрит прямо, но как бы чуть подглядывает через прикрытые веки, так много знает, ничего не имеет против чего бы то ни было. Смирение — абсолютное согласие, данное абсолютно добровольно.

— Все люди как люди, — констатирующим тоном сказала Марта. По её лицу стекала вода, от толстовки поднимался пар. — А мы красим крест.

В это время у меня в зубах была отвёртка, поэтому мне удалось выйти на новый уровень саморефлексии.

— А мы квасим квест, — промычала я сквозь отвёртку.

Квест и дождь кончились одновременно. Мы вышли с кладбища незамеченными, мокрыми до нитки и пошли сушиться и есть слойки с брусникой. Условно покрашенный крест, увитый розовыми розами, провожал нас новой табличкой и обещанием продержаться.

— Ну вот, квест поквашен, — констатировала подросток. — Теперь в моей обуви отражается небо. Если посмотреть под нужным углом.

— «Наши мёртвые нас не оставят в беде, наши павшие как на часах часовые. Но отражается небо во мне и в тебе, и во имя имён пусть живых не оставят живые», — вспомнила и мгновенно среагировала я. Сложно было не среагировать.

Под кровом тёти Дуси

Не каждый день… не каждый месяц… не каждый год подросток покидает родные пенаты! Как только я станцевала на столе танец человека, который временно никому ничего не должен, я ощутила нечто странное, что поначалу ошибочно интерпретировала как зов Восточных Саян. Уже потом, когда я с изменившимся лицом покидала пик задолго до вершины, выяснилось — это был не он. Но разбираться в момент зачина, как обычно, было некогда. Я побросала в рюкзак что попало и немедленно выехала в буй. Выехать в буй вообще кажется мне наиболее естественным ответом на любой вызов — тем более на зов — тем более на зов буя.

Я пожизненный участник арт-проекта для особо одарённых путешественников «Забудь две вещи». Конечно, есть бесхитростные, беспроигрышные варианты — забыть документы и деньги, оставить дома билеты и фотоаппарат. Но это олдскул и общее место. Хочется соединить традиции и индивидуальность. Можно забыть нож и туалетную бумагу — это достойно, но банально. Я искала более тонкое, интеллигентное и смелое решение, поэтому забыла расчёску и карту памяти. Тяжёлый фотоаппарат я, естественно, взяла. Какой дзен — оказаться среди бесконечной красоты обременённой здоровенным фотоаппаратом, но быть не в состоянии сделать ни одного снимка!

Природа оценила оригинальность моего решения. «Не сможешь фотографировать горы? Расслабься, ты их даже не увидишь!» — сказала она и немедленно наслала катаклизм с элементом всемирного потопа. Ветер выл, гром грохотал, синим пламенем пылали стаи туч над бездной буя. За три минуты ходьбы по посёлку я промокла до основанья. Ветер норовил влепить меня лицом в забор. С таким ветром я встречалась лишь однажды — когда летала в городе Братске. Это была чудесная командировка — достаточно сказать, что выехать в неё пришлось первого января, потом я оказалась на девятом этаже совершенно пустого общежития, где сидела на широком подоконнике, а внизу выли собаки. Братск был гостеприимен. Ранним утром я зашла в длинную узкую арку, и туда

же дунул штормовой ветер, прямо в спину. Он приподнял меня над землёй, и пару шагов я проскользила над асфальтом, как во сне… Тут же ветер бил в бок и явно добивался, чтоб я встретилась с забором. На улицах посёлка не было никого, и только граффити «Телепузик!» и выцветший рекламный плакат «Наслаждайся!», складываясь в связный текст, служили эпиграфом к происходящему. Тут я зашла в магазинчик, чтобы хотя бы обтечь, и продавщица немедленно налила мне горячего чаю — будь благословенна Бурятия!

Целую жизнь спустя я сидела под кровом тёти Дуси, мастерицы устного слова, и отправляла Дашке смску. Под впечатлением от дождя волосы превратились в Пизанскую башню. Неконтролируемо вьющуюся под экстравагантным углом, неуправляемую, неумолимо кренящуюся башню на всю голову. Забытая расчёска обещала аукнуться. Стемнело. Дождь стихал. С улицы неслись убаюкивающие звуки драки.

Чего только со мной не было потом: будучи загнана в угол, выслушала исповедь о педагогическом крахе; видела организованную группу из семерых собак, по очереди проходивших турникет с удивительной разумностью и взаимоуважением; ела лесную землянику; считала бурундуков, гигантских хищных как бы орлов и белку — чёрную, с белым брюхом; получила комплимент «ты красивые́», — с ударением на «е»; видела грустный сон (в прекрасном городе, куда я приплыла по ледяной реке с помойки, столкнув в талую воду старый дом — так и поплыла, ухватившись ему за стену — в этом городе было так хорошо, что я потеряла деньги и документы, всю ночь ходила по улицам в поисках, и сострадательные тараканы, почуяв моё горе, вышли из подворотен и шли за мной на почтительном расстоянии, выражая соболезнования тихим ласковым шёпотом... вот это болезненное сочетание помойки в анамнезе, удивительной красоты города и утраченного права на жизнь я и так тяжело переживала, но сострадание милосердных тараканов было совсем уже невыносимо) как ёжик в дожде и тумане шла по реке неведомо куда неведомо откуда и не собиралась возвращаться; впридачу к «Телепузик! Наслаждайся!» встретила граффити «ВЕЗДЕ» и объявление «Кто нашёл зубной протез?»; пила успокоительный чай в странном месте,

сравнимом только с общепитом в монгольском посёлке Их Ул (непереводимо, невоспроизводимо, ностальгически); видела младенца по имени Дорушка; наблюдала, как после слияния бегут в одних берегах два разных потока — один бурый и сумасшедший, другой спокойный, прозрачный до дна... Но точку кульминации передвинуть так и не смогла. Она осталась там, где ветер колотит со всех сторон, а я в темноте и парадоксальной радости набиваю Дашке смску: «Сижу в трусах под кровом тёти Дуси».

Потому что нельзя

Страданьями душа совершенствуется! — вещала я, вращая ручку старинной мясорубки. — Красота спасёт мир! — вращала я, вещая. Из мясорубки сползал плохо порубленный подорожник. Я творила жмых.

Когда подросток уехала в Японию, пару дней мне было одиноко. От избытка досуга я стала нервной, но тут тяга к красоте, соединившись с отсутствием денег, преобразила мою жизнь в корне. В неё вошёл жмых.

Видимо, многолетняя любовь к одному профессору зельеварения наконец распространилась на его предмет. Жмых стал моим секретным ингредиентом. Я молола, месила, отжимала, перемешивала, замораживала и разбавляла, а потом накладывала полученный состав на лицо и другие части тела. Части реагировали положительно, хотя сейчас я догадываюсь, что, возможно, меня делал красивой избыточный досуг. Но мне, конечно, верилось, что всё дело в нём — моей отраде, моей совершенно бесплатной, идеально натуральной, нереально зелёной прелести.

— Ты само совершенство, ты само совершенство! — мычала я, раскручивая недееспособную мясорубку. Это была песня нежности. Жмых её заслужил.

Идиллию завершила феерия и сопутствующая ей эйфория. Первый подросток приехал из Японии, второй — из города, Дашка прилетела из Питера, Сашка нагрянула из Иркутска. Единение было бурным.

— Хорошего должно быть много, кукушки, — сразу пообещала я, — и это будет жмых. Красота, девочки, спасёт мир. И это будет наша красота. Сейчас вы ляжете на диван, как лист перед травой, и я наложу на ваши усталые лица вот эту субстанцию. Не благодарите.

Благодарить никто не стал. Подростки так быстро покинули помещение, что я сначала даже не поняла, что произошло. Вот я щедро дарую жмых — а вот они уже исчезли. Наверное, досадная случайность, — решила я. То есть решила бы, если бы не выражение «только не бросай меня в терновый жмых», буквально за пару дней вошедшее в пословицу, в поговорку, в анналы и, наконец, в привычку у всех окружающих меня людей.

Что ж. Надо было признать реальность. Целевая аудитория не была готова к своему счастью. Жмых явно нуждался в пиаре.

— Что нас не убивает, то нас делает сильней! Всё, что нас не убивает, то нас делает сильней! — пела я, вращая ручку мясорубки и готовясь проповедовать жмых.

— Спробуй заячий помёт? — глумливо переспрашивали подростки. — Он ядрёный? Он проймёт?

— Давно ли цвёл зелёный жмых, ых, шелестел листвой? — намекала я на свежесть продукта с небольшой помощью Бёрнса. — Любовь моя, жмых зелёный! Зелёного жмыха всплески! — взывала я к чувствам целевой аудитории с небольшой помощью Лорки.

— Весь покрытый зеленью, абсолютно весь, остров невезения в океане есть... — напевали подростки, скрываясь за горизонтом. Они хотели красоты, но отвергали единственно доступный путь к ней. Барьер был непреодолим.

Тут я увидела молодую мать. Младенец висел на ней со всех сторон сразу, утрамбовывая любимый фрагмент реальности с типичным младенческим энтузиазмом.

— Вот молодая мать! — стратегически подумала я. — Она ослабела. Сейчас она оценит жмых.

— Сашка... — сказала я вкрадчиво. — Я смотрю, ты молодая мать…

— Да! Молодая! — с вызовом ответила Сашка, затем, немного подумав, добавила: «Мать...», а потом, помолчав, подытожила: «Перемать».

— Мне отчего-то кажется, что ты не отказалась бы сходить в салон красоты, — ещё более вкрадчиво сказала я и занесла над ней жмых. Она вздрогнула и попыталась отвести мою руку, но брешь в обороне уже была пробита.

— Добро пожаловать в наш салон! — бодро затараторила я. — Обслуживание высочайшего уровня, косметика класса люкс, полный релакс. Вы зарыдаете от нашей клиентоориентированности, а ваш младенец уползёт во двор и сядет там в таз под присмотром двух квалифицированных нянь (от вас, подростки, не убудет).

Когда Сашка услышала, что младенцу обеспечат таз, она на миг расслабилась, но тут же насторожилась обратно:

— А как называется ваш салон красоты? Раньше о нём не слышала.

Вот тут в моей памяти, обычно безупречно точной в деталях, зияет пробел. Я ничем не могу объяснить тот факт, что приветливо ответила ей:

— Вы не могли о нас не слышать. Салон красоты «Гоблинская задница»: у нас работают профессионалы!

И Сашка сдалась. Поняла своё счастье. А может, дополнительно ослабела.

Я возложила на поверхность Сашки косметику класса жмых. Всё предшествующее было лишь затянувшимся предисловием к этой минуте.

Пятнадцать минут спустя передо мной был совершенно другой человек. Широкими расслабленными движениями хорошо отдохнувшей красивой женщины она пыталась отодрать с лица, сияющего блаженной улыбкой, намертво приставший жмых. «Потому что нельзя... Потому что нельзя... Потому что нельзя быть на свете красивой такой!» — констатировала я на заднем плане, покачиваясь из стороны в сторону.

— Ты будешь мстить? — спросила я Сашку, когда жмых был оттёрт. Я не боялась правды, я хотела использовать её в своих интересах, совместив крестовый поход отмщения за жмых с пропагандой жмыха. — Ты жаждешь мести?

Она жаждала. Но тут я упомянула о сестринской солидарности и о Сашкиной красоте, которая всегда была ей присуща, но небывало процвела под влиянием жмыха. Слово за слово, и мы решили, что будем мстить за жмых вместе, причём а) жмыхом и б) подросткам.
— Добро пожаловать в «Гоблинскую задницу»! — хором сказали мы, занося жмых над Агатой. — Это полный релакс!

Агата жаловалась, что жмых затекает в уши, а потом пошла его смывать и неожиданно для себя стала бить челом, но не нам с Сашкой, а об умывальник. «Бдыщ...» — тонкий, но гулкий звон ещё долго висел в воздухе, как будто два умывальника столкнулись на скорости и только тонкий слой жмыха разделял их в момент столкновения. Мы недолго задавались вопросом, почему Агата покарала себя об умывальник. «Потому что нельзя... Потому что нельзя... Потому что нельзя быть на свете красивой такой».

— Агата, ты жаждешь мести? — спросили мы, когда звон стих. Она жаждала.

— Отведай силушки богатырской! — мы втроём окружили Марту и занесли над ней жмых. — Ой, нет, что-то не то... Отведай сбитня? Не, сбитень в Пскове, а у нас тут жмых процветает. Марта приняла релакс с достоинством и лица не потеряла, точнее, мы не заметили, потеряла или нет, потому что на нём был жмых. Персонал «Гоблинской задницы» очень старался — мстил, как-никак.

А вот что было неожиданно, так это то, что Марта, как только смыла жмых, сколотила партию мстителей. Закатное солнце осветило драму: Марта, Сашка и Агата загнали меня в угол и занесли надо мной тройную порцию жмыха.

— От красоты не уйдёшь! Добро пожаловать в «Гоблинскую задницу»!

Зря я ввела в салоне практику музыкального сопровождения. Мстители сообщили, что у них практически нет общего репертуара, но похоронный марш они мне напоют, справятся, ведь главное — чтобы от души... Жмых затекал в уши, но подростки не сдавались и обещали мне полный релакс.

Пятнадцать минут спустя я смотрела в зеркало на осыпающуюся красоту. Прощальный жмых падал к моим ногам, и в его еле слышном шелесте звучала мелодия: «Потому что нельзя... Потому что нельзя... Потому что нельзя быть на свете годзиллой такой!»

— Кстати, Катька! Ты мне столько писала про жмых, — через несколько дней услышала я от Дашки. — И что? И где?

Она и не подозревала, что я рассказала ей далеко не всё, что в холодильнике притаилась небольшая, чудом сохранившаяся порция жмыха и что в салоне красоты «Гоблинская задница» по-прежнему работали профессионалы.

Звуки мира. Устный рассказ Сашки

Это рядовая ситуация, и если бы не ты, не о чем было бы рассказывать. Благодаря твоему такому вот отношению к жизни. Только благодаря ему.

Агаша не могла заснуть, ей было страшно ночевать вдали от города, мы говорили про безопасность. И ты сказала, что когда вы с Мартой жили тут вдвоём, тебя постоянно клинило по ночам — всё время чудилось, что по крыше ходят грабители и убийцы, они ломают двери, пытаются залезть в окна, и ты бдила с топором наперевес ночами, но через несколько ночей ты испугалась безумия, стала анализировать свои внутренние импульсы и поняла, что страхи не снаружи, а внутри. И ты нашла способ бороться со страхами. В тот момент, когда ты теряла ориентиры, ты просто говорила себе: «Это звуки мира. Успокойся, Катя, это звуки мира».

Как раз на этой фразе я услышала, что под окнами кто-то ходит. Потом мне показалось, что кто-то светит нам в окна. Кто-то начал долбиться в дверь на веранде. За ручку дёргал. Я осторожно посмотрела на тебя, но ты была безмятежна. Закончила своё повествование фразой: «И если тебе, Сашка, будет казаться, что кто-то ломает дверь, скажи себе “Это звуки мира”, и заснёшь спокойно». И отвернулась к стенке.

Я опасалась, что если я прямо спрошу — не кажется ли тебе, что кто-то ломает нашу дверь, то ты закричишь и разбудишь Агату, которой я полтора часа втирала, что всё под контролем и мы в безопасности, сюда никто не ворвётся. Поэтому я просто лежала и свои опасения оставила при себе. Но всё-таки я надеялась, что ты будешь бдительна и тихонечко сходишь и посмотришь, потому что происходящее меня уже начинало волновать. Но в тот момент, когда я увидела, что луч света шарит на кухне по стенам и у меня уже не было никаких сомнений, что какие-то люди пытаются штурмовать наш дом, ты сказала — спокойной ночи, Сашка!

Я аккуратненько встала, подошла к окну и посмотрела в щёлку. Там плясал фонарик, кто-то ходил вокруг дома. И я поняла, что это не глюки, это реальные люди. В следующий момент кто-то снова начал дёргать нашу дверь, и я никак не могла понять, как это можно списать на звуки мира.

Нет, при всём моём волнении я всё-таки отдавала себе отчёт, что твоя психотехника оказалась очень действенной. Но это уже потом. А сначала я увидела, что фонарик удаляется, мелькая по кедрам. Поняла, что грабители уходят. Поняла, что я заснуть не смогу. Всё же что-то тревожное было в этой ситуации. И ты совсем не подлила масла в огонь, когда спросила, почему я всё ещё не сплю.

Через какое-то время, когда я вообще отчаялась заснуть, кто-то опять начал дёргать дверь, ходить вокруг дома, что-то бормотать и светить фонариком уже в нашу комнату, хотя у нас горела свеча. Ты спросила, почему я такая беспокойная, что меня тревожит. Я сказала, что кто-то ломает нам дверь на веранде. Пыталась говорить как можно более безмятежным тоном, но я чувствовала, что всё-таки голос мой несколько выдаёт беспокойство. На это ты сказала: «Да, я узнаю себя неделю назад. Спи спокойно, Сашка, это звуки мира».

Я не настолько просветлена, чтобы под мерные удары в дверь засыпать, успокаивая себя тем, что это звуки мира. Но я сказала себе, что под моей охраной сейчас находятся моя дочь, племянница и просветлённая сестра и надо сохранять спокойствие. И вдруг что-то снизошло на тебя. И ты со своими прежними адекватными интонациями спросила: «Где мой колун?» - и в тот же миг стартанула за топором.

Я пыталась говорить очень ровным голосом, чтобы не волновать тебя: состояние звуков мира было более позитивным, а если ты вот в этом состоянии, то я уже ничего не контролирую. И я очень спокойным голосом сказала — твой колун под умывальником. И поняла, что теперь у тебя под защитой твоя дочь, твоя племянница и я.

Ну а потом я уже слабо помню. Ты сидела на кровати, обнимая колун. Ты сидела реально на кровати с орудием и говорила: «Нет, Сашка, это не звуки мира. Это грабители и убийцы». И в тот же миг раздался стук в окно.

В этот момент я уже поняла, что всё хорошо, потому что наконец-то это безумие закончится. Я открыла окно, а ты шипела мне в спину «Сашка, пригнись, я буду бить, как только они полезут».

…Он стоял под окном — наш сторож. С фонариком. Оказалось, его тоже волновали грабители. Он думал, что это они спят на наших кроватях и жгут наши свечи в два часа ночи. А он в два часа ночи бдительно охранял от них наше имущество, хотя и был очень пьян.

Я сказала, что мы — это точно мы, и он ушёл. Его фонарик ещё какое-то время мелькал в кедрах.

Я легла и попыталась думать о звуках мира. К сожалению, сон не шёл. Ты по-прежнему сидела на кровати с колуном. Ночь только начиналась.

Лотосовое озеро

Коммунарская радость — радость особенная. Это радость достижения цели — достижения, затруднённого тем, что не созданы мы для лёгких путей, — смешанная с радостью как раз от того, что мы для них, для путей этих, не созданы.

Так вот, было лето. Светило солнце. У меня была мечта.

Я хотела заехать в туманную даль, плыть по ней на надувном матрасе и фотографировать кувшинки. Нет ничего странного, не так ли, в желании уникального экспириенса? И тем более ничего странного нет в желании охватить экспириенсом как можно большее количество других людей. Поэтому я пригласила с собой подростков. Бывают беспроигрышные сочетания. Подростки, квест, фотоаппарат — одно из них. Подростки глумливы, квест концептуален, фотоаппарат хренов — чего же боле?

Мы вздребезнулись, сопритюкнулись и поехали на Байкал вчетвером. Байкал был нашей побочной целью, а Лотосовое озеро, находящееся от него буквально через рельсы, было целью основной.

Сначала хотелось более простых радостей, поэтому мы съели всю еду, поиграли в испорченный телефон (вы даже не представляете, насколько испорченным он может оказаться!), закопали в песок Агату и предались моржеванию в ледяной байкальской воде. Когда я говорю предались, то имею в виду, что мы с поясницей скорее воздержались, чем предались, а вот подростки скорей не воздержались и были вознаграждены рекордной синевой лица, вполне сравнимой с синевой Байкала. На самом деле я тянула время. Я побаивалась так вот сразу кидаться к кувшинкам. Меня терзала мысль о матрасе, на котором я должна была заплыть.

Матрас к тому моменту претерпел. Он участвовал в боях подростков с головным мозгом, в постоянных геройских битвах с адекватностью, и он был уже не тот, он сильно изменился за лето. Он был покрыт заплатами. Все виды изоленты и скотча украшали его, но проблему это не решало. Матрас сдувался. Подростки тестировали его в Байкале. Они выходили на берег каждые пять минут и просили меня приобщиться к додуванию матраса в две дырки. Сначала они делали это с хитрыми лицами. Потом — в рабочем порядке. Надувание матраса превратилось бы в рутину, если б не подтекст. Как, как я восстановлю его упругость посередине озера, заплыв туда с фотоаппаратом?

Три раза начинался дождь. Он был символический, то есть нам хотелось так думать. Надо было помешать дождю квестом, пока судьба не помешала квесту дождём. По дороге на озеро он попробовал начаться в четвёртый раз. Мы ускорились. Кувшинки ждали. Тучи сгущались. Мы вышли на берег. В центре озера нас ждал огромный плавучий остров белых цветов. Он не очень хотел цвести под очередным дождём, но некоторые кувшинки из последних сил как-то позиционировали себя.

Подростки вглядывались в бездну, пока она не начала вглядываться в них.

— Катя, а почему мы шли на озеро, а пришли на болото? — подытожила знакомство с бездной Жирафон Сашенька. Я не нашлась, что и ответить.

— И ты уверена, что это лотосы? — уточнила Агата.

— Какие лотосы, Гапон? Это кувшинки!

— Ну, не знаю, не знаю. Заманивала-то на лотосы!

Я крякнула, обвинила подростков в злокозненности и стала надувать матрас. Отступать всё равно было некуда.

Затем я поместила фотоаппарат в бандану, а себя на матрас. Фотоаппарат выпал. Я затянула бандану узлом. Фотоаппарат выпал — на этот раз с банданой вместе. Я ещё раз учредила на макушке сложносочинённую конструкцию и постаралась не дышать. Подростки подтолкнули меня.

Агата с криком «о, мой любимый ракурс!» кинулась снимать отплытие. Я спиной чувствовала её энтузиазм.

Матрас посвистывал, сдуваясь на скорость. Перед моим носом блестела стеклянно-синяя гладь Лотосового озера, фактически болота. Вблизи она выглядела небезупречно. Кувшинки, как оказалось, были не такими белыми, вода не настолько чиста, а листья не так свежи и идеальны, как это выглядело с берега. Фотоаппарат выпал из банданы, я поймала его на лету и стала щёлкать что придётся в надежде выгрести оттуда прежде, чем матрас перестанет быть мне поддержкой. К сожалению, мечта матраса сбылась быстрее, чем моя. Свидетелей не было, только подростки допивали молоко на берегу. А я так хотела грести одной рукой, другой спасая фотоаппарат под аплодисменты тысяч благодарных зрителей.

Выбравшись на берег, я столкнулась с тем, что каждый хочет быть художником-акционистом. Мои лавры не давали подросткам покоя. Мы надули матрас, потом надули его снова и надули его ещё раз. Сашенька заплыла вдаль, а потом отказывалась выплыть из-за страха зелёной жижи. Она выкрикивала свои опасения с середины озера, пока матрас сдувался, и почти успела развить концепцию злого инопланетного разума, который замаскировался под водоросль. Предположения Сашеньки о возможностях чужих были ужасающими, и мы были под впечатлением — но матрас неумолимо сдувался, и Сашенька была вынуждена пойти на близкий контакт с коварной негуманоидной субстанцией.

Агаша заплыла вдаль, и ей понравилось. Она рассматривала кувшинки и выкрикивала свои восторги с середины озера, пока матрас сдувался, и почти успела пересчитать все кувшинки, и все лепестки всех кувшинок, и всех насекомых, сидящих на всех лепестках всех кувшинок... Но матрас неумолимо сдувался, и Агата была вынуждена вернуться к обыденной жизни, но выторговала право второго заплыва после Марты.

Марта заплыла вдаль, но матрас неумолимо сдувался, и лучше не заплывать туда, откуда не успеешь выплыть.

Агата схватилась за остатки матраса и право второго заплыва — и тут грянул дождь. На этот раз не пробный — настоящий. Мы разделили последнее печенье, надели рюкзаки и попилили на электричку. Матрас сдувать не пришлось — он избавил нас от этого труда, теперь уже навсегда.

Материализация воспоминаний

— Материализация воспоминаний, — проговорил Калиостро, — одна из труднейших и опаснейших задач нашей науки... Во время материализации часто обнаруживаются роковые недочёты той идеи, которая материализуется, а иногда и совершенная её непригодность к жизни.

Алексей Толстой «Граф Калиостро»

Июль катился под горку, когда я вооружилась четырьмя коробками скрепок, двадцатью метрами весёленькой жёлтой верёвки хозяйственной (должно же хоть что-то в моей жизни быть хозяйственным, мыло и верёвка — отличный выбор), распечатала триста семьдесят две фотографии и рекрутировала — кого бы вы думали? Трёх подростков, которые то и дело подворачиваются под руку, не ведающую, что творят остальные части тела.

Фотографии я выбирала, с одной стороны, малоинтеллектуальной левой пяткой, не обращая внимания на художественность, а с другой стороны — пыталась вспомнить и материализовать жизнь коммуны за последние эн лет. Была там великолепная Настя, обнимающая чай «Хана», который мы привезли ей с Самуи ради удовольствия сообщить: — Настя, а тебе — «Хана»! Были трое тогда ещё не подростков в одинаковых сарафанчиках, чуть не сыплющихся, как урожаи, с гамака. Были Дашка и Кирилл с чаучауподобной собакой, была Зойка на пиратской вечеринке, Агаша, глядящая на мир сквозь чайное ситечко, Жирафон Сашенька, уникально поскакивающая на дороге в Слюдянку, Илюша, лезущий ввысь, а также с выси свисающий, младшие подростки,

гуляющие по трамвайным рельсам, Ариша в компании Громозеки (по легенде, обнять Громозеку — к устройству личной жизни) и в баскетбольной корзине, Марта в тумане над Байкалом, Младенец Всеволод меньше месяца отроду, Красная Шапочка со знакомым фейсом, яблочком в зубах и серьёзной дубиной наперевес, и рыжая сида из зелёных холмов, и Сашки, которые вот-вот начнут целоваться. И даже я сама в роли огромной совы — хранителя библиотеки Ван Ши Тонга. Традиционное кормление белок на Иркуте, съёмки фильма про зоков на озере в Подкаменной, олени в японском городе Нара, бег и хоровод пятерых детей напротив кафе, которое только в памяти и хранится, хмурое утро в нетопленом доме в Большом Голоустном, пленэры с разным составом участников, вечеринки во всех возможных локациях, прыжки четырёх детей по тёплым камням Олхинки, ночёвки там и сям, синяки и травмы, санки и тьюбы, праздник фонариков на четверых в непроглядной ноябрьской тьме, эпохальный сентябрьский поход, экстренное тушение примуса, купание в бочке, китайские фонарики с желаниями, животное Поньо, добрый монстр Варфоломей, мыльные пузыри в Вальдорфском саду, тектоник на теннисном столе, мятное мороженое в Одессе, деревянные слоны Ново-Ленино, зелёная лодка и серая лошадь...

Всё это было. Этого могло не быть. Выборы, которые мы совершили, работа, которую проделали, и любовь, на которую оказались способны, — всё это вразброс, хаотично легло на круглый стол и заполнило его целиком. Их можно было потрогать и перебрать. А вечером их предстояло снять и взять — каждому, кто что хочет.

Двадцати метров оказалось мало, а скрепок и подростков — достаточно. Честно говоря, больше всего я боялась именно их… нет-нет, не скрепок. Мне казалось, что они скажут: ага, вот тут я неудачно получилась, давайте скорей сожжём всё в печке и больше не будем споминать об этом кошмаре. Но подростки ликовали. Жирафон Сашенька вскрикивала: «А вот мои первые туфельки! А вот моя кукла! О боже, у меня были щёки!», а потом сказала: «Я всё помню. Вообще всё».

Марта любовалась всеми фотографиями животных, особенно лысых, и присматривала, что именно заберёт себе завтра вечером. В итоге ей достались все фотографии с кошками.

Агата повела себя парадоксально. Она схватилась за фотоаппарат и стала перефотографировать фото, а потом показывать всем свои снимки, радуясь красоте и качеству. Именно она была со мной до конца, когда Марта с Сашенькой, украсив дверь, холодильник и косяк, тихо отползли. Агата продержалась до последней фотографии и только потом мы с ней синхронно рухнули средь красоты реализованного замысла.

Подростки посмотрели всё. Они тасовали фотографии, раздавали колоду, группировали их по разным признакам — и вспоминали, вспоминали! На квадратных метрах нашей веранды было так, как будто запустили три фейерверка одновременно. Это оправдало и мои замашки папарацци, и бессмысленное архивирование всего, и дало мне куда больше, чем я когда-либо вкладывала.

Моей мечтой было увидеть первое выражение каждого коммунарского лица, увидеть первый взгляд каждого, как они заходят — и вдруг, а тут! Но это удалось только с Дашкой, которая зашла накануне ночью, когда провожала нас до дома из гостей. А дальше пошла такая кутерьма, такая катавасия, что лиц я не видела. Слышала только реплики: «Сразу чувствуется, молодость прошла», «Я не такая!», «Там, где я вниз головой, у меня под действием силы тяжести щёки приняли несвойственное им положение», «Я здесь точно всех знаю? Кто эта женщина?» (на относительно удачных фотографиях мне часто удаётся остаться неузнанной), «О боже, это прекрасно, но зачем здесь я?», «Такое впечатление, что на этом фото мы сидим в коридоре стоматологической клиники» — в общем, всё вошло в привычное русло коммунарской вечеринки.

Вечером мы разбирали фотографии. Всем досталось по стопке. Удивительно, но Дашкина стопка была очень Дашкина, Сашкина — очень Сашкина, Мартина — очень Мартина... Коммуна отразилась в проекте, как в капле воды, и все смогли забрать свои любимые отражения.

Бурятия

Это был сомнамбулический трип. Мы всё время засыпали в самый неподходящий момент, передвигались, так и не проснувшись, и не всегда могли понять, что снится, а что нет.

Зелёные луга Бурятии выглядели как зелёные поля Ирландии, буддийские монахи ездили на великах, в центре города женщина переводила по «зебре» маленькую лошадь повышенной лохматости, которая вела себя как собака, в дюнах росли сосны, а среди песка — белые маки, птицы отбрасывали огромные тени на стены монастыря, на бирюзовую крышу, и одно монастырское окно светилось и светилось, при любой погоде отражая солнце, пока все остальные окна отражали небо.

На углу кирпичного дома была приклеена полоса бумаги — синяя, со звёздами, и она так сливалась с синей темнотой, что казалась небесной лакуной в кирпиче.

Мы чуть не уехали в село Хохотуй и порадовались существованию реки Пьяная, а ещё продуктового киоска «Вкусный попутчик» и магазина «Кабан компьютерс».

Мы видели крест, поставленный в память протопопа Аввакума, и самого страшного в мире мозаичного чебурашку, и самую сказочную библиотечную дверь. Узнали, что помимо официальных остановок существует ещё одна — «останови, голубчик, у моего синего палисада». Встретились с удивительной концепцией общепита: аккуратно заглядываешь в дверь кафе под названием «Кафе», а там — баба Маша.

— Чего пришли? — спрашивает она. — Мы с утра готовили, но всё уже съели. Ничего у нас нет. Идите отсюда.

Суслики скакали, жеребята паслись, чайки, похожие на пингвинов, смотрели не мигая, ветер срывал голову с плеч, дороги были бесконечны и пусты. Птицы, пересекавшие закатную солнечную дорожку на воде, на секунду становились невидимыми, а потом опять появлялись, и в небе были

проёмы, сквозь которые можно было увидеть (хотя нельзя расшифровать), что делается за ним. И нигде мне так не хотелось уснуть, как здесь, в песках и маках, между водой и водой, среди шума и молчания, видеть сны, становиться невидимой, и пусть только холодный ветер обрисовывает мой контур.

Я никак не могла проснуться до конца, но и в сон уйти не получалось: всё время оказывалось, что это происходит на самом деле. Ни когда в магазине обнаружился пакет с продуктом, который назывался «камю-камю» (Альбер шуршал), ни когда мы смотрели на небо сквозь пустые окна пустой школы, ни когда жук-усач просил нашей дружбы, отказывался расставаться, читал стихи (ой, это, кажется, всё же был сон), ни когда старушка положила печенье в форме сердца в ладонь статуе кукушки, ни когда я увидела в художественной галерее в Иволгинском дацане картину человека, которого учила много лет назад...

А потом мы вселились в гостиницу и наше кунг-фу оказалось настолько совершенным, что мы сломали там крышку унитаза. Силой мысли. Вот она, мудрость веков: крышка унитаза, сломанная в нужном месте в нужное время, гораздо быстрее приведёт вас к долгожданному финансовому краху, чем подросток, постоянно покупающий мангу и комиксы. Не надо полумер. Ломайте сразу.

Элвис и лысина

Через два дня над Таёжным должна была прогреметь коммунарская мегавечеринка. А мы хотели греметь как артисты. Дашка играла Волдеморта — в венке ромашек, в платье с невидимыми слонами, Марта Снейпа, Агаша Дамблдора — в розовом халатике. Я — Люциуса Малфоя. Он как бы и не зло, просто давно не в адеквате. Зато он креативен! Знала бы заранее, насколько, — я б лучше сыграла Добби.

И вот за два дня до вечеринки я сразу из плацкарта попала в парикмахерскую. Там играла песня «Я хочу, чтоб мне стало всё равно до мурашек», но я же из плацкарта и знаков не чувствую. И вот под эту песню я говорю, буквально в мотив укладываясь: «Умоляю, поймите, мне не нужно короче, мне и так похвалиться, вы же видите, нечем». Тут женщина берёт машинку и выбривает мне сзади полголовы, прежде чем я успеваю опомниться. Выбривает, подчёркиваю. Просто выбривает. На вопрос, что происходит, она отвечает: «Очень аккуратно. Хотя вам, быть может, и непривычно». Я начинаю смеяться. Она, догадавшись, что что-то пошло не так, убедительно говорит: «Мне так жаль, что вы оказались не готовы, ну что ж, сейчас я бесплатно уложу оставшееся» — и сооружает мне над трагедией раннего облысения натурального Элвиса!

Я вышла из парикмахерской с бритой половиной башки, плохо замаскированной бескомпромиссным Элвисом. Альтернативный парикмахер смотрела на меня с испугом. Её смутил мой смех, он не прекращался уже минут двадцать. «Деньги завтра занесёте... а если не занесёте, ничего страшного», — задумчиво сказала она, а потом долго стояла на пороге и смотрела мне вслед. Элвис трепетал, остальное отражало солнце, воспламеняя уныние окружающей среды.

Через два дня над Таёжным должна была прогреметь вечеринка. Что ж, я буду достойна своих коллег по полупомосту-полунасесту, на который мы взойдём, чтобы творить искусство. Я буду жечь сердца всем арсеналом выразительных средств — глаголом, лысиной, Элвисом. Я, как говорится, хочу, чтоб мне стало всё равно до мурашек. До мурашек уже есть, осталось откуда-то взять всё равно.

Хаера, рога и уши

Из Бурятии мы приехали не с пустыми руками, а с накладными резиновыми эльфийскими ушами. Двумя парами ушей. Первую мы подарили Дашке. Она закрыла глаза, мы облагородили её облик, а потом подвели к зеркалу. Радость человека, обнаружившего на себе резиновые уши, не передать словами. Человек ощупывает происходящее и не может поверить, что судьба наградила его подругами-коммунарками, а коммунарки, в свою очередь, наградили ушами.

Приехали Сашки. Опасно близилась вечеринка в честь Сашкиного дня рождения, но мы не стали ждать и одарили её немедленно. Смысл дарения — те несколько секунд, когда человек получает то, что ему дарят. Его лицо, его удивление, его чувства. Если это есть — оно драгоценно, если нет — подарок не имеет смысла, надо пересмотреть концепцию. Надели на Сашку уши, с закрытыми глазами подвели к зеркалу, наблюдали реакцию. Сашка примерила уши на всю свою семью, включая Младенца Лушу и собаку-самурая.

...И вот, когда всё клубилось и бурлило, Сашки выгружали сумки продуктов и заготовки для торта, приятно звенел и побулькивал португальский портвейн, ребёнок и собака взывали к поглаживанию, кошка Харуки носилась по крыше, а гости уже сидели на веранде, я поняла: настал час. И просто сняла косынку.

В предыдущих сериях после столкновения с парикмахером-авангардистом я приобрела лёгкую лысину и нелёгкого Элвиса. С тех пор кое-что изменилось. Итогом распрямления Элвиса стал умеренный, даже консервативный ананас. А потом подросток покрасила его в синий. Я не протестовала. Подумала — у меня всё равно каникулы, в город не поеду, кто меня здесь увидит. Эту стрижку синим не испортишь, она уже испорчена дальше некуда. А

так стольким людям столько радости! Дашка с Сашкой будут в ушах, я — в оригинальном цветовом решении.

Когда Марта меня красила, настораживало одно. То есть два. Во-первых, её выкрики «Какая ты синющая!», во вторых, её уточнения: «Да ты аватар! И шея синяя, и уши синие...» Когда я сняла косынку, случилась немая сцена, после которой все, не сговариваясь, начали повторять именно те слова, которые смущали меня ещё в момент окрашивания. Радовало тоже одно — надпись на тюбике: «Смывается после десяти помывок». Я ещё не знала тогда, что предстоит ананасу. Даже подумать не могла, что он будет линять до сентября и я пройду через тёмно-зелёный, бирюзовый, голубой периоды, оттенки петрушки, укропа, салата, малосольного огурчика и закончу цветом вылитой на голову зелёнки.

Тем же вечером мы подарили Сашке вазон. В вазоне было важно содержимое, потому что сам вазон давным-давно подарил подростку Чудо-дядя. В нём тогда лежали четыре половые тряпки — на любой вкус. Они были важной частью подарка, с точки зрения Дяди, на них нужно было вышить инициалы, чтобы мыть полы именной тряпкой — для порядку. Конечно, мы не справились. Но если тряпки были использованы по назначению, то вазон — пластмассовый пафосный вазон объёмом в полноценное ведро — не находил себе применения. Возможно, Чудо-дядя предполагал, что если мы будем использовать его как ведро для мытья пола, это — вместе с именными тряпками — сделает нас интеллигентнее. Но мы не справились. Шли годы, вазон болтался неприкаянным и выпрыгивал на нас из всех углов. Наконец нас спас от него Саша. Он подхватил вазон, как пёрышко, взвалил на плечо и вынес за дверь, напоследок крикнув что-то вроде «Неплохая рюмка!» Вазон поселился на Таёжном и обрёл призвание. Мы складываем в него грибы. Нет ничего красивее, чем лисички, возвышающиеся в ложноклассическом вазоне. Их-то мы и подарили Сашке — целый вазон лисичек. Мы их заранее почистили и порезали, так что в подарке не было подвоха — одна любовь. Заодно обогатились новым мемом — «напороться на нож

подруги». Никто ещё не приехал, мы сидели на веранде втроём — я, Дашка, и подросток. Неистово мелькали ножи. Дашка взмахнула накладными ушами, потом дёрнула рукой — и наткнулась на нож. Я взвизгнула. Мне показалось, я прирезала эльфа. «Напороться на нож подруги — это честь для меня», — успокоил нас эльф.

Так вот, мы подарили уши и вазон, оставив остальную часть подарка на завтра. Именинник, считаю, должен радоваться в несколько этапов — если он порадуется оптом, это кончится слишком быстро. Сашка достала лимонно-жёлтый фотоаппарат странной формы. Это был далёкий инопланетный потомок поляроида нашей юности, он делал моментальные снимки. Она зафиксировала Дашку в ушах, меня в хаерах, Всеволода и маленькую Катю, Зойку, Стаса, Сашу... Тем временем подросток — с фиолетовыми волосами, в чёрной мантии с капюшоном, тихо сидела вдали от торжества и читала отличную книгу «Апокалипсис Средневековья», богатую трогательными иллюстрациями и сложными словами. К подростку подбежали заинтересованные дошкольники и трясли её как грушу:

— Почитай нам эту книгу!

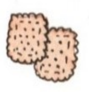
— Это книга про Апокалипсис.

— Ура! Давайте поскорей читать про апокалипсис!

Это была трогательная сцена, и Марта — в капюшоне, с апокалипсисом — тоже осталась на Сашкином моментальном фото.

Потом странный фотоаппарат перехватила я и с криком «Поберегись!» навела его на именинницу. «Подожди, Катька! — вдруг сказала она. — Я тоже подготовилась к сегодняшнему дню!» И достала шапку. Шапку сваляла Агата — это был её индивидуальный проект по шапковалянию в школе. Это было что-то вроде шлема викинга, украшенного куцеватыми рогами лося.

Так мы и гуляли по лесным дорогам — в эльфийских ушах, с синими хаерами, в шапке лося, в черной мантии... Агата надела болотники и выглядела как д'Артаньян. Собака щурилась от солнца, топырила белые лапки. Дети просто месили всё, до чего могли дотянуться. Примерно раз в пять минут кто-нибудь из нас, не сдержавшись, говорил, что жизнь прекрасна. Так оно и было.

Новые песни о когнитивном

Мегавечеринка была в разгаре. Гости сбегались на дачу. Саша взял гитару и первично дрынькнул. Портвейн булькнул по-португальски. Мы с сестрой переглянулись. Остальные не реагировали. Саша дрынькнул вновь.

— Ты слышишь то же, что и я? — телепатировала я Сашке.

— Это что же, песня про рюмку водки на столе? — телепатировала мне она. — Зойка, а ты узнаёшь эту песню?

— Конечно! Это группа «Eagles»! — доказала свою неиспорченность Зойка.

— Это вообще песня из «Бременских музыкантов»! — подвёл итог Саша.

Тут-то у меня и родилась идея арт-проекта...

Всю коммунарскую жизнь можно описать тремя словами — арт-проект, перфоманс, инсталляция. Возник безумный замысел — арт-проект. Пережили сокрушительный провал — перфоманс. Что-то где-то валяется — инсталляция. Перфомансы, правда, заканчиваются инсталляциями, а тщательно продуманные арт-проекты раз за разом скатываются в перфоманс.

Проектом следующей вечеринки вполне могли бы стать «Песни о когнитивном диссонансе». Начиная с советской классики — «Отчего у меня когнитивный диссонанс? Оттого что кто-то любит гармониста» — и заканчивая «Гражданской обороной» — «У малиновой девочки взгляд откровенней, чем сталь клинка, когнитивный диссонанс у меня! Когнитивный диссонанс!» А на этот раз мы ставили пьесу — и, конечно, нам не понадобилось много времени, чтобы назвать спонтанно возникший коллектив. Театральная студия «Когнитивный диссонанс» (при поддержке кабаре «Упоротый енот») пригласила двух взрослых и трёх маленьких зрителей на спектакль «Двух станов не боец» — педагогическую трагикомедию о профессоре Снейпе и его нелёгкой работе.

Спектакль длился минут пятнадцать с двумя перерывами на напитки и психотерапию. Концентрат нашего мастерства был так крепок, что надо было дать зрителю перевести дух между творчеством и искусством, между талантом и гением.

Подростки предлагали замотать мне голову синтепоном, чтобы придать хоть какое-то сходство с Малфоем. После того, как голова была замотана, они критически посмотрели на творение своих рук.

— Катя... Если у тебя есть маркер, мы должны написать на этом синтепоне: «Длинные Белые Волосы». Крупно. Иначе не поймут.

Маркера не было.

— Тогда разматывайся, — решительно сказала Агаша. — Лучше твоя естественная неестественная синева, чем вот это вот.

Сама Агата в этот момент привязывала к рождественскому колпаку (ну хоть не к китайской соломенной шляпе) бороду Дамблдора, то есть другой кусок того же синтепона. «Дедушка Мороз! Милый дедушка Мороз!» — закричали наши дошкольники, когда увидели её на сцене.

Нашим козырем, нашим секретным ингредиентом был не только синтепон. Им была ещё и Дашка. Она, входя в роль Волдеморта, рвалась к накладным ушам. Мы её оттаскивали: земля — дачникам, восторг — зрителям, уши — нашему Добби.

— Я тоже хочу играть в ушах! Мой Волдеморт — внебрачный сын Добби! — умоляла она, уже понимая, что на это коллектив не согласится. Но нет фатальных ситуаций для находчивых людей — у Дашки были ещё рога с люрексом! И их час настал.

Первые полтора акта Дашка просидела под столом на радость дошкольникам и мне. Дети гадали, кто там сидит и зачем, а мне сбоку было видно, как Дашка лихорадочно доучивает роль и шуршит бумажками.

Марта выучила наизусть всю пьесу — и свою роль, и чужие — и была лучшим Снейпом в мире. Когда её природный дар вырвался на свободу, я поразилась тому, как сильно недооценила его объёмы. Сарказм хлестал в зрительный зал, бил фонтанами, разливался наводнениями. Я даже не подозревала, что у подростка такой сарказм… то есть такой талант! Агата вдохновенно троллила Марту — в смысле, Дамблдор троллил Снейпа, Снейп тянулся к ножу, прятался под стол и драматично падал у подножия лестницы, а Дашка, отсидев под столом, вышла на свободу — и одним только словом «перцептивный» довела зал до экстаза (а детям понравились рога с люрексом). Квиррел в тюрбане из полотенца лихо дрыгал левой пяткой, пел, скакал, а потом скинул тюрбан, надел уши и обернулся Добби, я же была на подпевках, еле удерживаясь от подтанцовок.

Благодарная именинница рукоплескала. Правда, мне показалось, что у неё дёргается глаз, но глаз я интерпретировала как проявление восторга.

И тут Сашка повела себя в точности как с шапкой лося — она опять подготовилась! Достала баллон гелия и явила миру свой собственный арт-проект. Сначала он назывался «Фотосессия с шариками, как на Пинтересте», но потом реальность внесла коррективы и проект стал исследовательским. «Пинтерест и реальность: почему хочется красоты, а получается как всегда» — так он стал называться. Скажу только, что у них уплыл по течению стул без днища, потом они его выловили и махали проходящим поездам стулом и связкой шаров. Дальше версии расходятся. Кто-то говорит, что это участники арт-проекта выкрикивали «Нормальный стул!», кто-то считает, что это машинисты поездов им кричали, а кто-то намекает, что это мои выдумки.

Когда вечеринка отгремела и все уехали, мы остались с Дашкой и Кириллом и пошли по накатанной дорожке арт-проекта, приведшей к такому перфомансу, что я потом полдня не могла ходить, а только прыгала, как Квирелл.

Наш проект «Все скальники Олхинского плато» неожиданно превратился в «Бог знает какие скальники какого-то странного плато», потому что мы решили сходить на Идол, но сделать это с отягощениями (и я сейчас не себя имею в виду). Во-первых, мы пошли странной дорогой, которая

привела нас к странному результату. Широченная, набитая поколениями тропа с указателями? Не знаем, не слышали. Мы пойдём другим путём, и пойдём быстро, потому что, во-вторых, мы решили уехать туда на утренней электричке, а вернуться на дневной.

На дневную мы успели чудом, и когда вернулись на Таёжный, я просто подползла к воде и сунула в неё всю себя. Вода лилась на меня, я не могла пошевельнуться, за калитку ко мне вышла кошка Харуки, её глаза были зелёными, как трава на тропе. Кошка смотрела на меня без всякого сочувствия, трясла руном вполне бездушно — её интересовало, когда я встану, открою дом и дам ей еды. А я сидела под струёй ключевой воды и не могла пойти домой — мне было нечем...

Блистательный результат нашего экспресс-похода не повторят потомки. Мы сходили куда-то и до сих пор не можем понять куда. Там, где мы были, тысячами людей исхожен каждый уголок. Но мы совершили чудо. Зашли в Неверленд, в Нет-и-не-будет, вписали свою страницу в неведомо чей проект «Скальники Нетландии».

Мы с Дашкой немного поспорили, как назвать скалу. Я предлагала — Опухший Чебурашка и другие варианты с чебурашкой. Дашка считала, что это Дракон и Щенок — и другие варианты с драконом, да любые варианты, пусть и без дракона — лишь бы без чебурашки. Мы не смогли договориться, и наша скала, стоящая в самом центре Нигде, так и осталась без имени.

Но у нас был ответ и на это… Отвечая на арт-проект перфомансом, а на перфоманс инсталляцией, человек рискует никогда не встретиться со скукой, но никогда не расстаться с современным искусством.

Торт как диссер

Праздничный торт подобен диссеру — подумала я, наблюдая за Сашкой. Утром трудного дня супервечеринки мы разделили труд. Мне досталась как бы проза, ей — поэзия, вскоре обернувшаяся диссером.

Мы с тазиком грибов предсказуемо зависали в компании друг друга, пока не пришла Дашка и не влилась в процесс, заметно ускорив его, в то время как Сашка переживала закономерную последовательность этапов. Всё начиналось, как это и бывает, эйфорически. Цели и задачи были понятны, запланированный объём казался достижимым, финал манил, лавровый венок не жал. Научный руководитель накануне испёк бисквитные коржи вот такой ширины, вот такой вышины. Дорога спокойно уходила вдаль, следовало только собрать коржи в нужной последовательности и оформить массив.

Сашка достала заготовки. Немедленно выяснилось, что в них, с одной стороны, конь не валялся, а с другой — на них лежал мешок картошки. Высота среднего коржа, таким образом, измерялась уже отрицательными единицами, зато он стал очень концентрирован. Его жёсткость и жестокость судьбы были очевидны.

Отважная кукушка, применяясь к изменившимся обстоятельствам, быстро переосмыслила объём и форму будущего готового продукта и продолжила действовать. «Используй то, что под рукою», — бормотала она, экспериментально взбивая маскарпоне. Эксперимент провалился. Маскарпоне, завезённый в домик в лесу, ведёт себя парадоксально — это интересное наблюдение, но в диссере, то есть в торте, оно совершенно неуместно, а как теперь обойти этот факт?

— Что ж, сделаем акцент на свежей малине, — воскликнула оптимистичная Сашка. — Можно ещё грибами украсить. Шишками. Ветку кедровую положить… Проводим торт в последний

путь! — говоря это, она тщательно украшала верх торта ягодами и цветами, чтобы в первую очередь в глаза бросалась безупречность отделки и только потом становилась очевидна корявость композиции.

Торт впечатлял с первого взгляда. Продуманно и логично возвышался он на тумбочке. Высота его была значительно меньше, чем планировалось, основная часть явственно сползала на один бок, но ягоды и цветы, несомненно, были свежи и актуальны.

Мы дочистили грибы. Саша достал гитару. Сашка взяла в зубы белую розу и стала танцевать. «Давайте выпьем», — сказала Дашка. С насыпи донёсся гудок электрички. Со всех сторон подтягивались коллеги.

К вечеру торт полностью подтвердил свою диссертабельность.

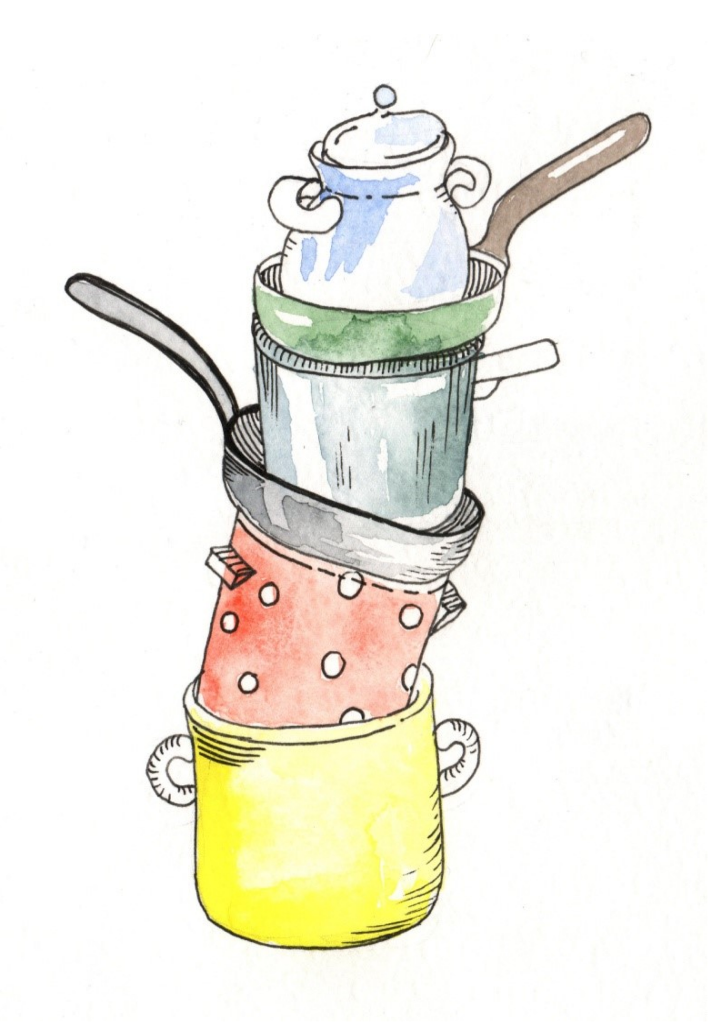
Эпоха коздрюлизма

В доме царила инсталляция. «Кто? Кто эти люди? Кто освоил сто кастрюлек и не помыл ни одну из них? Как жить? А сковородки? Ещё и сковородки! Как жить, я спрашиваю? — ораторствовала я над тазиком с горячей водой. — Раз коздрюлька, два коздрюлька! Коздрюлизм какой-то!»

Новое в русской лексике никто не поддерживал. Да и не было оно особо новым. На подоконнике валялась коммунарская книга, которую мы с подростком сделали в прошлом году на двенадцатилетие коммуны. На сорок забытой странице был напечатан десятилетней давности разговор о мистических чибисах у дороги, в ходе которого Сашка произнесла пророческую фразу: «Ты, Катька, дедовщину разводишь... коздрюльскую».

Некоторые вещи не меняются. Десять лет спустя я по-прежнему разводила коздрюльскую дедовщину. «У-у-у, коздрюлиты!» — ворчала я, стаскивая в кучу разрозненные реликвии коздрюлизма. Табориты выступали в поддержку коздрюлитов всем табором, луддиты — всем луддом, гуситы — всем гусом... Но я была неумолима. Тяжёлой поступью я двигалась по дому со средством для мытья посуды и грозила коздрюлитам как могла.

И вот оплот коздрюлизма был повержен. Чистые, приемлемые коздрюльки громоздились аккуратным зиккуратом. Мы с Дашкой налили в таз кедрово-берёзового кипятка и пошли сидеть на высоком крылечке второго дома — старого, бирюзового, до самой крыши заросшего хвощами и незабудками, дома с полем люпинов, с могилой кота, с бирюзовыми бочками дождевой воды и одичавшей клубникой — дома, в котором в последнее время обитало племя независимых подростков.

Светило вечернее солнце, и в его лучах всё казалось вечным. Ноги, сложенные в таз, предвещали зарю возрождения. Мы говорили о прекрасном — о родниках, грибах и голубике.

Дашка ласково провела рукой по перилам:

— Какой красивый дом. Такой старый.

Чешуйки краски отваливались с перил в такт её словам, а высокая старая ёлка одобрительно постукивала веткой по крыше и водосточному жёлобу.

— Очень красивый, — сказала Дашка. — Но я никогда не была внутри. Я зайду? Хочу посмотреть, как живут подростки.

И мы зашли. Подростки как раз были на заработках, поэтому мы будто попали в музей после закрытия. Стопка манги. Стопка комиксов. Лоскутные покрывала. Спальники. Пара молотков.

— Вижу, подростки живут хорошо! — оптимистично сказала Дашка и покосилась на меня.

Я стояла как громом поражённая. Рот мой открывался, но из него вырывалось только недоброе бульканье. Я смотрела на стол. Стол ломился от широкого, хлебосольного,

фамильного... да-да-да! Изведённого мною, как я думала, под корень коздрюлизма!

Мы аккуратно прикрыли дверь и вышли из обители свободных подростков. Мой перфекционизм был вдребезги разбит, но я верила, что ещё восторжествую.

Я чувствовала себя распоследним джедаем, джедающим ближнего своего во имя добра. Борьба грозила перейти на новый виток. Но не перешла.

От непримиримой вражды нас спасли две вещи — саморефлексия и наступление нового времени.

— Кстати... — спросила Марта, — в чём отличие коздрюлитов от коздрюлистов?

— Коздрюлята — дружные ребята... Ой, нет! Коздрюлиты — мятежные ребята, а коздрюлисты — скорее деятели искусства.

— Кстати! — вклинилась в разговор Сашка, — вы часом не знаете, что за деятель искусства накрепко забил немытую сковородку в среднее отделение стола? Теперь она останется там навсегда — я не смогла её вытащить.

Мы не знали. В этот момент у каждого появились смутные сомнения. И я, почётный борец с коздрюлизмом, не могла утверждать, что это не я. Может быть, и я. Борьба со злом на глазах меняла формат, превращаясь в борьбу с собой.

— Оцените, какой минимум выразительных средств понадобился автору, чтобы создать настолько выразительное художественное высказывание, — одобрительно заметила я. — Это был коздрюлист-акционист! Коздрюлист-минималист! Короче, истинный талант. Надеюсь, это всё-таки не я. Хотя уверенности нет.

Рубикон был брошен, жребий перейдён. Наступало новое время. Коздрюлизм на глазах становился направлением искусства, видом спорта, хобби, общественно-политическим движением, научной концепцией...

Сопротивление было бесполезно. В мире воцарилось разнообразие. Коздрюлист-нигилист отрицал необходимость существования чистой посуды. Коздрюлист-софист обосновывал, что немытые миски — это не коздрюлизм вообще. Коздрюлист-эксгибиционист с порога демонстрировал всё, что у него не помыто. Коздрюлист-садист принуждал ближних перемыть Гималаи посуды, а коздрюлист-мазохист в итоге делал это сам. Коздрюлист-сюрреалист ставил жаровню на хрустальный бокал — и она не падала, а стекала, как часы Дали. Коздрюлист-иллюзионист умудрялся создать впечатление, что в доме чисто. Коздрюлист-анархист, объединившись с коздрюлистом-экстремистом, творил хаос и анархию. Коздрюлист-программист прицельно загаживал пространство около компа чашками и крошками. Коздрюлист-дарвинист создавал теорию эволюции чистой посуды в грязную. Коздрюлист-натуралист изучал повадки таракана. Коздрюлист-утопист верил, что посуда может оставаться чистой. Коздрюлист-сентименталист отказывался мыть наиболее трогательные сковородочки. Коздрюлист-перфекционист не оставлял ни одной чистой тарелки вообще. В общем, каждый мог самовыразиться, каждый находил себе дело по душе.

…На веранде цветут маленькие розы. Чуть правее — вазон для грибов. В нём нет грибов. В нём листья, ветки, бытовые отходы, которые с грибов нападали. Рядом с вазоном — две коздрюльки, символ неизбежности. В коздрюльках — неведомое. «Что так сердце, что так сердце растревожено?» — внезапно спрашивает меня ноутбук. Я не ожидала вопроса, но ответить могу. Некоторые вещи не меняются. Моё сердце раскоздрюлено... Тьфу ты, растревожено! Моё сердце растревожено коздрюлизмом. Но я знаю, как его успокоить. Держись, коздрюлька! Я иду!

Роза и облако

Поздним-поздним вечером меня занесло на глухую окраину. Шёл дождь, фонарей было мало, людей не было вовсе. Я долго ходила среди гаражей в поисках места, где можно подняться на пригорок, а дождь даже не падал, он висел в воздухе микроскопическими невесомыми каплями, и было тепло, и почему-то хотелось надеяться и волноваться.

На пригорке меня ждали дома со странными протяжёнными арками, внутри которых есть небольшие лестницы. Было странно и пустынно. И тут я увидела разноцветный огонь в высоте. С берёзы сбегал световой водопад, а у его истока, на верхушке, в кроне, горела световая роза. Она так сияла и мигала, что походила на губы, которые говорят беззвучно и всю ночь не умолкают.

Я долго слушала, что говорит роза в пустоте и молчании ночных окраин. И тут за спиной раздались шаги командора. Из темноты надвигалась чёрная фигура. В руках у неё было облако. Средних размеров, белейшее, кучевое. Облако светилось вопреки темноте. Было видно, какое оно мягкое, какое оно воздушное.

После разговоров с розой, освещающей ночь с верхушки берёзы, я совершенно нормально отнеслась к появлению чёрного человека с облаком. Человек сделал ещё несколько шагов, и стало очевидно — это решительная, высокая, суровая старуха в чёрном. Облако в её руках было таким невесомым, таким пушистеньким, что, если бы она положила его на воздух, оно бы так и лежало на нём, тихо плыло бы, покачиваясь от ветра.

Тут я услышала, как облако дышит. Посапывает. Старушка сделала ещё шаг, и я увидела, что облако смотрит. Это был ослепительно белый, идеально расчёсанный пекинес. Что, впрочем, никак не отменяет того, что он был облаком, готовым к полёту.

Пекинес дышал. Бабка держала его, как уникальное облачко, доставшееся ей с неба. А над всем этим светилась роза и не прекращала говорить молчанием сквозь темноту.

Полюбить за пару дней

В моём мире... — ласково сказала Дашка, глядя в потолок. С этой фразы в последнее время у нас много чего начиналось. «В моём мире» — идеальная формула вежливости. Может, у вас по-другому, а у нас так, давайте сверим часы, соотнесем реальности, обсудим, запланируем, сообразим.

— В моём мире ты ведёшь нас на экскурсию по Иркутску, — сказала Дашка. — В эту субботу.

Идея была гениальна. Каждый из нас должен был придумать для остальных экскурсию по Иркутску своего сердца, мечты, памяти, по Иркутску своей личной истории. Показать другим, каким мы знаем этот город, где точки максимальной связи и значимости. Это означало, что мне надо было не то придумать, за что полюбить Иркутск, не то вспомнить, за что я его любила, и сделать это за два дня.

В центре моего Иркутска изначально было пустое пространство, как будто камень ударил в картину и прорвал её насквозь. Отношения с городом не складывались. Я всегда хотела вернуться на родину. Это было невозможно даже тогда, когда и я, и родина ещё существовали. Мы с ней стали другими, возвращаться не только некому, но и некуда.

Давным-давно моя жизнь опрокинулась в этот город — в один из городов. Пустое место в центре осталось с этих незапамятных времён, и мне предстояло закрыть его за два дня. Соединить обрывки и что-то сделать с этой пустотой, которая была здесь с самого начала.

Я вспоминала те встречи с городом, когда я пыталась разглядеть в нём что-то родное, какой-то далёкий привет. Искала сквозняк, искала места, которые заговорят со мной на моём родном языке.

Деревянные дома — их подоконники были вровень с землёй, и те, кто жил в них, делали в окошках миниатюрные выставки — мох, вата, ёлочные игрушки, шишки, куклы, серпантин. Запах

родины — снег, хвойный дым. Электрички во сне и наяву... куда угодно уеду в электричке со сломанной дверью. Буду стоять в тамбуре и смотреть в проём: граница здесь, она открыта.

Могилы на Радищевском кладбище, которым носила цветы, — они были так же чужды месту и так же вросли в него, родные и неизвестные — Феттич Катарина, Брилз Елизабеда, Марта и Антон Томпсоны лежали рядом, головами в другую сторону, чем все остальные, и белки с воронами мелькали среди сирени и рябин.

Я вспоминала свои потери — девять ступенек Саграды (её отреставрировали, она больше не Саграда), дом с драконом на фасаде, кинотеатр «Пионер», деревянные слоны с улицы Пржевальского. Какая-то крыша, на которой стояла, какие-то вагоны, по которым прыгала, камень среди реки, на котором сидела всю ночь.

С каждым воспоминанием город терял смысл — точнее, обретал изначальную бессмысленность. Счастливей всего в жизни я была на платформе станции Мельниково, и теперь посмотрела, проезжая мимо, какая она. Серая, в трещинах и морщинах. И даже не серая, а как бы серая. Это нецвет, мнимая величина, знак отсутствия. В воспоминаниях она синяя. Тёмно-синий, цвет глубокого сияния. Синими были перила. И деревья — я помню синие ветки в синем небе. Сама платформа была белая, как рафинад. И сквозь всё это катились неслышные, нестрашные воздушные цунами, не калечили, не сбивали с ног — аккуратно поднимали и опускали.

Сейчас неподалёку от платформы ушла углом в землю надпись «Перегной». Перила образовывают харибду — ряд металлически пустых глаз с вертикальными зрачками. Электричка трогается. Ива протянет коготки, и тут же её обезьяньи злые лапки, её возникшие из бесформенного небытия черты прекращают существовать, и в куче очертаний и объёмов уже не различаешь линию.

Я собирала чувства к городу годами, по нитке, по лоскутку. Нитки тлели и рвались, но речь шла уже о жизни. Полюбить город для меня уже значило полюбить свою жизнь. Что-то в ней должно было быть такое, что сможет справиться с обессмысливанием, с опустошением. Закатный свет, сосновый лес над Иркутом. Аэропорт ночью. Заросшие травой трамвайные рельсы предместья.

Двор, в котором маленький, грустный, напуганный, добрый ребёнок в тёплой куртке с мишками сделал первые два шага — к бездомной кошке и ко мне. Разрушенные дома, которые я фотографировала и прощалась с ними за всех людей. Древоженщина Энта — она плачет, когда кончается зима, а потом украшает зелёные волосы синицами и слёзы её высыхают. Световые арки на набережной. Переулки Ново-Ленино. Ондатр в сентябрьской воде. То бревно на берегу, те руины водозаборной станции, где я лазила в рыжем кожаном пальто, та белая арка.

Экскурсии не было. Но я собрала свой город. Он такой маленький, что помещается в руке, он состоит из находок и потерь, которые сравнялись в счёте. Никакая память не отчуждается с такой скоростью, как городская, никакая радость не развеивается по ветру так быстро. В этом городе ничего нельзя сохранить. Но я смогла увидеть его целиком. Теперь у меня есть как будто стекло цвета вечернего вечного солнца. Я смотрю сквозь него на город, на один из городов — а потом глазами города, отражая и выдумывая, смотрю и на себя. Мне стыдно желать, чтобы чьи-то наполовину вымышленные глаза взглянули на меня сквозь это закатное солнце, чтобы этот свет, не убывающий в остановленном времени, забрал меня с головы до ног, сделал исчезающе-прекрасной, достойной быть видимой.

Вторая дорога

И мы гуляли — в разных местах, разным составом, в разное время суток. Гуляли с Дашкой и двумя собаками — огромным разумным Туманом и Тайгой, которую не опишешь без оксюморонов — собака возвышенной подлости, благородной продажности и комического величия. Собаки скакали по глубоким лужам, похожим на маленькие озёра, и отражались в воде вместе с ясным лесом и ясным солнцем. Туман смотрел прозрачно-жёлтыми, как у козы, глазами, чуял бурундука и превращался в оборотня — ходил на задних лапах и лаял человеческим голосом: выходи, бурундук! Тайга виляла всем телом где-то позади. «Хватит жрать бурундуков!» — кричала собакам Дашка.

Мы нашли идеальный овраг, познакомились с Мальчиком из шалаша и встретили Ёкарного бабая: суровый хромой дед крикнул нам «Чего пустые идёте?» — и ушёл вверх по дороге, а мы спускались и возражали постфактум: а вот у нас грибы! а вот уши! а у меня фотоаппарат — полным-полна коробушка! а как собаки наполняют нашу жизнь! И, уже спустившись, поняли: это был Ёкарный бабай. Мы так часто его упоминали, что он решил лично нас освидетельствовать. И посоветовал срочно наполнить жизнь, хотя нам и казалось, что в неё больше ничего не влезет. Значит, влезет. Пусть через край выливается, сыплется, пусть будет жизнь «с опупком» — как ведро брусники. Глядя на белую Дашку, на то, как колышется она среди зелёного леса, я вдруг поняла: народ-ушеносец! Вот мы кто! Малочисленный народ, но не вымирающий. Эльфы мы. Э-э-эльфы мы.

Хотя с Толкином в этом году незадача вышла. Толстый том стал орудием самоубийства мыши Дашеньки. Историю мыши летописец уже излагал, достаточно сказать, что она выходила к нам лично и, сидя на буфете, жрала наш сыр в присутствии шести человек и собаки, а потом сообщала, что мы её недостойны. И вот мышь покинула нас. Нашли расплющенной под томом «Властелина

колец». Мышь поступила подобно Маленькому принцу — ей нужно было взлететь к звёздам, и она не нашла другого способа.

Мы оплакали Дашеньку, но инцидент с Толкином никак не повлиял на наше к нему отношение. Наоборот — мы придумали и провели первый в коммунарской истории Э-э-э...Льфийский пикник. Двое в ушах плюс пещерный тролль с фотоаппаратом — ему выпало счастье наблюдать, как представители народа-ушеносца скидывают джинсы и переходят реку вброд, находят двадцать семь маслят в одном месте и тринадцать волнушек в другом, пробуют чёрную смородину-кислицу и леголасят вверх по камням с нечеловеческой скоростью.

Первобытные леса мхов, продолговатые ягоды барбариса самого скромного оранжевого цвета, который я когда-либо видела, бело-голубые облака лишайников, красная-прекрасная брусника — каждая ягода размером с тыкву. Там не просто никого не было — там никогда никого не бывает.

Мы сидели высоко. С нами был игрушечный енот по кличке Танатос. Прилетели два певчих дятла, спели, потом выступили с показательным долблением. Над головой уже не росло, но ещё высилось самое старое дерево мира. Вот туда мы и затащили просекко, макаруны (по названиям выбирали — чтоб ананасы и рябчиков как бы) и интеллектуальный досуг — читали вслух стихи, и под самым старым деревом нашего малого мира они становились ещё лучше, если это вообще возможно. Я читала своих френдов — и жалела только, что не могу привести их под дерево по-настоящему. Народ-ушеносец читал своих френдов — Рильке, Бродского, Гумилёва.

Мы гуляли с Настей — ходили за ингредиентами для салона красоты «Гоблинская задница» (только натуральные компоненты!). Солнце светило нам сквозь зелёную пушистость кедров, мы выбирали слоган салона: «Гоблинская задница: выход есть!» или всё же «Узкий путь к красоте»? Гуляли с Сашкой в ночи, с Мартой в сумерках, сидели с Дашкой и Кириллом на берегу озера, где когда-то с коммунарскими детьми снимали фильм про Зоков и Баду, и, когда я вспомнила, что именно тут бегала Агата с пакетом колбасок, а за ней бегали замёрзшие от купания местные дети вперемешку с нашими и кричали «Зок, отдай колбасы!» — Дашка сразу же среагировала: «А у нас

колбасы есть немножко. Брауншвейгская». Что мне оставалось, как не заорать: «Зок, отдай брауншвейгскую!», чтобы соединить времена (а не чтобы отобрать колбасу, хотя и в этом что-то есть).

Мы ходили на маленький остров посередине маленького озера. Ветер развевал Дашку, её листва трепетала. Кирилл красиво плыл вдали, а ветер рисовал сложные узоры на поверхности, и последний иван-чай, малиновый-малиновый, цвёл прямо в середине куста курильского чая — жёлтого-жёлтого.

Чуть позже Кирилл лазил на таинственный обелиск и измерял его высоту сначала в кирпичах, а потом в метрах, а мы с Дашкой устанавливали контакт с местной собакой. Тут случилось недопонимание: Кирилл определил породу собаки как «лайкоид», а я подумала, что он намекает на мои отношения с фейсбуком.

Затем нас как-то вдруг стало девятеро — восемь человек и собака. Проще говоря, подкрались коммунарские друзья и просигналили сзади. Мы объединили силы, набрали воды в заброшенном колодце в зарослях иван-чая, а потом переправлялись сначала через болото, потом через реку (кажется, это был мой лучший кадр — зависшая над рекой Луша, которую Саша передаёт Кириллу). За рекой оказалось болото пуще прежнего, хотя начальник нашей экспедиции манил в неведомое, обещая «чудесные места». Он пошёл разведать, где кончается болото, пока мы собирали голубику, и, хотя среди далёких кочек виднелась только его голова, подавал нам пример оптимизма по рации, на что Кирилл отвечал только «Грейдер-9, Грейдер-9, я Хамар-Дабан» — больше ему сказать было нечего. Мы заключали пари, на каком часу скитаний по болотам нам откроются чудесные места и в чём будет заключаться их чудесность — в комарах, в труднодоступности или в чём.

И я ходила одна. Сашка сказала, что хочет княженики, и я пошла собрать ей горсточку. Княженика — самая сюрреалистическая ягода, её даже есть не обязательно, она не для этого, а для концентрированного ощущения вкуса и запаха рая. Много её не надо, достаточно одной ягоды. Она не поддаётся заготовке. Я хотела принести Сашке княженики, но там, где я надеялась, её не было.

Поэтому я пошла дальше с тайной мыслью выйти на Вторую дорогу. Она была одним из секретных мест моего детства и ранней юности.

Наша гора (мы живём, а она стоит у нас за спиной) обладает пространственной странностью: она меняется и определяет путь идущего по ней так, как хочет сама. Когда-то по ней проходила отчётливая Первая дорога, у которой был спутник-привидение — Вторая. Вторая ниоткуда не выходила и никуда не приходила, она была такой широкой, что иногда казалась наклонным полем, границы которого терялись прямо под ногами. На Вторую с одного и того же места то можно было выйти, то нет. Гора сворачивалась и разворачивалась, укрывала или открывала её по своему желанию. Иногда я выходила туда, а иногда она исчезала — на её месте оказывались заросли ярко-красной костяники, или детский лес осинок, или море папоротника.

Особенностью Второй было странное преломление, знаком которого для меня были поляны лисичек, которые начинались прямо за ней. Лисичек было столько, что земля под ногами была оранжевой — как во сне, где нет ни в чём недостатка. Но я ходила туда не только ради них, не ради обострения резкости на границе сна и яви. Самой удивительной особенностью Второй было то, что она меня удочерила. Там, и только там я испытывала совершенно определённое и несвойственное мне в обычной жизни чувство — что есть нечто, которое меня любит. Оно обнимало меня и было со мной, ничего не хотело — не только от меня, а вообще ничего. Чем бы оно ни было, оно выглядело как Вторая — чистый кусок среди леса, по которому можно было идти, но нельзя прийти ни в одну конкретную точку. Я тогда думала, что её начало и конец, наверное, просто не здесь, они скрыты от меня. Теперь я в этом уверена.

В этом есть необъяснимая для меня странность, выверт, похожий на искажение пространства горы, которое само принимает решение, найти мне Вторую дорогу или потерять её навсегда: как будто источник родительской любви вышел на поверхность только здесь. Это место любило и, кажется, до сих пор любит меня как собственного ребёнка — его не интересует ни мой разум, ни мой ответ.

Я редко хожу туда. Кажется, чем дольше жду, тем больше шанс снова попасть туда и почувствовать то же, что и раньше: есть нечто, и оно меня любит, а может, слово «нечто» излишне, а просто есть любовь, по каким-то причинам избравшая точку проявления и прикреплённая к ней. Контакт возможен только там, и даже если я не могу туда попасть, нет причин думать, что она закрылась от меня навсегда.

С каждым годом лес меняется. Старые дороги теряют различимость, возникают новые, агрессивно-чёткие. Я всё ещё могу найти следы Первой дороги, хотя по ней десятилетиями никто не ходит и не ездит и деревья на ней уже выросли выше меня. И я могу бродить там, где в моих воспоминаниях была Вторая, и надеяться, что я её узнаю. Дело уже не только в том, что она то уходит, то возникает заново. Даже если я выйду к ней, она всё равно будет неузнаваема. Лес уже кажется мне пересечением дорог разных времён, которые я не вижу, но чувствую, и нет в нём места, которое когда-то не было бы дорогой. Заросшая, трансформированная Вторая ставит передо мной задачу узнать её, выбрать, как в сказке, из всех одинаковых мест единственное лично моё, субъективно подлинное, узнать её среди двойников.

Это оказалось несложно. Мимо рябин, мимо папоротниковых зарослей, где растут белые грибы скрипицы, мимо прозрачного берёзового леса, мимо высоких трав, в страну повышенной резкости меня вели лисички. Они вырастали под ногами, я вздрагивала — только что казалось, что здесь ничего нет, а вот же они. Я шла за ними, местность менялась, я смутно помнила её черты, да они и были смутными.

Лисичек становилось всё больше. Ни дороги-поля, ни лежавшего на краю горелого бревна уже нельзя было различить. Мои ориентиры исчезли во времени, ушли на лесное дно. Лисичек становилось всё больше, они были репликами в моём диалоге с тем, что я хотела вспомнить и получить — или, скорее, чтоб оно вспомнило и получило меня. Наконец я села посередине оранжевой поляны и почувствовала: где бы я ни была, я там, где нужно.

Я вышла на Вторую. Она была вокруг меня и внутри, и я вспомнила, что так было и раньше. Странное ощущение — быть любимой. Я стала тонкой перегородкой между самой собой и окружающей меня силой, и наконец-то не было никакой разницы между веществом любви внутри и снаружи.

Я сидела на Второй дороге, которую не видела, не чувствовала много лет, и это определённо была она, всё глубже уходящая во время, спрятанная, навсегда живая. И это определённо была я — тоже неузнаваемая, изменившая облик, но верная тому, чему верю, и любимая тем, что люблю. Начало и конец дороги скрыты от меня, но я по-прежнему могу узнать её любой, как бы она ни выглядела.

Камон, сова!

Великолепие подростков обрушилось на меня ночью, когда казалось, что они уже час как спят и можно расслабиться. Одеяло на диване зашевелилось, потом откинулось, явив миру двух голубушек.

— О! Вы что, не спите? — тут же раздался с кровати душераздирающе бодрый голос третьей.

— Нет, конечно! Мы всё это время под одеялом музыку слушали, но стало жарко. Иди к нам!

Дальнейшее вкратце можно описать как «эх, эх, труляля» до утра. Впрочем, подробности ускользнули — хотелось спать, поэтому надеюсь, что многое приснилось.

За несколько часов до этого мы искали подростков с собакой, потому что реплику «ну, погуляйте» они поняли настолько расширительно, что, когда стемнело, сохранить спокойствие было уже трудно.

С утра подростки поссорились. Звучали обвинения в продажности, ненадёжности, предательстве идеалов. Через полчаса они помирились и скрылись вдали. Уже потом, когда они вернулись несколько смущённые, причём Первый Подросток — с ног до головы в чужой одежде, выяснилось, что из трёх кукушек две упали в реку, а третья просто ходила по воде.

Затем подростки залезли в дровяник, чтобы там обедать вдали от родительского всевидящего глаза, от родительских всеслышащих ушей. Правда, время от времени они оттуда высовывались и кричали: «Кто-нибудь уже в конце концов принесёт нам вилку, пожалуйста?»

Приближался вечер. Подростки, умело сгруппировавшись, приняли решение поехать ночевать к нам. И мы вчетвером ринулись на электричку. Сначала там было хорошо и просторно, мы играли в «уно» и замысловато формулировали, кто как друг другу отомстит за игровое коварство. Потом народу стало столько, что мы утрамбовались в два раза и уступили место старику и старушке. У

меня на коленях сидел Третий Подросток и листал «Заставу на Якорном поле» задом наперёд. Мы все переругались, обсуждая кличку главного героя. Мы с Первым Подростком, который высовывался из-под сидевшего у него на коленях Второго в жёлтом плащике, словно кукушка из часов, говорили — Ёжики — через йо, а Третий настаивал, что Ежики — через йе-э-э. Прозвучали обвинения в адрес оппонентов и современного книгопечатания, а также категорические заключения об интеллектуальном уровне современной молодёжи и полной неспособности некоторых взрослых людей чувствовать красоту русской фонетики.

И тут сработал дед. Постфактум я догадываюсь: он среагировал на слово «Япония». Третий Подросток листал и листал книжку задом наперёд, и продвинутый Первый Подросток спросил:

— Ты что, по-японски читаешь?

Сидевший рядом дед вздрогнул и разразился лекцией о японцах, представителях жестокой, как он выразился, нации. Дед говорил как по-писаному. С подробностями и датами. Он помянул Цусиму и Пёрл Харбор, а также тамагочи — орудие диавола. На лице Первого Подростка отразилась искренность. Подросток явно готовился исчерпывающе высказаться по-японски. Поэтому мы стали играть в испорченный телефон. Это единственное, во что удобно играть, когда все сидят друг на друге. В итоге мы превратили «шла Саша по шоссе» в «шашни на пашне», а Агата чуть не свалилась на дедушку в благодарность за его лекцию.

Наконец соседи по скамейке с нескрываемым облегчением выпустили нас на свободу. «Девочки, — предложила я. — Мы можем поехать на общественном транспорте, а можем пойти по мосту». Видимо, это была внутренне правильная реплика: подростки единогласно проголосовали за мост. Первый и Третий немедленно вспомнили, как зимой прошли плотину за сорок шесть минут, и засекли время. Им хотелось рекордов Гиннесса.

Посередине моста, на фоне небывало прекрасного заката — синего и красного огненного горения воды и неба — они швыряли в реку деньги.

— Ура! — кричал второй подросток. — Я наблюдаю бульк! Я в это время наблюдала синие от вечерней свежести губы наблюдателя булька и думала о Макаренко. В этот момент Первый и Второй Подростки вспомнили, что идут на рекорд, ускорились и усвистели. Мы же с Третьим Подростком, тоже вполне заледеневшим, шли спокойно и пели песни военных лет. Обгонявшие нас велосипедисты вздрагивали. Дух Макаренко всё же пришёл ко мне на выручку, и я вместо «ла-ла-ла» и «трам-пам-пам» стала петь «не дубанул ли, милый друг». Из духа музыки родилось прозрение, и Третий Подросток быстро утеплилась. Когда мы подошли к концу моста, она сказала:

— Этот мост дал мне повзрослеть.

— В каком смысле? — удивилась не только я, но и вольнолюбивые Первый и Второй подростки, которые уработали мост за двадцать минут и ждали нас в сумерках у пешеходного перехода.

— Я не побежала за всеми. Я поняла, что мне холодно, и надела куртку. В конце концов, я не врезалась в столб!

Однако обобщать было рано. До дома оставалось ещё полчаса пешей ходьбы.

Повзрослев, Сашенька так обрадовалась, что стала танцевать свой фирменный танец — чачарас (ча-ча-раз-два-три!). Подруги присоединились. Так бы они и шли, танцуя, но тут Сашенька сказала: «Никто не может научиться чачарасу без меня. Я — гуру чачараса!» Возмущённые попыткой монополизации девочки стали импровизировать. Особенно импровизировала Агата. Она импровизировала спиной вперёд и вымпровизировала в столб. В следующий столб кинулась врезаться Сашенька — причём не спиной, вполне себе с открытыми глазами. «Ведь нужно же было спасти Агату от столба!» — так объяснила она свой поступок.

Но вот столбы кончились, а путь — ещё нет. Разговор постепенно перешёл на языки. Третий подросток — единственный, кому судьба отвесила французского — пытался обогатить Первого и Второго экспресс-курсом:

— Коман са ва, девочки.

— Come on, сова! Lets go shopping!

— Точно! В любой ситуации говори lets go shopping, не ошибёшься, — моментально реагировали они.

— Сомкнём ряды, кукушки! Сейчас нас всех задавит! — моментально реагировала я.

Попытка научить Агату спрашивать по-французски, какое сегодня число, привела к парадоксальным результатам. Она вычленила из незнакомой фразы сочетание «сомну жюри» и повторяла его раз за разом так твёрдо и решительно, что все понимали: да, стоит выпустить её на сцену — сомнёт. Любое жюри сомнёт. Асфальтовым катком проедет.

Так, сминая жюри и призывая сову к шоппингу, мы постепенно добрались до дому и стали надувать матрас. Подростки повалились на него, и я подумала, что квест закончен. Но долго, долго в ночи ещё раздавалось щебетание:

— Это твоя коленка?

— Вообще-то это мой лоб.

— А я-то думаю, почему коленка с носом.

— Что ты меня тыкаешь? Не тычь, а то денег не будет — примета такая! Древнерусская.

— Девочки, я ничего не вижу, и если кто-то из вас занял моё место, я сейчас всё равно туда лягу. Предупреждаю, с разбегу.

— Почему ты ударила меня пяткой в челюсть?

— Это была битва. Победила пятка.

— Всё равно надо говорить «победила челюсть». Даже если победила пятка.

Я проснулась в пять утра. Наверное, от счастья. Матрас сдулся. В провале посередине, размахивая во сне руками и ногами, кучно спали подростки, радость дней моих.

Список галлюцинаций

Коммуна ввосьмером шла по Аллее Любви группами и поодиночке. Мы направлялись на реку. Спички, жидкость для розжига, собака-самурай, шапка в виде Груффало — с нами было всё, что может понадобиться. Темнело.

— Ты понимаешь, что мы только что подписали шестерых человек и собаку на воплощение нашей галлюцинации? — поинтересовалась я у Дашки.

— Знаешь, это выглядит так, как будто мы подписали на воплощение нашей галлюцинации наши галлюцинации. Посмотри на них. Это же Кустурица!

Мы всей кустурицей шли пускать по воде венок. В нашей с Дашкой галлюцинации мимо огромных камней по абсолютно чёрной рельефной воде плыл венок, и пламя плыло над ним и под ним, освещая цветы и чёрные волны.

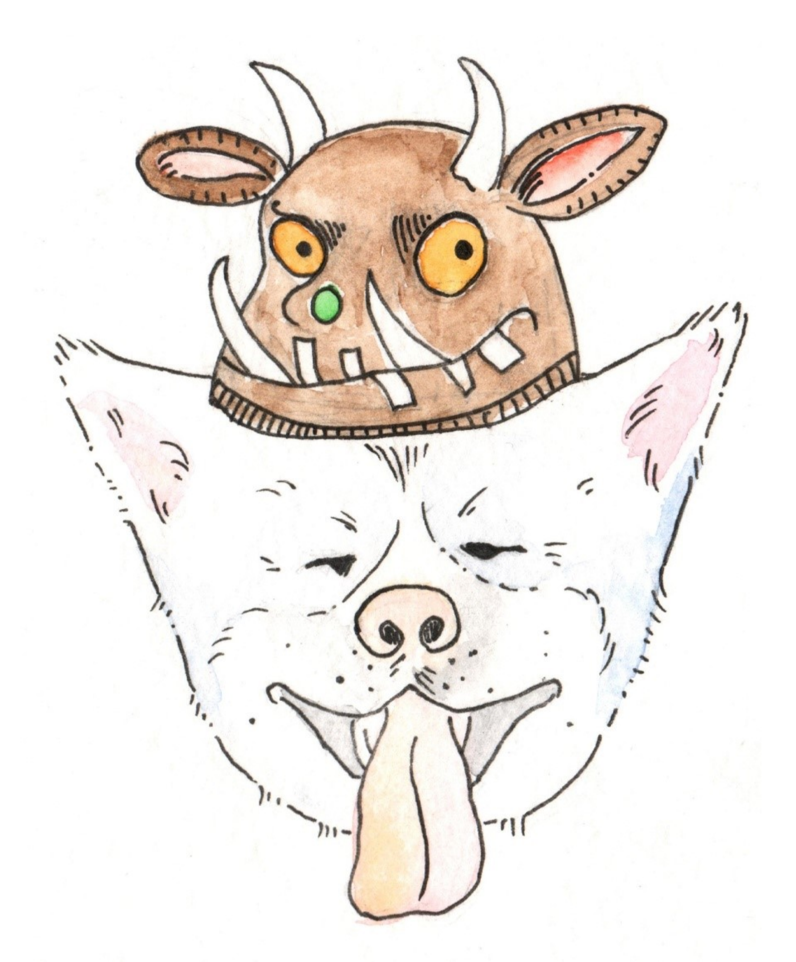
Венок сплела Сашка. Сначала мы собрали ей столько цветов, сколько вообще смогли (как оказалось, мало), а потом я стала просить Сашку изваять венок. Сашка отбивалась от меня ногами, потом сказала «плети сама, я проинструктирую» — и я сплела блин. Внутри блина просматривался намёк на пентаграмму. Я стала прятать блин под стол. «Он просто скромный!» — попыталась примирить меня с действительностью Дашка и надела моё творение на голову. Это выглядело так, как будто кто-то из нас ударил её сковородой — зелёной, с цветочками. Сашка вздохнула, села за стол и протянула руки к цветам.

То, что минут через тридцать лежало на столе, вообще не напоминало никакие кулинарные изделия. На ум приходило разве что словосочетание «архитектура барокко». Венок был великолепен.

Подошёл Кирилл. Он подал нам идею полевых испытаний. Минут десять мы гоняли венок по бассейну, потом стали собираться на реку. «Ничего, — доносились до меня разговоры мужчин. — Если от свечки будет слабое пламя, мы вот здесь укрепим фанерку, положим щепу, польём жидкостью для розжига...» Мы с Дашкой никогда так не галлюцинировали! Нам просто не хватало воображения.

Галлюцинация удалась. Венок плыл и горел. Пламя струилось вверх — в воздух — и вниз — в глубокие тёмные воды (примерно по пояс, но в темноте любая река глубже). Собака сидела на берегу в шапке Груффало (тоже часть галлюцинации), над водой не останавливаясь, как тень над темнотой, порхала внеплановая часть галлюцинации — летучая мышь. Когда мы уходили, она ещё летала.

Дорога обратно была полностью покрыта жидкой грязью. Наступила ночь. У нас было два фонарика на восьмерых.

Спасти ситуацию могла только бодрая песня.

— Не же-ла-ем жить, эх, по-другому не-же-ла-ем жить! Эх, по-другому ходим мы, по грязи ходим мы... — грянули мы с Дашкой — две отстающих кукушки. На этом моменте одна из кукушек пожаловала к жабе. Грязь жамкнула и поглотила Дашку, но потом подумала и отпустила её обратно к нам — грязную, но весёлую, весёлую, но грязную.

— Работники венка и колуна... Романтики с большой дороги!

Надо же было именно в этот момент оказаться на дороге запоздавшему грибнику-ягоднику. Ещё одна галлюцинация воплотилась в жизнь.

Были и другие. В один из вечеров мы с Агатой пошли доставать из машины продукты и с пакетами, с фонариками возвращались в дом. Глядим — а на чердаке знакомая личность Марты вырисовывается. И мы стали молча подавать ей сигналы фонариками из темноты — рисовать на воздухе световые круги. Она тут же взяла фонарик и стала сверху подавать световые сигналы нам. Мы крутили фонариками, пока галлюцинация не пришла к своему алогичному завершению — один из галлюцинирующих уронил на камни десяток яиц.

А лассо! Саша вращал над головой поводок собаки-самурая, картинно набрасывал его на столбы соседского забора, а мы кричали: «О мой ковбой!»

А «Финская полька» по рации! Я долго осваивала сначала идею рации, потом саму рацию. Но этим летом пришло понимание. По рации надо играть в «ёкарный бабай», то есть обмениваться репликами, связанными исключительно ассоциативной связью. Первая ласточка галлюцинации пролетела, когда мы заманивали Дашку пойти с нами за цветами для венка барокко, а она схватила рацию и прочитала оставшимся дома Сашкам Тарковского. И понеслось. Стихи, песни, коммунарские мемы летали туда и обратно. Когда Марта вспомнила финскую польку, я думала, что уже ничему не удивлюсь. Но вот это сочетание вечернего солнца, безлюдья, огромных букетов в руках и подростка, который говорит в рацию что-то вроде «Эле-патыхэле-патыхэле-пам-па, приём!» — это было выше ожидаемого. Гораздо выше.

Ещё одна галлюцинация настигла нас в середине августа. Точнее, это мы приложили немалые усилия, чтоб её настичь. Довольно небольшой, скромной кустурицей — шестеро и собака — мы погрузились в машину и поехали за грибами в сторону станции Подкаменная, игнорируя прогноз погоды. Гроза? Да ладно, это не над нами! За станцией, заросший кедрами, торчал кирпичный обелиск непонятного назначения метров в девять высотой. За ним в клубах иван-чая стояли разбитые и брошенные дома. Начиналась буря. Я стояла напротив одного из домов и не могла перестать на него смотреть. В чёрном окне висело два обрывка занавески, сквозь окно было видно другие дома. Я всё смотрела и смотрела — и тут занавески зашевелились. Они подавали мне знак. По нам ударил ледяной дождь, и мы уже готовы были побежать к машине, но пока занавески шевелились, я не могла сдвинуться с места. Я ушла, а галлюцинация осталась. Она ждёт меня там. Я ещё вернусь.

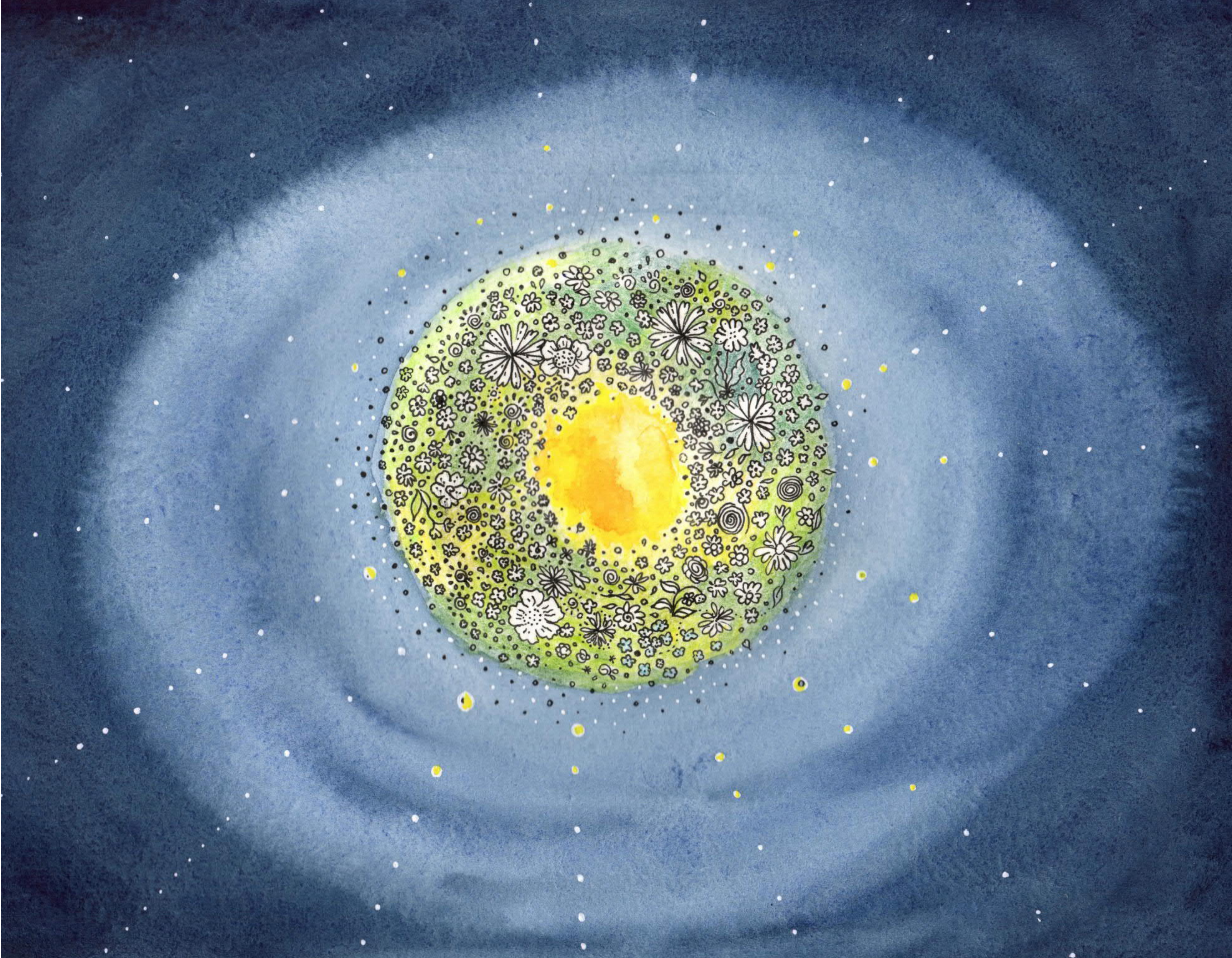
Потом, сразу после ливня, мы собирали грузди и рыжики — очень белые, очень рыжие, свежевымытые, и огромную чернику — каждая ягода размером с маслёнок, и маленькие маслята — каждый размером с черничину. Потом приехали Настя с Ильёй (он вырос до метра восьмидесяти шести и поёт Летова, и это тоже какой-то глюк!), и наши подростки организовали совершенно самостоятельное, отдельное ядро коммуны — с собственной гитарой, с песнями, с локальными шутками, с дикими воплями — всё как у нас, но, конечно, совсем иначе, потому что заново.

На следующий день мы собирались ещё раз съездить за черникой. Собирались вдвоём, но наш порыв был так красив и заразителен, что машина приняла на борт восьмерых человек и собаку. Илюша дрогнул, когда увидел рацию. Марта с Агатой дрогнули, когда услышали, что мест нет, а мы уже выезжаем. Сашка дрогнула, когда Луша установила с ней зрительный контакт и объяснила раз сто подряд, что хочет мороженого (черника и мороженое — это условно по пути, если не придираться, а бешеной коммуне семь вёрст не крюк). Настя дрогнула, когда я сказала ей, куда мы утрамбовали подростков (не спрашивайте, только не спрашивайте), и насильственно запихнула её на заднее сиденье. Она пыталась усовершенствовать своего подростка, спроектировав ему

дополнительную пару коленей на протяжении ног полутораметровой длины. Время от времени нам казалось, что у машины вот-вот выпадет днище (оказалось, не казалось).

Наступало время галлюцинаций. Пара железнодорожников встретилась нам у реки. У них были очень серьёзные лица. Кажется, они пытались сосчитать, сколько нас там, и понять, как мы туда поместились. Мы сработали как надо: только завидев железнодорожников, Настя с Ильёй немедленно грянули: «Едем-едем в соседнее село на дискотеку с своей фонотекой». Мы не знали слов, но подхватили как попало, и с песней из открытых окон проехали мимо ни в чём не повинных людей, бряцая днищем. Не знаю, чью галлюцинацию мы воплотили на этот раз, но Таёжный имеет шансы запомниться многим. Это станция, где машут электричкам; где тринадцать человек в одинаковых футболках поют на платформе, провожая четырнадцатого, где эльфийские уши приветливо трюх-трюх в любое время суток; где команда мечты едет на дискотеку с фонотекой и не стесняется об этом оповестить... Мы ещё остановились и спросили одинокого грибника-ягодника, не подвезти ли его. Он был благодарен, но лечь нам на руки отказался. Я только надеюсь, что это не тот же самый, который встретил нас ночью в грязях.

Потом мы переговаривались по рации, подростки съели столько черники, сколько в них поместилось, мы с Сашей обеспечили как минимум два черничных пирога — один имени Крепкого Хозяина, другой — имени Кукушки с активной жизненной позицией. Когда моя не очень вместительная тара наполнилась, я стала ходить и кормить дополнительной черникой подростков и подруг, потом, пока Саша подвязывал шнурком от кроссовка всё то, что у машины выпадало, мы фотографировались в образе миссис Клювдии — три миссис Клювдии в кадре и Марта, вся в чёрном, с чёрными от черники губами и чёрным фотоаппаратом. Собака извалялась в чернике и выглядела как белый тигр с фиолетовыми полосками. Лето продолжалось. В списке галлюцинаций оставались ещё пустые строки. Эле-патыхэле, приём.

Тайные знаки

Есть такое место на реке, куда сложно попасть. Несколько лет назад я выходила на железную дорогу с болота, злая, голодная, исцарапанная шиповником во всех возможных и невозможных местах. Я ходила за ягодой, но только устала и почти ничего не набрала, зато нашла маленькое и странное место, где время идёт иначе. Берег там такой крутой, что сидеть можно только в самой реке — на камнях-драконах, заросших самым зелёным на свете мхом, и смотреть на маленькие водопады, которые падают не вверх, а вбок. Поезда шли прямо над головой, но их шум смешивался с шумом реки и превращался в музыку — казалось, иногда можно было различить и слова. Я просидела там, как мне казалось, несколько лет и вышла взрослой и более сильной.

Этим летом я привела туда Марту и Дашку.

Мы даже не заметили, как возникла идея. От простого «давайте погуляем» до «наберём ягоды, испечём пирог», а от пирога — до «я везде уже искала краски, их нет — разве что вот на эту вот буйню не заглянула — эта буйня, между прочим, наш антикварный шифоньер — о, кстати, да вот же они, на антикварной буйне лежат как миленькие».

В общем, мы вышли в путь с шестью кисточками (на случай, если кто свою уронит в воду), красками, торбой для грибов и ведром для ягод. Экипированы были на все случаи жизни.

Мы долго бродили в свободном пространстве из солнечных пятен и смутных теней. В Дашкино ведёрко набрали жимолости, чудом дождавшейся нас — горькой и терпкой лесной жимолости, состоящей из концентрированных вечерних туманов и дыма костров по берегам маленьких рек. А в торбу — лесной смородины, самой прекрасной ягоды после княженики. На смородину у меня были планы, а из жимолости Дашка, как и собиралась, испекла пирог, в который забыла добавить сахара, так что дымно-туманный вкус сохранился честным, ничем не замаскированным.

Всё было как в тот раз, когда я открыла тайну реки, и если оступиться на берегу, то можно было одной ногой пожаловать к рыбе, а другой к жабе, так неотчётлива была грань между рекой и болотом. Размер комаров превосходил как наши пожелания, так и наши ожидания. Никем не собранная ягода свисала до земли, и её можно было обнаружить издалека по запаху, который чувствовался как не до конца зажившая царапина или смутно вспоминающийся сон.

Тут мы решили выйти на железную дорогу, пройти немного по ней, а затем кубарем скатиться в тайное место. На насыпи сидела весёлая женщина в оранжевом жилете.

— Возвращайтесь, девочки! Там посёлок есть! — сразу закричала она.

— Знаем! Мы сами оттуда! — обрадовались мы. Это, наверное, хороший знак, когда человек видит нас впервые — и считает своим долгом указать нам дорогу домой. Но мы не пошли домой, всё было впереди, так что мы нырнули с насыпи, как и ожидалось, не туда, но воспоминания в итоге привели меня куда надо. Водопады били вбок, камни-драконы подмигивали... Вот только посередине реки лежала здоровенная бетонная дура, упавшая с насыпи.

Мы сидели там, пока время не пошло иначе. А потом каждая выбрала место для небольшого тайного знака. Мы хотели запечатать это место, защитить его, спрятать его от всех. Краски проживут не больше года, а потом они исчезнут, и наши тайные знаки станут невидимыми, то есть будут работать ещё лучше.

Марта не была бы Мартой, если бы... Но она, как и ожидалось, была Мартой. Поэтому она выбрала бетонную дуру. Посередине реки. Чтобы нанести на неё знак и оправдать этим её существование. Мы с Дашкой тоже выбрали места. И мы справились довольно быстро, особенно я, потому что когда руки растут из мозга, поневоле станешь минималистом.

Мой знак был — половинное солнце неспящих, становясь луной, опускается в воды бессознательного. В солнце светился синий «дагаз», похожий на бабочку и знак бесконечности. Я сделала что могла.

Дашка изобразила Бога в виде улитки, исполненной очей (точнее, ока), которая сияет в звёздах, чуть ниже летят птицы, а чуть ниже восходит-заходит солнце, не такое корявое, как моё, но немного похожее на мировой пожар революции енотов. Оставив тайные знаки, мы наконец окинули взглядом маленький мир, который нас окружал...

Как и ожидалось, среди нас был человек, у которого руки растут откуда надо. Именно этот человек выбрал для тайного знака место среди потока. Бетонная дура оказалась так хорошо организована, что на ней нашлась даже ржавая приступочка для красок. Пока мы шли торной тропой пиктограммы, Марта двинулась непростым путём художника. Она стояла по бедро в воде и рисовала на этой штуке маяк в одуванчиках. Это длилось больше часа в том месте, где час равен году. Это длилось больше года. Иногда Марта вылезала на камень погреть ноги, а потом снова кидалась вглубь. Маяк казался мне идеальным уже вначале, но Марта знала, что она должна сделать всё как надо, иначе не заработает.

И оно заработало. Подросток нанесла последний штрих и стала выбираться к нам по воде, держа краски в руках, а кисти в зубах. Посередине реки светился маяк, и свет его шёл во все стороны сразу.

Не знаю, закрыли мы секретное место от чужих или, наоборот, открыли его своим — но мы осветили его: теперь там есть синее солнце неспящих, Дашкины звёзды и вселенская улитка и Мартин маяк, видный издалека.

Танцуя в обрыв

Подростки спелись — думала я по дороге на мыс. С серого неба капал серый дождь, под ногами была серая дорога, по бокам — серый лес. Серый Байкал виднелся вдали. В пяти шагах от меня на пределе громкости раздавалась Песня про Мозги:

Я тосковал по мозгам в минуты расставанья,
мозги являлись ко мне сквозь сны и расстоянья,
но несмотря ни на что, пришла судьба-злодейка,
и у мозгов внезапно села батарейка.

Но меня в этот миг волновала не батарейка, а строка «Холодный ветер с дождём усилился стократно». Это была не гипербола. Это была реальность, в которой мне предстояло выживать в течение дня с авторами развесёлой песни о мозгах.

Мне не в чем было себя упрекнуть. Вся в белом, на белом коне, с шашкой наголо (вычеркнуто), в сиянье славы и добра я еще с утра посмотрела прогноз погоды. Прогноз был мрачен.

— Кукушки! — тут же воззвала я. — Промокнем, замёрзнем. Давайте проведём время иначе! Заедем на дачу, заварим чайку и будем играть в «сад расходящихся дорожек».

— Вот уж хрен (вычеркнуто). Ну уж нет, — немедленно отозвались подростки. — Шторм, гроза, что может быть прекрасней, мы будем стоять на берегу пустынных волн и зырить на стихию.

— Подростки, да вы часом не попутали поэмы Байрона — вычеркнуто — аниме с жизнью? — успела поинтересоваться я, но стихия в лице дожделюбивого Мартына и протестного Жирафона уже повлекла меня на Байкал.

— Ну вот, солнышко! — ликовали подростки, вылезая из электрички в жизнь. — Какое оно... непроглядное!

Под непроглядным солнышком мы двинулись на брег. «Холодный ветер с дождём усилился стократно», — примерно в пятый раз голосили подростки. Их искусство отражало клубившуюся над нами климатическую реальность. Мы шли на мыс. Вокруг было абсолютно. Абсолютно безлюдно в том числе. Не мы одни заблаговременно поинтересовались прогнозом погоды, но все остальные явно сделали из него не столь парадоксальные выводы.

Холодный ветер с дождём усилился стократно. Мы нашли место на обрыве. Взгляду открывалась пара далеких гроз, дымка дождей, синева гор, прекрасный вид на мраморный карьер и клочок чистого неба над болотом. Обсудив перспективу переместиться на болото, мы решили избегать лишних движений. Я как идеолог прогулки решила, что мы уже достаточно промокли для смены формата.

— Давайте больше не будем называть происходящее прогулкой. Будем считать, что выбрались на пикник под дождем. С самого начала хотели, мечтали о нем. Прогноз смотрели с трепетом, на ливень — надеялись, солнечные дни — проклинали. И вот всё сбылось, да? Да?! Еда, кстати, у кого-нибудь есть?

— Почему никогда не получается эпично расстегнуть рюкзак? — вздохнула Жирафон Сашенька и расстегнула его лирично. Дождь осенял наш пикник драматично, деревья качались и шумели, вдали гудели поезда. Жирафон достала гаджет. Эта строка написана слезами и кровью, эти слова кочуют из одной коммунарской истории в другую, и внутренняя цензура не позволяет летописцу промолчать: подросток достал гаджет. Подросток достаёт гаджет под тайским тропическим ливнем. Он не расстаётся с гаджетом, опаздывая на поезд в Пскове, скатываясь с водной горки в питерском аквапарке, третий час кочумая на маршрутке в Бурятию. Уши подростка заткнуты наушниками, глаза повёрнуты вовнутрь монитора. Жирафон достал гаджет. Гаджет немедленно стал источником информации и музыки.

— Нам сейчас послышалось, что ты поёшь матерную песню, или ты поёшь матерную песню?

— Вообще-то я пела «пёрпл ламборгини», но не очень получилось.

Мы так и сидели на обрыве на деревянной изогнутой скамейке. Гора была бела, как мытая собака, и на неё светило солнце, а рядом над горами шли дожди, а там, где прошли дожди, восходили туманы… Игра теней, неоднородная вода — часть волнуется, часть спокойна. Всё сразу было.

Жирафон танцевала в направлении обрыва. Это была чудесная пантомима, изображавшая богатую событиями и трагическую жизнь подростка, месть однокласснику и последующее злорадное ликование: она экспрессивно танцевала, что продала его почку и считает вырученные деньги.

— А совесть? — спросили мы. — После того, как ты всё это с ним проделала в танце, тебя ведь начинает мучить совесть? И ты сейчас станцуешь нам и это? Ты только не танцуй в обрыв, то есть танцуй, танцуй, но не настолько!

— Ни! За! Что! — решительно ответила Сашенька и продолжила танцевать мстительную радость. Тут прилетел шмель и начал кружить. Он явно был водолюбив, я прямо слышала, как он булькает жаброй, огибая капли в воздухе. Сашенька стала бояться шмеля и уклоняться от него, и тут-то мы и поняли — это перфоманс. Шмель прилетел воплотить запоздавшую совесть, и ему удалось. Шмель жужжал и преследовал, как совесть — так танец Сашеньки над обрывом стал историей, по экспрессии почти равной «Преступлению и наказанию».

И мы гуляли под дождём, ели огурец под дождём, обсуждали френд-политику под дождём, пели песни под дождём, эпично, лирично, драматично, романтично, иронично, логично и алогично спаковывали и распаковывали рюкзак. Мы навестили лотосовое озеро. Кувшинки не закрылись от дождя. Они были ослепительно, сияюще белы! Белы, как мытая собака.

И мы сидели на берегу, мы брели, мы ехали, подростки слушали музыку, дождь шёл, подростки рисовали, электричка с запотевшими окнами выстукивала в темноте «ту-тук, ту-тук» от станции к

станции. Глубокая. Источник. Родниковый. Сосновый. Медвежий. Трудный. Нас ждал нетопленый дом, блуждание в потёмках, дождь в волосах, экстренная сигнализация, залезание в окно, долгая ночь, доброе утро. Счастье.

Рога и корсеты, или Эльфы курильщика

Повесть нашего лета была прочитана ровно наполовину: налево легли зелёные листы, все в пометках одуванчиков, направо — солнечные, хвойные, ягодные страницы, размытые дождём, летящей в лицо байкальской водой и шампанским с великой коммунарской вечеринки.

— Давайте сделаем эльфийскую фотосессию!» — воскликнула Сашка.

— Уши — две пары... Или три? Подросткам — эльфийские платья. Диадему закажу... И гномий костюмчик для Луши. Они будут сидеть во мху, это так красиво! Лучи солнца будут еле пробиваться сквозь густую листву и играть на длинных волосах.

О эльфийская фотосессия, прекрасная и неизбежная, о танцы эльфийских девушек на закате, о маленький гномик среди белоствольных берёз! Сашка манила нас ушами, и мы поверили ей.

Неудивительно, что в день фотосессии, когда лето уже давно перевалило за середину и спешить было куда, мы обнаружили, что Сашка не готова. Заказанные ею ювелирные уши ещё не осуществились, так что она решила не будить лихо, пока не имеет возможности декорировать его правильными ушами, и не приехала. Но мы-то были в сборе! И мы были готовы ко всему.

Я позвала Дашку. Дашка позвала Навку. Навка привезла золотой корсет и балетную пачку. Марта отвинтила рога. Эльфийская фотосессия и рога были созданы друг для друга. С шестидесятых годов они работали вешалкой в нашем доме, и вот их час пробил. Рога, правда, отказывались торчать под нужным углом и торчали под ненужным. Они частично опадали с головы и больше всего на свете походили на косички Пеппи Длинный Чулок. Ну, вы понимаете — косички. Только рога. Иногда они мягко ложились на плечи, а порою пытались бодриться.

Так или иначе, рога у нас были, и этот факт нельзя было игнорировать. Не было ювелирных ушей, диадемы, эльфийских платьев, лучей солнца, красивой Агаты и гномика Луши в сени белоствольных берёз. Но вообще берёзы были. Ещё были рога, корсет, балетная пачка, игрушечный ждун в розовой юбочке, глумливый подросток и три взрослых женщины без малейших признаков адеквата. «Используй то, что под рукою, и не ищи себе другое», — именно так учил нас в детстве Филеас Фогг, именно так мы вышли на тропу войны... То есть эльфийской фотосессии. Тропа вела к скале на вершине местной горки, но мы вступили на неё не сразу. Сначала надо было размяться.

На утро мы наметили завершение арт-проекта «Стол». Мы собирались расписать его именами и фамилиями тех поэтов, писателей и литературных героев, которых каждая из нас готова была взять в свою команду. Ну, вдруг понадобится спасти мир. Куда же мы тогда без энтов, Китса и Карен Бликсен, а? А так можно будет выломать столешницу и собрать народ по списку.

С утра мы дискутировали, потому что стол, даже разделённый на четыре части, всё равно вызывал множество вопросов. Кто такие потерчата и что они тут делают? Что значит Чуя Накахара, кого-кого чуя? Как правильно написать Вяйнемейнена? А Лемминкяйнена? Что будет, если нам действительно придётся спасать мир в компании шекспировского Калибана, и как он уживётся с Берти Вустером, и к кому в команду пойдёт профессор Снейп? Мы почти уже подрались из-за профессора, но тут Дашка сделала действительно сильный ход. То, что она написала, выглядело так: «Корча К».

— Что это, Дашка? У нас тут только одна К, и это я. Что ты имела в виду?

— Януша Корчака! Вы что, собрались спасать мир без него?

— Януш Корчак — это одно. А корча К — другое. Как ты могла, Дашка, это же несмываемый маркёр! Твой несмываемый маркёр — мой несмываемый позор!

Пока мы обсуждали корчу, погода, как всегда и бывает в дни торжества коммунарского духа, неуклонно портилась. Надо было спешить.

Дашка надела пачку и села на бочку. Навка надела корсет и спряталась в том районе, где покоились остатки теплицы, — в глухих ревенях. Кирилл зашёл посмотреть, увидел Дашку на бочке — и помрачнел, увидел стол — и задумался. Марта надела рога и распустила ярко-красный хаер, собака Тайга всеми способами выражала свою преданность нам и принять в дар пищу любого качества в любом количестве, а К., стараясь не явить подругам корчу, достала фотоаппарат... Эльфийская фотосессия началась.

Эльф курит у забора, поправив свисающий рог. Три эльфа верят, что проржавевший жёлоб не рухнет им на головы. Эльф, сохраняя благородное достоинство движений, с трудом выпутывается из малинника. Эльф лелеет ждуна. Эльф понимает, что рога обвисли. Драпирует зелёный скотч на рогах цветами и травами. Зубами придерживает рога, в экстазе прислоняется к поленнице, скачет по скале, одетый в пачку, и только в пачку, мерит корсет ближнего своего, валяется в лиственничной хвое и, наконец, коллективно взмывает к небесам.

«Что ж, это были эльфы курильщика, — сказала я, когда немного отлегло. — Вот приедет Сашка — с ушами, с диадемами, с длинными платьями — и будут у нас эльфы нормального человека!» Сашка приехала осенью, и у нас были эльфы курильщика — часть два. Но это уже совсем другая история.

Ответ онсенам

Лето на исходе — значит, пришло время снова поехать в Бурятию. Рецепт был беспроигрышным. Есть вещи, которые можно повторять много раз, и от этого они не становятся хуже. Поездка в Жемчуг — одна из таких вещей. Странная совокупность простых удовольствий разного уровня не подводила ещё ни разу: бассейн с горячей минералкой на открытом воздухе (вот он, наш ответ онсенам), чебуреки с сыром — монструозно огромные символы изобилия, галлюциногенные горы, Иркут и река Харагун, к которой у меня особые чувства. Сколько написано о Петербурге или Москве, а мои любимые — Кедровка, Тулдунь, Безымянка, Ирокинда, Таёжный, река Бугатай, река Харагун — скажет ли кто о них? Уверена — это нужно, не знаю зачем, но мне нужно сказать о тех, о ком никто не скажет, перевести их в слова, дать им это измерение жизни. Я должна сказать, я скажу: мозаичная поверхность Иркута — хаки и серый, как будто длинная, спокойная рыба арапайма плывёт и плывет, занимая всё русло, и ей не надо воды — она сама вода, многослойная нематериальность гор, туман и синева опускаются на Тункинскую долину.

Знаки с самого начала были благоприятны. В Култуке мы зашли в столовую. Её стены были украшены ожидаемыми фотографиями Байкала (и, тоже вполне ожидаемым, поясным портретом местного участкового). Некоторые, участковый включительно, были вполне ожидаемо подписаны: «Ольхон», «Бухта Песчаная», «Иван Петрович»… Но с одного фото свисала полуоторвавшаяся надпись, которая надолго меня заняла: «Вид с горы Катька Дура». Давно меня вот так прямо в лицо не оскорбляла деталь интерьера. Вдохновившихся Катькой Дурой добивала реклама шаурмы: «Наша шаурма окутана любовью, потому что она завёрнута в loveаш». Loveаш вкупе с портретом участкового и Катькой Дурой высотой 3050 метров сливались в неповторимый ансамбль. Знаки были благоприятны, путешествие как будто обещало дать нам возможность познать жизнь, как мы

её ещё не познавали. Так и получилось. Мы попали в град, а град попал в нас. По дороге видели огромный глаз, вырезанный на воротах, и странное животное в лесу — может, чупакабра, или капибара, или пластично двигающийся оживший корень...

Как все, кого ведёт по жизни левая пятка, в самый последний момент мы забронировали комнату в гостевом доме «Шантарам». Или «Шандарах». В общем, в самом дешёвом из возможных мест, поэтому были готовы ко всему. Наше всё, правда, не предусматривало, что на гостевом доме нет вывески. Телефоны не работали. Квест явно входил в стоимость проживания.

Мы заходили во все дома подряд — никто не знал, где находится «Брандашмыг». Некоторые ещё спали, но просыпались и вступали с нами в беседу. Нам предлагали чай и моральную поддержку, говорили, что мы не первые, кто ищет «Шляпендрон», но нашли ли его наши предшественники, неизвестно, потому что никто из них не вернулся и ничего не рассказал. Мы обнаружили улицу Харагунская и немедленно полюбили её, потому что я готова полюбить всё, что названо в честь реки Харагун, а после бесплодных поисков «Драбадана» я была готова полюбить что угодно. Побеседовали с чудесной старушкой и полюбили её настолько, что в следующий раз решили уже жить у неё, а не блуждать бесплодно в поисках «Прибабаха»...

В общем, мы нашли его — на отшибе, за железным забором. Возможно, это был и не он, но нам было уже не важно. Из потрёпанного жизнью здания вышла чудесная бабка повышенной угрюмости. Это был архетип бабки, эталон, золотой стандарт.

— Здравствуйте! — выдохнули мы. — Это гостевой дом «Гондурас»?

— Да, это мы. Чё надо? — мрачно ответила бабка, и мы немедленно полюбили её, потому что не видели альтернатив.

— Мы бронировали комнату. На Букинге.

— Что такое Букинг? — ещё мрачнее спросила бабка, и наша любовь усилилась настолько, что её стало довольно трудно выносить, поэтому мы занесли в комнату рюкзаки и пошли купаться в минералке.

Минералка на этот раз была имени Конька-горбунка. Один бассейн был с водой студёной, а другой с водой варёной. Третий — ну, не с молоком, но кипело кипятком. После кипятка мы доползли до воды студёной и, вяло колыхаясь, констатировали, что царевичем никто не стал. Стены этого бассейна были покрыты надписями, в основном географического характера: Шеньян, Магадан, Сусуман, Ханчин, Хабаровск, Ноябрьск, Петербург... И среди них скромно выцарапано — Асгард. Мы напряглись. Неужели сам Тор булькал в этом бассейне? Я стала приглядываться к окружающим. Наибольшие подозрения вызывал чувак с бородой и учительским пучком на бритой голове. Пучок состоял из дредов, но всё равно напоминал о советской школе. «Может, в Асгарде сейчас так носят...» — подумала я, и тут меня сбил с ног мальчик.

— Эй, Маракас, куда прёшь? — крикнул ему друг, и отблеск Асгарда упал на наши лица. Ас Маракас — что может быть лучше?

Вечер был посвящён старушкам. Я нашла самый грустный магазин на свете — у открытой двери с выцветшей вывеской на крылечке сидели две бабушки. За дверью было темно. Там не было ни света, ни товаров — сплошь пустые полки, но он был открыт. Это был мой единственный шанс скупить весь магазин — то есть то немногое, что в нём всё же обнаружилось. Провожая меня с крыльца, старушка говорила: «Вот спасибо, выручила». А у мрачной бабки в гостевом доме обнаружился белый шкафчик архаичной конструкции — на нём стояла Зелёная Тара с двумя здоровенными мисками подношений, а прямо под Тарой — коллекция дамских романов — штук сто с названиями типа «Зов любви», «Весть любви», «След любви», «Путь любви», «Год любви», в общем, всё любви — чуть ли не «Чебурек любви» и «Таракан любви», но когда наверху, над длинным рядом этих книг, Тара уже спустила зелёную ножку, чтобы бежать на помощь тем, кто в этом нуждается, книги выглядят иначе — любовь выглядит иначе.

Мрачная бабка, хранитель гостевого дома, оказалась нежным ангелом. Она топила печку, чтобы мы не замёрзли, выставляла к печке стулья, чтобы развесить на них купальники и полотенца, предлагала чай с мёдом, давала хорошие советы (действительно хорошие). В микрокомнате окно

открывалось внутрь и в открытом виде занимало собой полкомнаты. За окном лил дождь, так и лил всю ночь то громче, то тише. Под окном, на стенке, обнаружилось художественное высказывание, сделанное красной помадой: на мой взгляд, это был циклоп, хотя, возможно, чебурашка или муха-мутант — она приветливо смотрела на меня сквозь ночь одним глазом, я просыпалась, засыпала опять и утром почувствовала, что помолодела.

Медленно, под проливным дождём мы двинулись. И тронулись. Тут хочется поставить точку, но не надо — мы двинулись и тронулись завтракать, гулять, купаться в минералке, а сами по себе мы двинулись и тронулись уже давно. В кафе «Мессалина» (а может, «Мандолина»?) мы зашли из умиленья и поржать. Оно отличается тем, что какой бы напиток человек там ни заказал, ему обязательно нальют немыслимое, что с ним делать — непонятно, но пить немыслимое нельзя. Вот мы зашли поинтересоваться, не попрали ли они традицию. Кое-что действительно изменилось: кафе «Прозерпина», стоящее рядом с нашим ответом онсенам, стало, оказывается, нашим ответом дорамам! Там работали два мальчика и девочка. Один, улыбаясь как кинозвезда, принимал заказы, на нём была бандана, на бандане — высокое синее небо. Второй выглядывал из-за занавесок, а потом снова прятался за ними (наверное, в этом была концепция или хотя бы этому была причина). Девочка в красной футболке и красной головной повязке ходила между столиками, даже не подозревая, что превращает происходящее в кино одним своим присутствием. Мужик в кирзачах немного выбивался из стилистики, но, видимо, был нужен по сюжету. Мальчик из дорамы немедленно принес нам немыслимое. Это был капуччино без молока, и только стадо коров обескураженно мычало за окном. Вкус был настолько аутентичен, что я потеряла лицо с первым же глотком. Традиции сохранились. Зато именно там, в «Скарлатине», мы окончательно раскрыли тему любви, встретившись с побратимом loveаша — соусом чили «Любимый бегемот».

Час спустя мы снова сидели в тёплой минералке под холодным дождём. Капли, отталкиваясь от воды, так высоко подпрыгивали, что под определенным углом можно было увидеть, что дождь идет вверх. В поле моего зрения все были счастливы. Влюблённые носили друг друга на руках,

многодетные отцы купали детей пачками, иногда прихватывая чужих, старики держались за руки, осторожно спускаясь в воду, подружки болтали, сидя на бортике. Все были некрасивы, и от этого было легко. Избытки, недостатки, синяки, морщины выглядели как есть — просто фактом жизни, неважным на фоне самой жизни. Хорошо было всем. Может, для всеобщего счастья просто нужно больше бассейнов с минералкой?

За гатью — гать

Дня три мы склоняли Усть-Камурастуй. Сначала не могли выговорить, потом просклонять... Камурастуй — название ручья и артикуляционная проблема. А если учесть, что существуют ещё два ручья с названиями Камур-Ясдо и Камурястый, и у каждого по несколько вариантов написания и произношения... то десять отличий не найдено и тридцать три корабля точно не вылавировали. В общем, решительно собрались туда, невзирая на топонимический троллинг и проблемы с дикцией. А на скальники Олхинского плато в этот раз решили не ходить, это у нас как-то криво получается. Я напекла пирожков: поход с пирожками — совсем другое дело, чем поход без пирожков. Завербовала подростка — я всегда говорю «пошли с нами, там такая красота», и она верит, а потом говорит, что впредь как только услышит про красоту, сразу будет отказывать в грубой форме, возможно даже пнёт. Но раз за разом соглашается — юна, наивна. С нами увязалась собака Тайга — она не знала, что мы собираемся ходить целый день, и тоже жестоко раскаялась, когда было уже поздно. Время от времени собака убегала, и мы начинали орать: Тайга! Тайга!», стоя как раз в тайге. Выглядели так, как будто просто не можем молчать и сейчас заорём: «Ручей! Ручей! Бревно! Бревно!»

Сначала мы познали гать и всё хорошее, что можно о ней сказать: что это не повелительное наклонение, что наша задача — не ударить в гать лицом, что возможен призыв «Ой ты гать еси, добрый молодец», побуждающий добра молодца обеспечить переправу беспечным кукушкам, что за гатью — гать...

— Под гатью топь, над топью гать, — пыталась идеально сформулировать Дашка, но проблемы с дикцией как начались с Камурастуя, так и не покидали нас до самого конца. «Над Катью топь, под топью Кать... я иду искать!» — так прозвучала её идеальная формулировка, и мне ничего не

оставалось, кроме как пожаловать к жабе — такова сила слова, подкреплённая фирменной вестибулярностью.

Мы шли ольховыми коридорами, узкими, зелёными, уходящими вниз, маленькая рыжая собака выглядела как идеальная лиса, из леса махали энты, под ногами росли грибы. «Не будем торопиться! — говорила Дашка. — Мы идём хорошо. Давайте время от времени задаваться вопросом, хорошо ли мы идём. И отвечать себе: мы идём хорошо». Мы шли хорошо. Ольховые коридоры сменились колоннадами сосен, мхи были зелены, грибы изобильны. А вот цели мы достигли наполовину. Камурастуй — да, Усть — нет. Мы стояли на берегу среди нестерпимой яркости. Камурастуй был как крепкий-крепкий чай — ярко-тёмно-солнечно-коричневый. С берега на носочках сходили в воду жёлтые цветы. Вокруг торжествовала царская, королевская, беспросветная грязь. «Мы успели! В гости к жабе не бывает опозданий!» — с брутальными интонациями Высоцкого произнёс Кирилл, и мне ничего не оставалось, кроме как пожаловать к жабе снова.

Мы не дошли до места, где ручей впадает в Большую Олху: один из нас сказал, что не для того он на свет родился, чтоб вот в этих вот кроссовках идти по колено в грязи, а потом ещё одиннадцать километров обратно с ней же в тесном контакте (и это была не я, я-то давно уже была в тесном контакте). Поэтому он предложил нам пойти другим путём и выйти на станцию Санаторный — когда-нибудь, в перспективе. Мы любим перспективу, поэтому немедленно согласились. Кирилл посмотрел на карту и сказал: «Вот это зимняя дорога, а это летняя. Мы напрасно ринулись на зимнюю. Пойдёмте по летней!» Это был красивый момент — развилка времён года, выбор между зимой и летом... Мы пошли по летней. И лишь намного позже Кирилл смущённо признался, что он напутал, всё это время мы шли по лыжне! Такое у нас лето — вроде выбираешь его среди прочих сезонов, выбираешь, а всё равно лыжня тебе, товарищ.

Количество грибов зашкаливало. Лозунг «Скажи наркотикам нет» был среди нас очень популярен, только наркотики заменяло собирательство. Маслята росли группами штук по тридцать,

подосиновики все до одного можно было отправлять на конкурс красоты, мельчайшие волнушки утопали во мхах... За час мы прошли четыреста метров, почти не разгибаясь. У меня была с собой спецторба, и казалось, её хватит на любые урожаи... Но тут пошли белые. Сказать им «нет» было нельзя никак.

— Я себя Щорсом чувствую! — сообщил Кирилл, в очередной раз кидаясь к нам на крик «Белые!»

— Вы тоже это заметили? У нас то белые, то красные!

— Почему ты призываешь нас сказать грибам нет, а сам в это время неудержимо собираешь?

— В первую очередь сказать нет должна Катька. По-моему, она их прямо из кармана достаёт.

— Не пускайте её в лес! Она ещё чего-нибудь найдёт!

Белые были хороши, красными тоже нельзя было пренебречь. И тут пошли чёрные грузди — в этом раскладе они, видимо, представляли анархию. Все ёмкости были забиты грибами. Собака Тайга втайне думала, что лично она свою миссию выполнила уже часа три назад, и где же вознаграждение за перевыполненное? Я думала: «Здесь такая красота». Подросток думала: «Ещё раз скажут про красоту — сразу в буй пошлю».

Тут выяснилось, что куда бы мы ни пошли, а проект «Рандомные скальники рандомного плато» по-прежнему с нами — и теперь, куда бы мы ни пошли, скальники неизбежны. Хотели леса и ручьёв — получите скальник Олхинского плато. Мы вышли на Камень Шахтай, прошли сквозь заросли рябины и полезли вверх. Все леголасили по камням, а мы с Тайгой ползли по ним же, я — потому что фотоаппарат и вестибулярность, Тайга — потому что упитанное коротколапое животное. Иногда я подсаживала Тайгу, иногда она меня.

Наверху было по-великански. Человеческие силуэты казались совсем маленькими, а Тайгу вообще нельзя было отличить от мухи. Леса клубились до горизонта, сквозь них шли тёмно-синие провалы дорог. Вдалеке виднелась скала Белая Церковь, давний объект моих смутных желаний. По

ней сразу было видно, что там такая красота, такая красота... «Вы от меня теперь курятиной не отделаетесь! Будете балык подносить и лапки массировать», — вздохнула Тайга.

— Инда поскакы! — сказал Кирилл вдруг. Это был призыв успеть на вечернюю электричку.

— Что за язык? Инда-европейский? Праэльфийский?

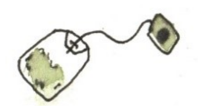
Грамматика народа-ушеносца стала предметом обсуждения. Наверное, именно научная дискуссия помогла нам сохранить вертикальное положение, успеть на электричку и даже успешно затащить туда собаку. На собачьей морде было написано, что мы теперь должны сделать её владычицей морскою, а моральный ущерб оплатить не сможем никогда.

Усть-Камурастуй временно остался в списке непознанного, где и без него было так много пунктов, что остаток лета казался ещё короче. Зато мы познали гать, и ольховые коридоры, и скальник, и полчища белых, и грамматику народа-ушеносца. Они пополнили список познанного, где и без них было столько пунктов, что прожитое лето казалось ещё длиннее.

Пласты жизни

Мы внутри одного из пластов жизни. Остальные ускользают. Но они посылают вести — смешные и грустные, так мы хотя бы знаем, что упущено. В этот раз мы упустили город. Его сложно терпеть летом, но мы пытались. Сидели на открытой веранде, на серых диванах, пили апероль-шпритц из гигантских бокалов, смотрели, как тает лёд в оранжевом. Прилетала пчела, садилась на ухо, как украшение, ветер развевал занавески. Кирилл рассказывал о судебном процессе: если человек везёт с собой тараканов, покупать им один билет на всех или на каждого таракана отдельно? Вопрос решился в суде. Обилеченные тараканы стали героями коммунарского фольклора, видимо, навеки.

Дашка описывала страусов из галереи в Урбино: «Это были прекрасные страусы — как птеродактили. В центре картины был Эдем, населённый живностью. Страусы располагались по углам, и по их лицам было видно — они шли долго. Мы на второй день в Урбино так и выглядели, как эти страусы — искусство вошло в нас и не вышло».

Сидели в каких-то дворах. Гуляли по берегу закатной Ангары. Смотрели, как всё отражается во всём. Как в детстве, стояли в очередь на колесо обозрения, которое нынче называется «колесо познания». Читали надписи на футболках. Наверное, это был тайный флешмоб про футболки с надписями. Мне навстречу попались «Losing is nothing, silence no more», «Mentally somewhere else», «I'm living in the future so the present is my past my presence is a present kiss my ass» и — это, должно быть, первая строка гимна прокрастинаторов — «Just do it later», она же и последняя.

Бродили по берегу Иркута. Стрекоза с прозрачно-золотыми с алым пятнышком крылами сидела на Дашке. Дашка была печальна, и мы решили опечалить её так, чтобы прежняя печаль померкла. В помощь нам прискакала белка, удивительно хищная. За орехи она пела, танцевала, декламировала

«Евгения Онегина», целовала руки, сидела на плечах, а потом дала мне пощёчину хвостом и ускакала красиво, но у нас были ещё орехи, поэтому сразу прискакала назад. Я фотографировала солнечную дорожку на воде. Больше всего фото Иркута на закате походило на УЗИ во время беременности.

Подростки тем временем длили своё интенсивное существование отдельно. Ночевали в гостях, пытались съездить на конюшню, а потом отправились на фестиваль косплея. Марта вернулась с видео, с рассказами, с очередными ста томами манги — и мы снова почувствовали пласты жизни, которые рядом, но ускользают. Для начала она рассказала, как пятеро девушек косплеили фей Винкс (у кого несколько лет назад был небольшой ребёнок-девочка, тот рыдает, остальным лучше не углубляться). Они танцевали на сцене в минималистических одеждах с крыльями за спиной, но по сюжету там ещё должна была быть старушка-директриса Фарагонда. На эту роль одна из фей пригласила своего парня. Он с блеском сыграл старушку, а потом, как был, в серой юбке до пят, на сцене сделал девушке предложение со словами «И, надеюсь, ты больше никогда не заставишь меня участвовать в аниме-фестивале!» Мы ни за что не смогли бы представить, что такое бывает, что оно совсем рядом, что белый свет ни на чём не сошёлся клином хотя бы потому, что клиньев не хватит — прекрасного слишком много. Нам предстояло увидеть на Мартиных видео человека в накладной голове дракона — с люминесцентными зелёными глазами, раскосыми чуть более, чем полностью, и зелёными перьями. Под накладной головой красовалась футболка с надписью «ГрОБ» и лицом Егора Летова.

Звездой косплея было что-то вроде гигантской костюмированной сколопендры — она танцевала и издавала лапками некоторый звук. Костюм сколопендры стал Дашкиной мечтой. Ей почему-то показалось, что это существо воплощает свободу и естественность, не говоря уж о красоте. Фантазиям Дашки о том, как она появляется в ростовом костюме фиолетовой сколопендры практически повсюду — в лесу, в дачном посёлке и, конечно, на работе, ещё предстояло стать частью нашей жизни.

— А теперь... угадайте кто? Вы точно их знаете!

Мы сильно мучились. Девочка с дубинкой не то преследовала, не то соблазняла мальчика, который не то сопротивлялся, не то поддавался, а потом сложил бумажный самолётик, запустил в зал и взял девочку на руки. Это была настоящая страсть, но чья именно, мы догадаться не могли. «Да это же Телеграм и Роскомнадзор!» — снизошла Марта. Это были они — пласты жизни.

Наш собственный пласт тем временем всё утончался. Опавшие листья легли на дороги. Пух иван-чая сбился от дождя. Темна вода в глубоких колеях, по ней бегут собаки, от собак летят брызги. «Ты снимаешь эльфийские уши, стоя лицом к стене, и я слышу, как твои уши тревожно шуршат в тишине...» Мы многое успели напоследок: испекли пирог с четырьмя видами ягод, засунули ноги в таз с кедровым кипятком, медитативно сходили от станции Трудный к скальнику Витязь и обратно, встретили ангела на станции Орлёнок…

Лазили по крыше, с которой видно звёзды, искали в лесу зимовье, раз за разом подставлялись под благословенье старика мицелия и не успевали обработать его дары. Дашка обнимала вазон с маслятами и тащила его вдаль. Я пропагандировала репу: репа — сибирское манго! Развили конспирологическую теорию о сговоре писателя Солоухина с эльфами. Обнаружили в доме нового любимца — паука размером со спичечный коробок с лицом инка на спине — и смирились с его существованием. У нас был костёр закрытия сезона, и мы пели, а собаки сидели у огня и вглядывались в темноту. Кто-то поставил рядом с нашей тропинкой пять золотых цветов, и мы нашли их утром как последний привет лета.

А потом пришла осень. Она была ещё ненастоящая, сама себе предчувствие, с утра шёл слепой дождь, я сидела на сосновом чурбаке, а он мне капал и сиял. Лес выглядел как комната, из которой всё вынесли — пустым, спокойным, чистым. Я смотрела, как на осине дрожат листья — каждый лист дрожит отдельно, и каждая ветка отдельно от них, и с радостью видела, что лес похож на комнату… В ней всё как было, вышла только я.

Я смотрю на место и время, где меня больше нет, и, оглядываясь через плечо на ушедшее лето, понимаю, что жалеть не о чем.

Лето

Простые радости лета

❅ Зайти в лес. Наблюдать эпическую битву оводов с клещами за обладание мной. Впервые в жизни понять Елену Прекрасную.

❅ Сидеть в середине ветра, смотреть, как гнётся трава.

❅ Найти дневник японской поездки позапрошлого года, читать его, обнимая лысую особь кота, нагретую солнцем.

❅ Планируя роспись уха хной, понять, что «роспись уха» звучит не намного лучше, чем «пир духа».

❅ Выяснить, что Щербаков всегда поёт вовремя: то «виноградное варенье, анашу и барбарис», когда в купе на границе заглядывают таможенники, то «ах, ну почему наши дела так унылы?», когда мы обсуждаем перспективы получения виз.

❅ Пойти в кафе, с которым связано так много воспоминаний, и сесть за тот же столик.

❅ Увидеть в нежнейшей, высокопороднейшей, изящнейшей левретке в электричке сходство с лысым котом. Попытаться развить красивую мистическую концепцию типа «мы оставили кота дома, но его душа следует за нами». Открыть рот и почему-то произнести вместо всего этого: «Душу кота — берём с собой».

❅ С серьёзным лицом выяснять, почему это Цой поёт «горе ты моё, шаурма»? Получить ответ: «Цой жив. Шаурма мертва. Они притягиваются друг к другу, как инь и ян».

❅ Обнаружить кафе «Новозеландские пироги».

❅ Уже который год наблюдать, как птенцы покидают гнездо в деревянном туалете. Радоваться вдвойне — благополучию живности и освобождению строения.

❅ Выйти на дорогу, настолько заросшую незабудками, что нога не поднимается идти по ней дальше.

❋ Называть папки на Пинтересте «Wuthering heights», «Dharma bums» и «Dance me to the end of love».

❋ Пасмурным утром сидеть на улице под окошком, пить кофе с имбирным сиропом и смотреть на лепестки ирисов. Подумать «лучше — некуда»… и вдруг услышать кукушку.

❋ Выйти из-под ледяного града в зону слепого дождя, смотреть на мокрых до нитки трёх подростков на солнечной, туманной, сверкающей дороге, и деревья, полные капель, и столбы блуждающего света.

❋ Набить 70-литровый рюкзак предметами первой, второй и третьей необходимости. Погрузить кошку в сумку. Разместить на себе рюкзак и кошку, поехать на электричке. Встать на станции Орлёнок надолго из-за того, что впереди сломался товарняк. Выйти и пойти пешком с рюкзаком и кошкой по сумеркам — сначала в компании пары нетрезвых женщин, потом в компании кошки. Испытать сомнения в живости кошки. Поить её водой и побуждать к продолжению жизни. Добраться затемно, последнюю пару км всё-таки проехать на возобновившей свой стремительный, чтоб не сказать стрёмный, бег электричке. Принять покус мошки и ненависть кошки со смирением.Освоить вейп. Отличная идея на старость! Так и представляю, как заливаю в него корвалольчику, сажусь на крыльце… Пары корвалола окутывают меня, лёгкая дымка маскирует угрюмость бабки. На заднем плане группа внуков и правнуков на подтанцовке: «Моя бабушка — старый вейпер, старый вейпер бабушка моя».

❋ Коллективным многократным усилием надуть гигантский надувной пончик с Пхукета. Надуть матрас в виде надкушенного радужного эскимо. Надуть буйню неописуемой конструкции, условно — снегоход… но плавает. Обрести двоих четырёхлетних детей и двоих коммунарских подростков (впоследствии — троих подростков, двоих детей и нежнейшего лушевидного младенца Лушу). Всем составом обрести ужасающе холодную воду. Дрейфовать сквозь брызги, отражения сияющей зелени, голоса детей, шум реки Олхинки.

❋ Вспомнить, что никакая беговая дорожка не может заменить лесную дорогу. Снова собрать полуспортивную команду «Полубублик». Пережить триумф «Полубублика», когда один подросток проспал утренний бег, а второй не пришёл на место встречи. Постфактум выяснить, что подросток приходил — но, видимо, свернул в параллельную реальность, потому что не встретиться в назначенном месте было невозможно. Однако мы сделали это. Прийти к выводу, что кто-то из нас свернул на Крыжополь. Наблюдать, как подросток танцует и поёт: «Где-то тут на Крыжополь, на Крыжополь, на Крыжополь, на Крыжополь должен быть поворот».

❋ Обнаружить на полке семьдесят девять списанных вафельных рожков из «Баскин Роббинса» (у нас ещё и не такое можно обнаружить). Сделать домашнее мороженое. Положить его в списанный рожок. Сесть на веранде. Слушать, как животное Харуки, рекордно распушившееся, трясёт руном на крыше. Есть мороженое.

❋ Читать Толкина вслух. Каждый раз, когда Арагорн заводит свою волынку «я наследник Элендила, а чего добился ты?», добавлять: «И он эффектно продемонстрировал собравшимся наследное боа из искусственного меха».

❋ Проповедовать, что черемша — это шпинат современности.

❋ Сушить смородиновый лист, чтоб зимой кидать его в чайник.

❋ Наблюдать интеллектуальное фиаско песцово-показательной собаки.

❋ Увидеть, как раскрывается маковый бутон.

❋ Собирать общий плейлист к июльской мега-вечеринке. Радоваться музыкальному вкусу подростков. Отдавать себе отчёт, что названия всех этих групп слышишь впервые и запомнить не в состоянии.

❋ Ехать босиком на переднем сиденье, держать в объятиях непочатую бутылку португальского портвейна, видеть огромные звёзды на тёмно-синем небе и смутные очертания ночных деревьев за окном. Слушать глухой полночный взбульк портвейна на ухабах.

❋ Продолжать читать Толкина вслух, одновременно гладя лысого кота. Воспользоваться магией аналогии и раскрыть одну из тайн «Властелина колец»: почему Галадриэль подарила Гимли три волоска — реально три! — а потом с покерфейсом шлёт ему приветы как счастливому обладателю её локона?

— А вот посмотри на лысого кота. Если бы его попросили о локоне, он среагировал бы так же. И мы были бы вынуждены тактично называть это локоном, чтобы не обидеть нашу ягодку. Из этого следует, что владычица золотого леса была... э-э-э... лысая?

— Зато у кота один ус почти полноценный.

— Значит ли это, что владычица золотого леса... э-э-э... н-да.

❋ Нести младенца на плечах под шум реки и поездов.

❋ Застать акме маков.

❋ Слушать песни как песни жизни, а не трёх минут — как итог, биографию человека от рождения до смерти, как песню, равную существованию. Некоторые начинают звучать, некоторые перестают существовать.

❋ Получить в подарок серьги с муми-троллями.

❋ Двигаясь в направлении Долины затерянных душ, найти поляну земляники. «Есть живые, есть мёртвые, а есть прочие. Вот это — земляника от прочих», — говорит Дашка.

❋ Лежать в полосатых гамаках на открытой веранде, завернувшись в одеяла.

❋ Увидеть двойную радугу.

❋ Не отвечать на восклицание «Ной!» правдивыми словами «ныла, ною, буду ныть» только потому, что «Ной» — это коньяк.

❋ Проводить самостоятельного подростка — с пламенно-красным хаером, всего в анимешных значках, за границу — в Японию и немного в Южную Корею, а самой не поехать. В аэропорту чувствовать себя немного странно.

❋ Перечитать Платонова, дежуря у одра в отделении сосудистой хирургии.

❋ Понять, что фраза «вашей маме зять не нужен?», которую надеялась никогда больше не слышать, — это нестареющая классика, то есть будет преследовать вечно.

❋ Смотреть, как сторожевая кошка гоняет двух собак средних размеров, которые сначала совсем страх потеряли… а потом обрели.

❋ Обогатить словарь локальных фразеологизмов. Рядом с выражением «пожаловать к рыбе» (провалиться под лёд) разместить «пожаловать к жабе» (радуясь жизни на пересечённой местности, свести знакомство с жидкой грязью).

❋ Между квази-бревном и бродом выбрать брод. Пронаблюдать, как Дашка, выбравшая квази-бревно, жалует в гости к рыбе.

❋ Концептуализировать нудистский лес в хорошей компании: зайти, раздеться. Смотреть на облака. Запланировать раздеться на скале, на берегу и во множестве других интересных мест. Наречь лес Нудистским, нанести его на воображаемые карты воображаемых локаций.

❋ Вымыть голову родниковой водой. Получить железобетонную монокудрь на всю голову.

❋ Коллективно сочинить простую и искреннюю песню: «Жили у бабуси чудо-зомбогуси — один зомби, другой зомби, два весёлых гуся».

❋ За активность жизненной позиции получить от подростков кличку Леголас Трандуилович. На следующий же день по итогам катания на велосипеде оказаться бесповоротно переименованной в Драндуилыча.

❋ Питаться земляникой и лисичками. Или хотя бы писать смски: «Питаемся земляникой и лисичками».

❋ Активно приобщиться к целебному жмыху природы. Наложить жмых вдоль и поперёк лица с косметической целью. Хорошеть на глазах. С трудом смывая жмых, неконтролируемо сочинить строчку «Потому что нельзя быть на свете годзиллой такой». Решить, что жмых и творчество связаны причинно-следственной связью.

❋ Гулять с красками в рюкзаке. Нарисовать срубленному дереву глаза (три штуки).

❋ Придумать бутерброд с жимолостью. И можно без хлеба.

❋ Заметить, что Дашка в моей кепке и клетчатой рубашке — вылитый Шерлок. Волей коллектива снабдить её вместо трубки сапогом младенца Фёдора. Наблюдать, как усиливается сходство, когда она курит сапог.

❋ Наблюдать, как подростки крутятся на гамаке, ввинченном в протолок, машут ногами, свисают вниз головой. На следующий день увидеть баннер с совершенно аналогичной картинкой и надписью «Fly-йога».

❋ Фотографировать ночное ничто, сидя на разрушенном причале.

❋ Встретить подростка из Японии черешнями, тирамису и радикальной стрижкой.

❋ Одновременно мыть посуду и петь под гитару.

❋ Качаться на огромных качелях ночью в лесу.

❋ Не сдержать порыв тимбилдинга — заказать друзьям по футболке с изображением символа коммуны — кукушки. Встречу друга в аэропорту ознаменовать спонтанным стриптизом того же друга в этом же аэропорту (надо же было надеть футболку!)

❋ Поджарить первые грибы. Смотреть на них с сомнением, надеясь, что Дашка таких сомнений не испытывает.

❋ Понять, что дети выросли, услышав ночью на лесной дороге хриплый пиратский бас экс-подростка: «Это какой-то криповатый лес, в котором обычно водятся маньяки».

❋ Встретить полночь, сидя всемером в лесу, в темноте, и глядя на звёзды под звук варгана.

❋ Выйти на платформу всем коллективом — с гитарой, бокалами, собакой без поводка, кошкой на плече. Петь песни, махать поездам, прочувствовать, какими глазами смотрят на нас люди из окон электрички.

❋ Устроить однодневную коммунарскую фотовыставку «Двадцать пятый кадр с бензопилой».

❋ Подарить Дашке детскую книжку о Канте и мягкую игрушку — трилобита.

❋ Выучить по-китайски фразу «Ты генетический материал моей мечты» (даже не спрашивайте зачем, на это нет ответа). Выяснить, что этимологически это что-то вроде «ты наследие предков, которое я видела во сне».

❋ Увидеть, как огромная туча накрывает огромную степь.

❋ Бежать так медленно, что кроссовки высохли.

❋ Подбирать подруге те места работы, где она хорошо бы смотрелась: «Во — Бубен Байкальский! Могла бы встречать на пороге: дорогие гости, добро пожаловать... в бубен! А вот ещё — аренда катеров. Дорогие гости... рекомендуем вам — на лёгком катере!»

❋ В зарослях дикой гвоздики искать ту, у которой на каждом лепестке — по дождевой капле.

❋ Ходить вокруг буддийской ступы, думая о Керуаке.

❋ Исполнить «милую мою, солнышко лесное» как психоаналитический триллер: «Где, в каких краях встречусь я с собою?» В таком случае слова «Вдруг у огня ожидает, представьте, меня...» обретают истинный накал — проще говоря. становится страшновато.

❋ Перевыполнить годовой план по купанию в Байкале на тысячу процентов.

❋ Утром выйти на дорогу и оказаться на пути Байкальского марафона. Из солидарности пробежать вместе с ним до пункта своего назначения.

❋ Найти Лориэн на берегах Байкала. Убедиться, что время в нём действительно замедляется.

❋ I cant help falling in love with жмых: брать любую песню и вместо слова «you» подставлять «жмых». Остановиться после вопля подростка: «Это была моя любимая песня!»

❋ Умыться снегом.

❋ Теоретизировать, делать экскурсы в историю языка, подтасовывать факты, чтобы доказать, что форма родительного падежа от слова «ёк-макарёк» должна звучать как «йка-макарька» (ср. хорёк — хорька, рагнарёк — рагнарька). В финале дискуссии понять, что оппонент с самого начала придерживался той же точки зрения. Обойти молчанием вопрос, зачем нам вообще нужен родительный падеж от междометия.

❋ Наполнить дом запахами карри, компота и оладий с малиной.

❋ Пытаться установить, хватает ли коту сознания для осознания.

❋ Слушать, как подросток творчески читает Толкина: «Некоторые, заметив короля и воинов, выбегали к дороге, чтобы... продать им шаурму. Меж палаток, как молодой лес, стояли воткнутые в землю пики... крести, черви, бубны. С вершины уже веяло ночным... холодцом».

❃ Петь лесу «Санта Лючию», посылать смс бурундуку и мицелию, махать богу камышом с земли.

❃ Сидеть над городом среди цветов, на высоких стульях — высоко сидеть, далеко глядеть. Обнаружить на поверхности капучино кофейного львёнка. Смотреть, как лев, потревоженный ложкой, превращается в солнце.

❃ Обнаружить себя и Хайдеггера в пределах одного списка литературы.

❃ Внести предоплату за уши. Обдумывать покупку рогов.

❃ Осуществить наконец роспись уха и всего остального, что попало под горячую руку с тюбиком хны. Понять, что рука Марты тверда, а Дашка глубоко укоренена в традиции русской татуировки, поэтому рисует могилу, солнце и глаз и объясняет это так: «Всё хорошее сразу!»

❃ Встретить Тора в камуфляже. Узнать его по здоровенному бревну в руке и огромному молоту на плече.

❃ Подняться в мансарду, зажечь девять свечей и читать вслух самые оптимистичные из «Повестей Белкина».

❃ Гадать о перспективах личной жизни по книге под названием «Мрачный жнец».

❃ Гуляя под звёздами размером с яблоко, на краю леса встретить соболя... впоследствии оказавшегося котом.

❃ Наблюдать, как Кирилл наматывает портянки с леопардовым принтом.

❃ Снять с себя всё (ну, не всё, но многое) и метнуться купаться в Олхинке на фоне серых туч и друзей в резиновых сапогах и теплых куртках.

❃ Нюхать армянское гранатовое вино.

❃ Получив письмо с вопросом, не хотела бы я поучаствовать в основании Хогвартса, с запозданием понять, что мой верный спутник колун — не символ трусости, а меч Гриффиндора.

❃ Любоваться подростком, нарекающим крылатого фиолетового кота Роршахом и знакомящим его с розовым осьминогом с ушами по имени Лев.

❃ Разрекламировать трёхлетнему мальчику и девятилетней девочке мистические лесные качели-самолёт и потом смотреть, как он качаются, радуются, немножко боятся.

❃ Написать список любимых людей родом из мировой культуры.

❃ Сшить игрушечному ждуну розовое платьице.

❃ Накинуть флиску на корсет.

❃ В супермаркете на кассе обратить внимание на чувака с бутылкой, на которой написано «Доктор Август». Породить концепцию напитка, который лечит душу, воплощая в себе дух месяца. подробно обсудить с кукушками, как они представляют себе «Доктор Ноябрь», «Доктор Январь», «Доктор Март» и прочую медицину такого рода. В дождливый и прекрасный день собраться втроём и сварить свой «Доктор Август» с имбирём и великолепным армянским мёдом. Количеством имбиря доказать, что щедрость — отличительное свойство августа и что её могло бы даже быть поменьше.

❃ Провести странную параллель между попугаем Кешей и Филом Колсоном из сериала «Агенты ЩИТ». Если исходить из того, что Колсона воскресили с использованием инопланетных технологий и внедрили ему в сознание вместо этих воспоминаний фразу «Таити — это волшебное место», то попугай Кеша («Прилетаю я на Таити... вы не были на Таити?») не так прост, как кажется.

❋ В общественном месте неожиданно для себя вступить в двухчасовую дискуссию о либидо. В финале обнаружить, что машу руками, кричу, привожу примеры, которых лучше бы не приводить.

❋ Начать учить иностранный — язык младенца Луши: автомобиль — вавава, джип — вававава, самосвал — вававававававававава... великолепный самосвал, производящий глубокое, неизгладимое впечатление, — вававававававававаааааа!

❋ Получить в личку сообщение о том, что предала поэтику и эстетику былой Боярских упоминанием ждуна и оладушек. Подумать — страшный человек эта былая Боярских... да и нынешняя не лучше — и забанить ревнителя.

❋ Увидеть, как спелая ягода ложится на землю под тяжестью своей красоты, и встать перед ней на колени.

❋ Редактируя текст, заметить, что рука сама по себя, без контроля рассудка, непроизвольно стирает две буквы в сочетании «несмотря на попытки учителей» — и это, конечно, первые две в слове «попытки».

❋ Повесить качели над рекой и качаться на них, опустив ноги в воду.

❋ Коллективно практиковать ослышки по Фрейду: «дом боли» вместо «dont worry», «хтонический форшмак» вместо «хтонический кошмар» и «намылиться на five» вместо «на мысике стоять».

❋ Силами подростка с помощью отвёртки, старинной вешалки для головных уборов и зеленой бумаги создать натуралистичные, ветвистые, благородные рога. Мерить на всех. Констатировать, что нет на свете человека, которого не украшали бы рога.

❋ Недоумевать, почему люди, впервые увидевшие мой ноутбук, называют его «зомби-ноут» и боятся к нему прикасаться.

❋ Сформировать пирожки с грибами в одном доме, а выпекать в другом. Идти от одного к другому по посёлку — с противнем, под лёгким дождичком, чувствовать себя хорошо.

❋ Целый вечер смотреть фотографии, временами закрывая глаза от нестерпимой ностальгии и любви.

❋ В напрасных попытках попасть в баню выгулять дубовый веник в лучших культурных местах города.

❋ Выгуливая веник в художественной галерее, купить произведение искусства, дрогнув от сходства его с лысым котом (массив и кротость, кротость и массив).

❋ Встретить здоровенных соек, черных огромных белок, радостных бурундуков, гигантскую орлиную птицу, которая чуть крыльями меж дерев не застревала, и, наконец, пищуху — нежное, круглое, приветливое существо, похожее на мини-шиншиллу, с круглым рыжим ушком, с навыком щебетания.

❋ Как альтернативу ханами практиковать «махами» — любование мхами и лишайниками. Ходить по мху босиком, утопая по щиколотку, обнаружить после этого, что ноги помыты (точнее, были бы помыты, если бы, любуясь мхами, я не наступила на гроздь дикой смородины).

❋ Выбросить всё лишнее. Оставшееся постирать, заштопать, удлинить, укротить, укоротить, упорядочить.

❋ Вспомнить, как хорошо, не скучно и не страшно жить одной. И можно позавтракать малиной, холодной от заморозков, и ни с кем не делиться, и покрыть лаком расписанный нами стол, и ходить по лесу, в котором нет никаких грибов, а есть только солнце и тишина.

❋ Сначала убеждать себя, что подросток не подросток без спиннера и силиконовых шнурков всех цветов радуги и не стоит наступать на горло её потребительской песне. Потом убеждать себя, что эти атрибуты подростка мне-то самой ни к чему и зариться на них не следует.

❃ Укомплектовать варенье-микс моей мечты: брусника, лесная смородина и яблоки.

❃ Провожать взглядом товарняк, в котором все вагоны зелёные — и все разных оттенков.

❃ Наконец поставить ноги в таз. Держать ноги в тазу. Держать ноги в тазу всю обозримую вечность.

Осень

Простые радости осени

★ Ночью слушать мышь.

★ Лавировать между упавшими на землю яблоками.

★ Получить приглашение на детский праздник в качестве фотолюбителя младенцев. Вспомнить, какая радость, какая лёгкость — фотографировать детей, которые игнорируют камеру и смело строят рожи, ловят мыльные пузыри ртом, ссорятся, совершают кругосветное путешествие по деревянным скамейкам и во всём видят смысл.

★ Приготовить еду на печке, а не на плите.

★ Передвигаться по лесу со скоростью три рыжика в час, потом увеличить скорость до восьми.

★ Попасть на день открытых дверей в школе программирования. При слове «питон» каждый раз думать: «Они называли тебя дождевым червяком!»

★ Тронуть колокольчик над входом и увидеть, как звук разлетается от него вперемешку с дождевыми каплями.

★ Перепутать аббревиатуры ДТП и ПДД — и гордо заявить, что ДТП я знаю назубок.

★ Стать адресатом прекраснейшего из посвящённых мне стихотворений: «Бог дать нам мать, чтоб мать лежать. И мать лежать!»

★ Заложить осиновыми листьями все любимейшие страницы во «Властелине колец» — там, где «улитка шерстолапая», и там, где «Старый добрый Блинчик», и «мы редко видимся у камня и кроны», и энтийские песни, и Бомбадила. И три красно-жёлтых листа — на словах «Сентябрь принёс золотые дни и серебряные ночи».

★ Завести лысому коту инстаграмм.

★ В электричке быть настигнутыми ансамблем «Дружба народов», заигравшим на гармошке (зелёненькой) у пассажиров на виду.

★ Читать картошке Бродского.

★ Увидеть где-то, что перевод «Слова о полку Игореве», принадлежащий Заболоцкому, местами отлично ложится на мотив «Катюши». Сбегать за книгой. Спеть, чтобы отлегло.

★ Вернуться в студенческую юность — ходить к первой паре, кричать «аллилуйя», получив зачёт автоматом.

★ Заманить подростка в бассейн и вспомнить, как она выглядит без очков, со счастливым выражением лица, с трогательными ушками.

★ Перечитать одну из самых страшных книг и пересмотреть один из самых страшных фильмов в моей жизни, чтобы убедиться, что больше не боюсь чужих фантазий об абсолютном зле.

★ Жечь бумагу и видеть, как огонь превращает её в чёрные розы разрушения — с тончайшей пепельной каймой по краю каждого лепестка, в живых искрах цвета света.

★ Смотреть на небо после заката так, чтобы оно казалось океаном, а облачная полоса — далёким материком на краю мира.

★ Поднять луч фонарика вверх, по стволу осины. Стоять в тёмной тишине, в тихой темноте, смотреть и слушать, как дрожат осиновые листья.

★ Разгадывать кроссворд не без труда. Упереться в «предмет одежды» из пяти букв, судя по тому, что было разгадано раньше, две последние — «уы». Единогласно, не дрогнув, вписать «трсуы». Чтобы слово не пропало, предложить его ближним как название интернет-магазина. А что, изысканно звучит! С французским, можно сказать, прононсом.

★ Махать рукой вечерним электричкам. Радоваться, когда машут в ответ (народная примета — если кто-то ответил, это значит, что сегодня удалось забороть мировое зло единичным актом радостной солидарности).

★ Отпраздновать тринадцатилетие кота. Петь «Happy birthday to кот», желать долгих лет лысой жизни, сплести венок из крохотных роз.

★ Утратить различение макро- и микромира.

★ Быть обозванной Зигзагом МакКряком. Воспринять как незаслуженную похвалу, потому что сходство с замечательным селезнем — это гордость и привилегия.

★ Сходить на свидание. Узнать от оппонента (или как там называется человек, с которым свидание?) о существовании станции Кюхельбекерская на БАМе; посчитать, что мероприятие полностью оправдало себя, потому что где бы ещё я обрела это знание, необходимое каждому?

★ Обнаружить, что некоторые городские граффити, оставшиеся в памяти, сохранились только на фотографиях: то ли время ходит по городу и рисует поверх граффити ничто, то ли ничто закрашивает их контуры концентрированным временем из баллончика.

★ Испечь печенье в виде осенних листьев. За неимением специальных формочек уподобиться матери-природе и вырезать листья вручную, то есть здоровенным ножом, медленно, но верно.

★ Увидеть, как парни перекидываются арбузом, как мячом, и кажется, что он почти ничего не весит.

★ Успеть порадоваться успехам русского нейминга, пока Марта читает учебник по истории и комментирует параграф: — Миноносец «Бредовый»? А, нет, ошибочка вышла. Миноносец «Бедовый».

★ Произнося слова «Наши... замечательные друзья опять не приехали», выглянуть в окно и увидеть замечательных друзей уже под окнами.

★ Ознаменовать утро громким чтением Тредиаковского.

★ Обрести глубинное спокойствие, слушая одновременно шум дождя и мурлык кота.

★ Приложить ухо к дереву, на котором сидит дятел. Слушать скырканье его лапок, стук. Поражаться здоровой витальности, добротной наглости дятла.

★ Крепить традицию коммунарского бранча, заложенную этим летом, в обществе подростков. Понимать бранч как завтрак естественным образом проснувшегося человека. Окончательно сформулировать права бранчуемого и обязанности бранчующего.

★ В воскресенье проснуться от тишины.

★ Слышать одновременно, что происходит в двух кабинетах с плохой звукоизоляцией. В одном идёт занятие, и препод возглашает: «Тема смерти», а в другом перемена и ученики грызут сухарик. — Тема смерти! — хрусть-хрусть! — к теме смерти! — хруп! — на тему — хрусть! — смерти! Идеальное сочетание. Согласие, равновесие, равновеликость разного, единство бытия.

★ Искать этимологию слова «рачительный». Порадоваться, что глагол «рачить» миновал русскую разговорную речь и пропал где-то по дороге.

★ Пойти в известное место неизвестным маршрутом, и сразу же найти под окнами пятиэтажного дома белоснежную статую Аполлона, рядом с которым обитает шина с человеческим лицом, клумба в форме Байкала, пенёк с глазами, пенёк без глаз, но в вязаной шляпке и прочие достижения дворового дизайна.

★ Одеться полностью в чёрное, как потерянная внучатая племянница семейки Аддамс.

★ Поднять лицо, стоя под листопадом, и ждать, когда листья, как медные монеты, лягут на глаза.

★ Получить в подарок детскую книгу «Мой кот самый глупый в мире», в которой вместо кота везде нарисован слон — серый, лысый, трогательный, громоздкий, короче, вылитый кот.

★ Попасть под слепой снег. Ловить снежные шарики на руку и сразу их съедать. Стоять под солнцем и вытряхивать снег из волос.

★ Понять, что достигла первичного уровня андрогинности, в момент, когда ребёнок лет трёх кричит «Дядя, дядя!» и бескомпромиссно показывает на меня пальцем.

★ Встретить в лесу лошадей.

★ Идти вечером мимо освещённых окон, и в одном из них увидеть на подоконнике целую библиотеку. А в другом — целую тыквотеку.

★ Слушать, как подросток комментирует компьютерную игру: «Я выпустила на них кота-корову. Из Дубая выбежали пингвины. Оказались сумоистами. Нет, я ещё жива. Но всё равно проигрываю. И неудивительно, там же красная свинья вышла», — и понимать, что есть многое на свете, друг Горацио...

★ Заблудиться в своём собственном районе и найти множество старых сараев цвета сумерек, которые стоят в ряд под углом 45 градусов к земле, а крыши их заросли мхом. Слышать таянье снега — звук воды, капающей с них.

★ В попытках обрести множество странных официальных бумажек с нужными печатями понять, что источник моих злоключений — голодающий Жругр (бедная зверушка, печальные красные глазки). Я — его сухой завтрак, его кукурузный хлопьй (1 шт.)

★ Заметить, как дежурный тренер танцует вокруг бассейна — просто так, от хорошего настроения.

★ Увидеть ужасный сон. Проснуться в отчаянии. Понять, что всё так и есть, всё, что приснилось, — правда, и не надо ни тревожиться, ни волноваться, наяву всё так и есть, как во сне, — и окончательно успокоиться.

★ После долгих поисков найти потерянные билеты в мусорном ведре. Зауважать себя вдвойне — за то, как быстро нашла, и за то, как мастерски потеряла.

★ Услышать в тишине звук, который издают крылья птицы, когда она летит над моей головой: шух-шух, шух-шух.

★ Встать под фонтан горячей минералки, в самое облако брызг и пара, и подумать: вот я и нашла тебя, моё место в жизни!

★ В забегаловке, где работают две колоритные женщины, заметить за стойкой открытый ноутбук, в котором открыт ютьюб, а там на паузе — «Пачка сигарет», и понять, что как только все клиенты уйдут, тётушки наконец выключат этот ужасный шансон — и врубят Цоя.

★ Встретить суслика, мышь, белок, соек, нечто вроде сокола (большое, хищное), нечто вроде куропаток (округлое, неспешное). Почувствовать, что простая жизнь, которая есть в них, оживляет и согревает душу.

★ Встретить товарища поползня из семейства поползневых (приятно даже просто говорить эти слова — поползень из семейства поползневых) — пушистого, шарообразного, как мышь с крыльями, который зависает на уровне лица сантиметрах в десяти — прямо перед носом, и заглядывает в глаза. И тут же кошка цветов осени, мягкая, как альпака, интересуется поползнем, явно хочет с ним побеседовать о естественном отборе.

★ Услышать, как первоклашка — с косой, в белом кружевном фартуке, с лакированных туфельках — прощается с одноклассником: «До свиданья, уважаемый человек!» — а потом проходит пять метров по коридору и следующему однокласснику говорит уже «досвидос».

★ Издалека увидеть стаю собак. Подойти ближе и обнаружить, что одна из собак — кошка.

★ В супермаркете вздрогнуть от доброго голоса: «Вы забыли свою тыкву». Вспомнить свою тыкву.

★ Прочитать в книге слова «…исцелить их расщеплённые персефоноподобные души». С сожалением понять, что двери моего восприятия пока открыты не настолько широко. Закрыть книгу, но время от времени с беспокойством думать о том, насколько моя душа персефоноподобна и как измерять её персефоноподобие.

★ Повторить трагедию Айседоры — как и полагается, в виде фарса: прийти в больницу к родственнику в шарфе удивительной красоты и стоимости. Н-да. Шарф затянуло в судно.

★ Вспомнить мелодраму девяностых «Поющие в терновнике»: там, помнится, неслабо поддавал драматизма цвет платья под названием «пепел розы». Понять, наконец, что это за цвет такой, увидев солнце, просвечивающее сквозь вымя лысого кота-выменосца.

★ Оказаться не в силах избавиться от контаминации песни Летова про беспонтовый пирожок с вредными советами: «Если ты в своём кармане ни копейки не нашёл, загляни в карман к соседу — очевидно, деньги там... Каждый из нас ни копейки не нашёл, всю-то свою жизнь ни копейки не нашёл».

★ Разговориться на улице с двумя праздничными мальчиками, которые в первый раз в жизни вывели на прогулку свою первую собаку, померанского шпица-девочку трёх месяцев от роду. Почувствовать совокупность счастья всех троих и какое-то время быть счастливой их счастьем.

★ Встретить на сельском кладбище толстого, серьёзного кота, который бесшумно идёт по мягким иголкам лиственниц, останавливается у могил, смотрит на памятники.

★ Практиковать-практиковать, да не выпрактиковать систему Станиславского: «Читай мне реплики Стародума, как будто ты Стародум!»

★ Танцевать с тазом стираного белья на голове, чтобы привнести в жизнь немного Африки.

★ Встретить праведника. Не сразу вспомнить это слово, а вспомнив, понять, что другие слова не подходят.

★ Погадать на личную жизнь (да, это традиция), открывая случайную книжку на случайной странице. Нарваться на идеальное описание происходящего: «Компания Epic согласилась заключить контракт при условии, что группа откажется от названия Zombies».

★ Вступить в терминологическую дискуссию:

— Дай лапку любимую.
— Которую?
— Ручную.
(Подтаскивает кота).
— Не, у кота все лапки ножные, ты что, матчасть не знаешь?
— Кот ручной. Следовательно, у него ручные ножные лапки.
— Кот ручной, следовательно, перед нами ножные лапки ручного кота.

★ Обнаружить, что стала немного Кришной — новый свитер окрасил меня в равномерную синеву. Затем обнаружить, что, единожды став Кришной, перестать быть им довольно нелегко — хорошая краска, и держится достойно, хоть и не там.

★ Вдохновиться опечаткой в местном рекламном журнале: «Нарядись в костюм нечести на Хеллоуин!» Мысленно примерить костюмы Неадекватности, Недальновидности, Несправедливости и Безответственности.

★ В очереди в больничную аптеку услышать за спиной очень быстрый английский. Понять только одно слово — презервативы. Оглянуться — и позволить мощнейшему когнитивному диссонансу накрыть с головой, потому что... глазам не верю... да это растаманы! Группа растаманов в медицинской униформе! Подумать, что если растаманы в больнице — это не хороший знак, то я уж и не знаю, какой тогда — хороший.

★ В начале девятого выйти с работы и увидеть на остановке странное. Кто-то выставил на асфальт свечи, зажёг их и ушёл. По форме пламенный рисунок больше всего походил на дом муми-троллей.

★ Превзойти самих себя, придумывая ближним задания, что нарисовать... И нарисовать это! Темы рисунков за два последних захода: «Стоматолог, откушав галлюциногенов, преследует антропоморфную зубную щётку», «Продолговатый в крапинку кот Горыныч третий раз выбивает страйк, в то время как ёж, который обычно живёт в левом резиновом сапоге кота, сидит в углу и ест блокнот, запивая его чаем, дымящимся ядовитыми испарениями», «Беглый каторжанин в балетной пачке торгует ультраправыми кедами, 30% которых восхищаются Николаем Вторым», «Белка-шахтёр сражается с фонарным столбом, чтобы повысить свой уровень до 9 и 3\4, но проигрывает и, вместо того чтобы получить очки опыта, получает очки жизненного опыта; на заднем плане дятел аплодирует стоя».

★ Вместо названия собачьей породы бишон фризе запомнить почему-то «божоле фуфло». Говоря о красивой фотосессии красивой девочки с красивой собакой, не воздержаться от «Вся в белом! А на руках — божоле фуфло».

★ Совершить одну из лучших в жизни прогулок — прямо по реке, навстречу течению. Кто владеет болотниками — владеет миром.

★ Найти ключ от непонятной двери: оказывается, если сказать «Я не могу доверять своему мозгу — он ошибается. Я не могу доверять своему сердцу — оно ошибается», то я ненадолго становлюсь другим существом, иначе думаю и чувствую, а когда это проходит, остаётся длительное послевкусие иной структуры бытия.

★ Впервые за долгое время дать интервью и понять, как я изменилась.

★ Сходить на «Тора» с двумя подростками. Выходя из кинотеатра, обнаружить себя в компании двух Локи. Признать, что сама я — Тор, и труд — мой молот. Стоит мне протянуть руку,

и труд летит ко мне с любого конца вселенной. Те силы, которыми я наделена от рождения, не дарованы трудом, но укрепляются им. Труд обладает особыми свойствами: поднять его способен не каждый. Раскручивая труд, я создаю энергетический щит... ну, или просто щит. Который хэппенс.

★ Назвать кота перепончатой лысятиной и шовинистом на радость фиксирующей всё это Марте.

★ Серьёзно поругавшись с одиннадцатиклассниками, войти в школьную раздевалку и услышать из стоящего там телевизора: я свободен, словно птица в небесах!

★ Валяться на диване вшестером в формате «всё включено» (и кот, и младенец).

★ Учить младенца говорить «Локи» («Оки — ахь!») и «Один» («Йодин оооо!»), а Агату — говорить «Ёрмунганд» («Ёргунмард... тьфу! Ёмундгар!») и «Йотунхейм». Агату в близком знакомстве со «Старшей Эддой» уличать, младенца — подозревать.

★ Держать младенца на руках и петь ему колыбельную на такой примерно текст: «В няньки я тебе взяла лысокудрого орла», чтобы образ кота способствовал засыпанию. В какой-то момент запутаться во времени и перестать понимать, чей младенец, какой младенец, где его истоки, в чём его смысл. Баюкать младенца как абстракцию, как универсального собирательного младенца всех времён и народов.

★ Работать тем лучше, чем печальней на душе. И просто делать всё как надо. Ну ладно, не всё делать как надо. Но почти всё. Почти почти всё.

★ Осознать, что не случайно народ-речетворец утверждает: «Первый чизкейк — комом».

★ Спеть на мотив «Из-за острова на стрежень» песню о Хумбабе, в которой осудить нездоровую активность жизненной позиции Гильгамеша и погрустить о краткости дней Энкиду.

★ Бежать вечером с одной работы на другую, греть замёрзшие руки купленным по пути горячим пирожком — и вдруг из всех динамиков как грянет «All you need is love»! Идеальный момент — это концентрация случайностей, они слетаются в точку, как ангелы ненадолго присаживаются на острие иглы ради игры ума.

★ В воскресенье завтракать в кафе и поневоле слушать, как за соседним столиком идёт собеседование с кандидатом на должность эйчара. Выйдя из кафе, тут же услышать вопрос подростка: «Он что, действительно претендовал на должность анчара, или я что-то упускаю?» Немедленно пожалеть, что не сделала карьеру анчара. Я бы так знатно стояла одна во всей вселенной! Природа жаждущих степей меня в день гнева породила! Яд каплет сквозь мою кору! Что ж, поздно. Призвание прошло мимо.

★ Обратить внимание на ярко-жёлтую маленькую машину на парковке. При ближайшем рассмотрении обнаружить в машине ярко-жёлтый руль, над которым висит ярко-жёлтый ждун.

★ Слушая довольно странный перевод конан-дойловского «Этюда в багровых тонах», вместо слов «цветок Утаха» диагностически верно услышать «цветок упахан».

★ Доказать, что с помощью известного мема можно откосить буквально от всего:

— Руки прочь!
— У меня лапки.
— Руки на ширине плеч...
— У меня лапки.
— Руки в ноги — и пошёл!
— У меня лапки.

★ Одеться несколько теплее, чем требуется в сибирском ноябре в ноябрьской Сибири и до поры до времени полагать, что смогла надурить свой личный климатический кошмар.

★ Ошибочно услышать среди норвежских слов, которые учит подросток (просто так, для смеху) слово «креативитец». Понять, какой идеальный павлин-мавлин теперь присутствует в моём словарном запасе — отец-креативитец.

— Люк, я твой отец!
— ...креативитец!

★ Работая в тандеме, изобрести блюдо экзотической кухни — похренчо.

— И тут ты кидаешь на сковородку что-нибудь. В общем, даже по хрен чё...
— У кого-то суп харчо — у нас сегодня похренчо.

★ Тем же составом изобрести предрождественский аксессуар, необходимый каждому.

— Нужен ли тебе свитер с олешками?
— ....
— Это значит, что не нужен?
— Это значит, что я услышала про свитер с Олежками и задумалась, какие из известных мне Олегов должны его украсить.

★ Стоя поздним вечером на пустой остановке в предместье, увидеть, как из темноты выдвигается мужик — огромный, бородатый, с подбитым глазом, говорит «Бог любит тебя» — и вновь уходит в темноту.

★ Оценить талант карикатуриста в рисунке подростка «Мать-Лжегеннадьевна доступно объясняет амфибрахий». Нормально отнестись к своим акульим зубам, но надпись «Ямб не пройдёт!» расценить всё же как преувеличение.

★ Придумать политкорректные формулировки для разговоров с котом и о коте: творческая личность кота креативно самовыразилась, наш светозарный друг демонстрирует яркий темперамент, я преклоняюсь перед тобой, кот, я чувствую масштаб твоей личности.

★ Потерять шапку в день снегопада.

★ Оказаться поверженной во прах шторой. Библиотечной шторой с историческим уклоном, на которой изображены самые известные старинные здания Иркутска. Наблюдая, как еле заметный сквозняк колышет полупрозрачную надпись «воспитательный дом Базановых», жалеть только об одном в своей жизни — о том, что неведомый мне автор шторы пренебрёг словом «сиропитательный», потому что тому, кто видел, как колышется на зимнем ветерке слово «сиропитательный», сатори гарантировано.

★ Овощ обнаружить в супермаркете — морковь морквей, моркву морковей. Весом 1102 грамма. Найти идеальное определение моркови — морковкианская.

★ Скользя по утреннему снегу, обнаружить лакуну в родном языке. Выражение «хлебнуть лиха» как-то слишком спокойно констатирует, что да, было дело, но разовое, однократное. Несерьёзно это. Нужна пара — «хлебать лиха». Многократно, последовательно, бесперспективно. Ложкой. Лаптем. Стаканами, и пребольшими. Хлебали-хлебали, да не выхлебали, только нахлебались.

★ Додумать метафору про сидение на берегу: вот сидел человек, десятилетиями ожидая труп врага. И труп проплыл. Что дальше? Может выясниться, что список не закрыт, одну галочку поставил — можно продолжать сидеть, пока враги, все по списку, в алфавитном порядке не проплывут по реке мимо того, кто их не дождался, потому что его жизнь тоже конечна. Действительно ли у сидения на берегу есть итог, финальная точка? Страшно, если её нет, и сам берег страшный, и как бы свалить оттуда ещё до желанного проплытия?

★ Ощутить мастерство номинации 80-го уровня, столкнувшись с тем, как подросток назвала команду участников аниме-викторины — «Леви-капрал балл недобрал, или Сто пятьдесят два локальных мема».

★ Быть опозоренной искусственным телефонным интеллектом, который в сообщении заменил обращение «Ниночка!» на «Инновации!»

★ Получить в подарок от подростка игрушечного енота. В тот же день взять его в путешествие. Назвать енота Танатос. Сразу же порадоваться множеству интересных контекстов: пойду прогуляюсь с танатосом, лежит танатос под подушкой, танатос ждал дома, танатос всегда с нами.

★ Понять, что стихи — это развёртка секунд, золотых шаров, наполненных бесконечным смыслом. Большая часть нашего времени проходит, не взаимодействуя с нашей сущностью, но если это взаимодействие происходит, то развёртывание секунды даёт возможность увидеть её истинный размер и концентрацию.

★ Заметить, как безногий нищий разбивает тростью горбушку хлеба, чтобы голубям было легче клевать.

★ Увидеть два трогательных сна о близких людях. В одном случае старушка кормила голубей, и на рождество голуби принесли ей на балкон подарок, выклевав на куске хлеба: «Пусть все будут счастливы». Во втором — человек говорит мне: я хочу послать привет другому человеку, но между нами много километров. Поучаствуешь? Нет, говорю. Ладно, тогда смотри. Он выстраивает на первый километр шеренгу друзей, и они касанием передают живой, несловесный привет, горячее послание. Потом люди плывут через море, летят на самолётах, касаются друг друга. Я смотрю, как маленький неразменный кусочек нежности преодолевает расстояния. Это так красиво, что я совсем забываюсь и прихожу в себя только тогда, когда кто-то касается моего плеча. Оказывается, всё это время я наблюдала, как силами многих людей шёл через километры привет для меня самой — и вот просыпаюсь со словами: «Друзья нужны нам, чтобы бросить вызов времени и расстоянию. С остальным мы справимся сами».

★ Проснуться на седьмом этаже с видом на Солярис.

★ Купить кольцо с кианитом, надеть на левую руку и тут же почувствовать, как будто мне на голову опрокинулись все воды бессознательного океана. Переименовать кианит в каинит, океанит, окаянит. Назвать кольцо, естественно, Солярисом. Носить его не снимая.

★ Впервые увидеть ёлку, стоящую не на полу, а на потолке.

★ Пойти покупать духи. Выяснить, что продавец любит Хемингуэя и помнит содержание романа «Прощай, оружие!» несколько лучше, чем я.

★ Волею судеб оказаться в энотеке в сноубордических штанах. Заказать шоколадный фондан, чтобы усугубить эклектику. Обнаружить, что тарелка с фонданом по краю посыпана чем-то, невероятно напоминающим толчёное бутылочное стекло. Экспериментировать, чтобы понять, съедобно ли стекло. Не прийти к однозначному выводу.

★ Прочитать рекламный слоган «Антифриз Чемпионов» и подумать: молодцы родители, имя под стать фамилии выбирали.

★ Вспоминая давно забытый навык открывать пиво ключами, чуть не угробить себя, поскольку умение юности утрачено безвозвратно.

★ С нежностью и беспокойством наблюдать, как подросток берёт на себя дела по дому, приговаривая: «Не хочу быть инфантилом».

★ Достать стопку старых мешочков для календаря адвента и нашить партию новых. Сделать два разных календаря для двух людей, которым очень нужна радость, в надежде на то, что их радость может стать и моей.

★ Чувствовать, что жизнь всё темнее, а радости всё труднее, но, как всегда, любить любовь, верить в веру и надеяться на надежду.

Зима

Простые радости зимы

❈ Услышать звук открывающейся двери и любимый голос, который провозглашает на пороге с фирменными комичными интонациями: «Мы к вам заехали на ча-ас!» Подумать, что надо подучить любимое существо в следующий раз сказать: «Я к вам пришёл навеки поселиться, надеюсь я найти у вас приют», — чтоб счастье было абсолютным.

❈ Декорировать окружающую среду красно-белым рождественским пледом. Смотреть, как кот самозакутывается в плед, можно бесконечно.

❈ Увидеть в магазине чудо нейминга — детские духи «Дашка и дождь». Немедленно купить их для Дашки.

❈ Начать носить очки и стать неузнаваемой, как Шерлок на пике формы.

❈ Вести подругу вверх по замёрзшей реке, чтобы она под моим уверенным руководством пожаловала к рыбе. Достичь цели довольно быстро.

❈ Отменить пару-тройку учебных занятий и опочить в невменозе.

❈ Понять, что апатия и переедание — меньшее из зол, потому что либо я выпью кофе со штруделем и буду лежать, либо буду кого-нибудь душить под «Джингл Беллс».

❈ Давить на подростка, пользоваться родительской властью, быть категоричной, запрещая ей идти в школу и приказывая выспаться.

❈ Испечь пирог повышенной фруктовости в четыре пальца высотой.

❈ Перечитать «Мцыри» и понять, что старая любовь не ржавеет.

❈ Включить гирлянду и смотреть на огоньки.

❈ Узнать в рождественском олене родные очертания ждуна. Понять, что Санта спешит к нам на ждунах, а у них, как известно, нету лапок.

❄ Получить двадцать один штрафной балл из пяти возможных.

❄ Подложить коту грелку.

❄ Сидеть в гостях и слушать, как Зойка рассказывает про утюг: «Утюги у меня всегда ломаются по сонету Шекспира: оставь меня, но не в последний миг, когда от мелких бед я ослабею!»

❄ Пополнить коллектив рождественских кружек:

— Меню подушек, парк носков...
— Коллектив рождественских кружек.
— А кошек?
— Стадо. Давай пополним стадо хорьком?

❄ Ответить правду на вопрос, хочу ли я работать тридцатого декабря, и получить вольную.

❄ Заложить основы нового направления в психотерапии, просто купив себе маленькую коробку супервкусных конфет — трюфелей ручной работы. Передумать (и преодолеть!) тысячу мыслей и чувств: я не имею права тратить деньги на это! раз уж купила — подари! выбери себе одну, только самую помятую и невкусную! ты потратила все свои деньги, теперь умрёшь в нищете! Почувствовать эффект конфетотерапии и исчезновение этих навязчивых мыслей уже на третьей конфете.

❄ Купить лучший подарок — носки с изображением картины «Крик». На каждом. Как вариант подписи рассмотреть «Дорогому искусствоведу от благодарных троллей».

❄ Найти верные слова для кота. Кот — корпускула. Кот — вакуоль, кот — укулеле.

❄ Поймать кота в тот момент, когда он гуглил всем телом, полусидя-полулёжа на клавиатуре. Понять, что кота нужно лелеять втройне, увидев его поисковый запрос — «С-4». Оценить

побочный эффект лежания животного — произведение «Отцы и красный нос», получившееся от хаотичного нажимания кота на клавиши всем котом.

❄ В последний миг заметить, что искусственный интеллект в смске начальству набирает слово «спасибки». За долю секунды до отправления отменить «спасибки»... но искусственный разум всё же меня переиграл во втором раунде! Я внесла исправления, а телефон внёс исправления в мои исправления. Начальству ушла смска с залихватским финалом: «Спасибон!»

❄ Созерцать внутренний свет, которым озаряется лицо, нарисованное подростком на серебряной свечке, когда в её высоких стенках горит огонь. Подросток говорит об этом лице — оно косое. А я говорю — оно никогда не станет менее прекрасным для меня.

❄ Выбирать образы будущего года — закрытая раковина, закрытый цветок, закрытая комната, закрытая дверь. Это лучше, чем принудительно вскрытое, лишённое ценности и оставленное в запустении.

❄ Нечаянно напечь имбирного печенья в виде волдемортов.

❄ На рождественской ярмарке встретить игрушку ручной работы, по стоимости равную примерно самолёту, которая смотрит нежными глазками в самую душу. Уже купив её, спросить, что же это за животное. Получить исчерпывающий ответ: «Моль». Назвать моль Молли Блум.

❄ Выучить наизусть стихи подростка о коте: «Динамичней нашей кысы никого на свете нету: динамично поедает, динамично возлежит».

❄ Растопить карамель и сделать леденцовые окошки в пряничных домиках.

❄ Перечитать дневники предыдущих декабрей за последние семь лет. Плакать от воспоминаний и любви, направленной вспять, а не вперёд. Думать, что плохие времена позади... но и хорошие тоже.

❈ Узреть мощь предновогоднего кулинарного заклинания «хренакс!» в миг, когда подросток уронил «Книгу о вкусной и здоровой пище» 1955 года издания на десяток яиц первой категории.

❈ Купить фейерверк, кормушку в виде красно-белого домика, мешок для подарков объёмом как минимум семьдесят литров. Надеяться применить всё это.

❈ Под покровом ночи повесить узорную и голубую керамическую звезду в подарок тем, кто захочет её взять. Назвать это флешмобом имени Франсиса Жамма: «Если в этой звезде я спасенье найду, подари мне одну золотую звезду, потому что мне надо сегодня её положить на замерзшее сердце моё».

❈ Уехать в лес, и пусть снег занесёт меня с головой.

❈ Прокопать королевскую дорогу для Санты и самых толстеньких его оленей.

❈ Заметить метафору в старом зеркале: трещины, оказывается, могут быть в самом стекле, а могут быть на амальгаме и те, что в стекле, имеют отражения, амальгама же состоит из собственно трещин и отражений трещин; запутаться напрочь в толковании этой метафоры применительно к сознанию; понять, что вот уже минут десять смотрю в зеркало и не вижу своего отражения, а вижу одни трещины.

❈ Вспомнить, что такое цыпки, и физически вернуться в детство, но только руками. Руки в детстве, остальное — снаружи.

❈ Подставлять лестницу, чтобы повесить золотой шарик высоко на ёлку. Настоящую ёлку, и не срубленную, а укоренённую в земле, как и надо для меня.

❈ Завернуться в спальники, зажечь свечи и смотреть кино на простыне, сидя в тёплой мансарде среди лесов.

❈ Запланировать имбирную деревеньку из пряников-домиков. Создать имбирную деревеньку постапокалипсиса.

❈ Видеть облики животных в снежных формах; слышать, как снег скрипит на все голоса, разговаривает.

❈ Утром, на восходе, выйти и смотреть, как в белом-белом предутреннем мире белый дым из трубы идёт.

❈ Почти что сесть на шпагат (спонсор моих достижений — скользкие валенки).

❈ Рассказать подругам самую страшную из своих мелких тайн, и услышать, что то, что я считаю ужасным, им кажется естественным и возможным.

❈ Уйти фотографировать. Вернуться с капюшоном, полным снега.

❈ Переименовать игрушечную моль Молли Блум в Блум-Победоносцеву, после того как Дашка охарактеризовала её как нечто, что в состоянии «простереть совиные крыла».

❈ В газете «Охотник и рыболов» обнаружить исчерпывающее: «Что же выберет охотпользователь? Предпочтёт ли он непостоянного глухаря или останется верен стабильному лосю?»

❈ В «Баскин Роббинсе» наблюдать, как его владелец, он же мой любимый родственник, готовит нам латте, облачившись в фартук с табличкой «Стажёр».

❈ Везде менять слово «тропический» на «трагический»: трагический климат, трагический фрукт, трагические рыбки.

❈ Убедиться, что искусственная ёлка облетает совсем как настоящая.

❈ Найти удостоверение агента по работе с инопланетянами, принадлежащее подростку (я догадывалась!).

❈ Научиться отвечать на любой наезд одной из трёх фраз: «Никто не знает будущего», «Я же не могу изменить прошлое» и «Это единственное, что вас не устраивает?»

❄ Услышать по радио (ослышка моей мечты!): «Специалист расскажет вам, как правильно рассыпаться по утрам». Подумать, что я тоже знаю одного такого специалиста, отличного профессионала, и готова делиться опытом.

❄ Слегка заблудиться даже не в трёх соснах, а в двух рельсах.

— Может, папе позвонить, он эти места хорошо знает...
— Я в таких случаях не звоню никому — но только потому, что не знаю, как завязать разговор. Не удаётся мне вот эта первая фраза: «Я бог знает где, подскажи, как выбраться».
— У меня нет такой проблемы. Я знаю, какой должна быть первая фраза. Аллё, папа? Папа, я поздравляю тебя: твой сын — идиот!

❄ Пить просекко и обсуждать сравнительные особенности супермаркетов в Малайзии, Монголии, Нью-Йорке и Таиланде. Вздрогнуть и подумать: да мы ли это вообще?

❄ Читать биографию Карла Маркса в комиксах.

❄ Вновь взглянуть в лицо когнитивному диссонансу: рыжий юноша в шапочке и шарфе Гриффиндора открывает рот и произносит: «Усольский свинокомплекс!» Видимо, гриффиндорцы знают толк в непростительных заклятиях.

❄ Дрогнуть рукой во время обсуждения гонорара и затребовать «ногорар» — да побольше, побольше!

❄ В опустевшем городе, где мороз за 30, услышать, как мужик играет на саксофоне: «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...» Чувак... Это не где-то на белом свете. Это прямо здесь.

❄ Наблюдать, как давно проснувшиеся, очень бодрые подростки в шесть утра напряжённо обсуждают в соцсетях, достаточно ли холодно, чтобы не ходить в школу.

❄ В сочинениях учеников встретить замечательного писателя Падло Коэльо и знакомую цитату с бескомпромиссной концовкой: «Кто так чувствителен, и весел, и остёр, как Александр

Андреич Гадский?» Там же найти универсальную формулу на все случаи жизни: «В непростую ситуацию попал Данко... Но парень не растерялся и быстро вырвал себе сердце!»

❈ Поставить на старинный буфет музыкальную шкатулку, от холода играющую очень медленно. Закрыть дверь и уехать надолго, оставив шкатулку играть в пустом доме.

❈ Посмотреть на солнце сквозь оледеневшие ресницы и увидеть цепочку радужных полусфер, из-за которых выглядывает абсолютное сияние.

❈ Поставить пушку мыльных пузырей на том писем Ницше.

❈ Спеть хором: «Свинка Пеппа завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня, выбери меня, выбери меня, свинка Пеппа завтрашнего дня».

❈ Случайно стать свидетелем того, как молодые врачи-неврологи обсуждают, «является ли зашкваром» приобретение неврологического молоточка за пятьсот рублей.

❈ Увидеть, как цветной блик лыжных штанов расцветки «гавайский океан» движется по высокой снежной обочине возле тропы вслед за собственно штанами.

❈ Познакомиться с концепцией походной кошки. Наблюдать, как походная кошка стоя смотрит в окно электрички и лёгкий сквозняк колышет её руно.

❈ Передвигаться по городу в компании Царь-сковороды и чувствовать себя готовой к неожиданностям.

❈ Утром, провожая подростка в школу, узнать, что накануне она купила слизеринский галстук со скидкой в 66% (молодец, дитя подземелья!) и наденет его в школу, чтобы директор, повелевший ей отцепить с сумки полтора килограмма анимешных значков, не думал, что подполье сдалось.

❄ Категорически не разбирать ёлку, не убирать с подоконника деревянного лося и рождественские фигурки, напечь ещё два противня имбирного печенья — в общем, всеми силами сопротивляться реальности.

❄ Знать, что синие тени на снегу и розово-сиреневые облака над крышами — передовая часть весны, идущая к нам на выручку.

❄ Понять, что себе дороже упоминать в тексте грибы (сыроежки, белые, опята, маслята): обязательно придёт комментатор, который напишет «Покайся и завязывай с галлюциногенами».

❄ Впервые в жизни увидеть водителя, который описывает дорожное движение с помощью слов «метафизический», «сюрреализм», «солипсизм» и «тупорогость» (последнее, впрочем, не удивляет).

❄ Вытирать слёзы коту. Вытирать слёзы котом.

❄ Узнать кое-что новое о дружбе, читая вывеску зоомагазина «Твой друг дисконт».

❄ В электричке услышать песню «И Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди». Дважды услышать — на пути туда и по дороге обратно.

❄ Вспоминать фразу школьника о Данко «Но парень не растерялся и быстро вырвал себе сердце» достаточное количество раз, чтобы осознать её универсальность: «Тарас Бульба не растерялся и быстро убил Андрия», «Анна Каренина не растерялась...», «Раскольников не растерялся...» С этой точки зрения русская литература вся выглядит каким-то гимном находчивости и самообладанию.

❄ Дважды ударить в грязь лицом, то есть в слишком низко висящий абажур — головою. Наблюдать, как он раскачивается под музыку в ритме фиаско.

❄ Радоваться успеху кота: у него уже девять подписчиков в Инстаграме! Мир узнал кота и рукоплещет!

❄ Сформулировать: «Весна — это всё в цвету. Зима — это всё в свету».

❄ Измерить пропасть между «спасибо» и «ну спасибо».

❄ С расстояния сантиметров в пятнадцать рассмотреть хохолок свиристеля, красные и жёлтые пятна на крылышках и хвосте.

❄ Встретить среди сугробов велосипедиста в надувном жилете и балаклаве — и с розами, которые торчат из зелёной сумки. Не сказать ему, что видела его родственную душу когда-то — на острове Самуи, в розовых туфлях с двенадцатисантиметровыми каблуками, с костылями и на байке.

❄ Обогатить свой лексикон словом, подходящим как для самоидентификации, так и для матерщины, — шпрахвиссеншафтлер!

❄ Мчаться с горы на тьюбах, держаться друг за друга и кричать «Ааааааа!»

❄ Случайно найти в художественной литературе сочетание слов, подходящее для самоидентификации даже лучше, чем шпрахвиссеншафтлер, — «отрицающе верещал».

❄ При попытке поставить коту укол разлить бутылку спирта. Получить уникальную возможность инсценировать обучающий диалог в лучших традициях Princeton russian course:

— Где моя водка?
— Твоя водка на полу.
— Это не моя водка, это водка кота.

❄ Наблюдать, как исхудавший после болезни кот ест.

❄ Следить, как ветер несёт по чёрно-хрустальному, совершенно прозрачному байкальскому льду струйки снега, как они перекрещиваются и сливаются. Следить за броуновским движением снежинок, пока не забудешь своё имя, свою личность.

❄ Уходить по льду всё дальше от берега, туда, где белое сливается с белым, имея в запасе три слойки на двоих — с брусникой, с вишней и с клубникой.

❄ Мысленно обнять дедушку, который пришёл под окна больницы с собачкой и звонит своей бабушке, чтобы она выглянула и на них взглянула.

❄ Ухватить младенца и, пока никто не видит, учить его говорить «Кафка» и «Хайдеггер».

❄ Думать: «Я усыплю этого ребёнка с четырёх колыбельных. Нет, я усыплю её с трёх». Усыпить с двух, но спеть ещё одну — контрольную колыбельную.

❄ Выступить сразу после квнщика. Надеяться, что публика переживёт контраст.

❄ Получить на работе в подарок банку шоколадной пасты с формулировкой «За невероятный профессионализм» и пояснением: «У нас неделя заботы о преподавателях». Хотеть рыдать.

❄ Купить старушкам клубники в честь последнего дня зимы.

❄ Чувствовать, как что-то меняется, движется и вздрагивает в душе, когда в прогнозе погоды говорят: «Ветер юго-восточный».

Весна

Простые радости весны

✈ Обзавестись розовым кустом имени Перемирия Алой и Белой розы (они пёстрые!), вырастить базилик и петрушку. Относиться к зелёным росткам как к детям — впервые в жизни.

✈ Одной рукой держать лапку любимую ручную кота, другой — одновременно — лапку любимую подростка.

✈ Проснувшись воскресным утром, подумать, что за срок своей жизни я успела превратить формулу «третий лишний» во «второй лишний». Следующий этап — «первый лишний», и он меня пугает.

✈ Разгружая сумку с продуктами, сказать: «А это — для китайской свинины с ананасами!» — и сделать широкий жест, но показать нечаянно на кошку Харуки. Оценить недоумение и протест кошки, не желающей в ананас.

✈ Обсудить миссию команды:

— Ты чувствуешь? Вот прямо сейчас ты ощущаешь, что мы — люди Возрождения?
— А я думала, мы люди торможения.
— Может, мы люди возрождения торможения.
— Или торможения возрождения. Возродим торможение! Или так: тормозим возрождение? Какая у нас миссия?

✈ Реформировать русскую морфологию, увеличив количество беглых гласных до максимума. Вдохновенно склонять: ковыль — ковля, ковлю, ковлём, бобыль — бобля — боблю — боблём, абзац — абзца, абзцу, абзцом, глагол — глагла, глаглу, глаглом, обоз — обза, обзу, обзом, невроз — неврза, неврзу, неврзом...

✈ В междугородной маршрутке уступить удобное место девочке лет четырёх, которая пытается представить, что снится компоту, придумывает планету для кота и сочиняет стихи:

«Ночью я встаю! Песенку пою! Песенку не простую! А смешную!» Убедиться: не место красит человека.

✈ Погрузиться в загадочные будни театралов: «Когда мы пришли, бинокли уже разобрали. Остались только военный бинокль и монокль».

✈ Бросив лучшие умы Райвенкло и Слизерина на придумывание отмазки прогульщице, не выдумать ничего, кроме старой доброй диареи.

✈ Прогуливаться по утреннему посёлку в компании бело-рыжей собаки и рыже-белой коровы.

✈ Оказаться, как в сказке, на развилке трёх дорог, которые выглядят как крона двухмерного дерева и разными путями ведут в голубой туман.

✈ Оценить элемент интерьера кафе — фотопортрет местного участкового.

✈ Пытаться расслышать русские слова в иноязычной песне. Получить трогательный текст о сложностях жизни: «Я хожу — ты уехала, я хожу, ворон ест мел, я вершу хрень. Волк с укулеле задолжал мне мышь, я вершу хрень, а молока-то нет».

✈ Радоваться хорошей компании, в которой можно обсудить, что лучше — вотще моща или моща вотще, да и вообще — вообще вотще или вотще вообще.

✈ Почти не меняясь в лице, слушать ежевечерние риторические упражнения подростка на тему «Я не сдам ДСД» (Deutsches Sprachdiplom), и только каждый раз, как она упоминает «хёрферштейн» (аудирование), автоматически переводить это как «хрен поймёшь». А что, почти дословно!

✈ В одном из предвыборных роликов сквозь шум транспорта своими ушами услышать: «Освободить восьминогих лосей — вот что действительно нужно стране!» — и всей душой поддержать эту программу.

✈ Оценить великую роль нытья в жизни человека. Пока человек ноет, это означает, что а) то, что можно рассказать, неприятно, но не окончательно плохо; б) у этого человека всё ещё есть кто-то, кто будет это слушать.

✈ С опозданием обобщив личный и коллективный опыт, понять, что вслед за зимушкой-зимой приходит зимушка-весна. А там и зимушка-лето не за горами.

✈ Постричься и выбрить на виске двойной зигзаг. Всеми этими манипуляциями добиться только одного — полного сходства с Гриндевальдом из «Фантастических тварей».

✈ Случайно услышать, как «тёмно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом» беседует с котиком. Услышать «кыся». Подумать — померещилось.

✈ Проходя мимо памятника героям «Кавказской пленницы», услышать, как некто с гитарой поёт неподалёку «Группа крови на рукаве» — и лица Труса, Балбеса и Бывалого, перегораживающих дорогу, становятся прямо героическими.

✈ Слепить мартовского снеговика. Сердцем чуять, что апрельский и майский тоже будут.

✈ Подарить столько денег, чтобы человек ненадолго почувствовал себя богатым.

✈ Почувствовать, как одновременно пахнет только что выпавшим снегом и берёзовым соком. Если бы были возможны такие духи, я б любые деньги отдала, чтобы так пахнуть.

✈ Обдумывать идеи коммунарских флешмобов — сделать огромное гнездо из травы и написать стихи тенями на земле, поставить «Гамлета».

✈ Смотреть, как ветер от винтов АН-24 хочет поднять в воздух маленькую лужу в форме сердца в нескольких шагах от колеса, как по ней раз за разом пробегает не то водяная молния, не то световая волна, как она дрожит и держится за асфальт. Некоторые метафоры не метафоры, а концентраты жизни и смысла.

✈ Оценить юмор неизвестных юных художников-акционистов, превративших улицу Комарова на одних табличках в улицу Комаров, а на других — в улицу Омарова.

✈ Приехать в командировку туда, где по утрам кормят горячими, только что испечёнными блинчиками, а в перерывах между трудом и трудом предлагают поваляться в бассейне с шариками или порисовать песком на специальной панели, подсвеченной всеми цветами счастья.

✈ Увидеть из иллюминатора, как снег, лес и реки образуют женское лицо. Увидеть, как из её огромного глаза, смотрящего в небо, убегает дорога.

✈ Смотреть с горы на слияние рек и сияние мира.

✈ Читать Толстого и делать выписки, но какие-то странные: «конь мигал ушами», «крепкое карее лицо», «прибавил он, прожёвывая пирожок в своём красивом рте», «сделал последнее па, подняв сзади кверху свою мягкую ногу». Читать Торо и делать выписки: «мышь, как муха, умылась лапками», «мне случалось видеть енота, и потом ещё я слышал по ночам его ржание».

✈ Прочитать на киоске «Чай, кофе, слабак!» — и подумать, что даже киоск призывает меня как-то противостоять натиску четвёртой четверти, пусть даже с помощью теина и кофеина. Приглядеться. Убедиться, что на киоске написано «Чай, кофе, табак», то есть он разговаривает не со мной, значит, всё немного лучше, чем казалось.

✈ Уговаривать кота ещё немного пожить на свете и чувствовать, что он не против и, наверное, не откажет.

✈ Понять, что всё же существует несколько любимых людей, перед которыми, как бы строго я себя ни судила, ни в чём не виновата.

✈ Встретиться с вывеской «Ментальная» — так и думала, что хинкальными дело не ограничится! Дать волю воображению, потом — по обыкновению — приглядеться.

✈ Дать еще одно определение когнитивному диссонансу, увидев своего университетского преподавателя за барной стойкой.

✈ Заглянуть в бездну, ночью подойдя к световой конструкции над ещё не работающим фонтаном. Увидеть, как свет уходит в бесконечность, вниз — а на самом деле отражается в воде, недавно бывшей снегом.

✈ Двенадцатого апреля проводить нежным взглядом машину, на верху которой закреплены три пары лыж (не то люди знают места, не то никак не могут вынести ёлку).

✈ Пятнадцатого апреля приехать на дачу и убедиться, что все мы немного с лыжами, увидев возле собственного дома две по-новогоднему украшенные ёлки.

✈ Танцевать на берегу в сапогах-болотниках.

✈ Изобрести прибор «упорометр» — разноцветную ветряную вертушечку, счетчик упоротизма. Наблюдать, как стремительно ускоряется его вращение.

✈ Хлебнуть не лиха, а берёзового соку.

✈ Впервые в жизни побегать во сне по облакам. До этого могла либо двигаться гигантскими полётными шагами по земле, либо, скрючившись от равного физическому волевого усилия, держать в небе странные летающие механизмы. На этот раз держала не я, а воздух.

✈ Радоваться всепрощению подростка, который в ответ на выкрик «Прости меня!» переспрашивает с недоумением: «За что?»... одновременно пытаясь восстановить очки с помощью скотча и суперклея.

✈ Вспомнить, каким блаженством наполнено пространство чистого бытия, освобождённого от заблуждений и страданий. Но сразу забыть обратно.

✈ Хвастаться. Потом стыдиться этого. Потом выяснить, что реальность повернулась так, что я не сказала ни слова неправды.

✈ Понять, что не только у меня силы на исходе, увидев, как один одиннадцатиклассник проверил слово «равнинный» словом «ревнивый», а другой в экзаменационном протоколе вместо «10» почему-то написал «911».

✈ Совместно с подростком сочинить актуальное: «Ничего мне мозг не отвечает, лишь аксонами с дендритами качает. Всё равно его не брошу, потому что он хороший!»

✈ Пройти под ёлкой и почувствовать, как она тянет лапу — гладит по макушке.

✈ К тороиду, геоиду, овоиду и параноиду-андроиду добавить жижоид — объёмную геометрическую жижу. К гуманоидам и рептилоидам добавить жижеоидов — наших братьев по разуму, а может быть, и нас самих. Подытожить изыскания афоризмом-скороговоркой «Жижеоид имеет форму жижоида».

✈ С запозданием понять, каким грозным светом будни фейсбука осветили распространённую у нас фамилию Забанов.

✈ Разбирая на занятии рассказ «Конь», неожиданно начать вместо «конь» говорить «кот». Опомниться, произнося слова «сказочный кот-орёл».

✈ Порадоваться самооценке 93-летнего матриарха: «Смотрюсь в зеркало — что-то я как будто некрасивая. Присмотрелась — нет, это зеркало у вас грязное, а я — красивая!»

✈ Навестить любимую Энту (дерево человеческого облика на соседней улице) и увидеть, что слёзы её высохли и сердце готово цвести.

✈ Разложить фиаско на множители.

✈ После визита в Ботанический сад хором петь «Ель колючая, форма сизая» — сперва на мотив «Очи чёрные», потом — «Дружба крепкая не сломается, не расклеится от дождей и вьюг…»

✈ Видя слово «профи», мысленно дописывать к нему — «тролли» — чтоб получились профитроли.

✈ Смотреть на огромный всецветный камень и чувствовать, как ум теряется в его глубинах, становясь всё более странным. Но всё более живым.

✈ Ходить по солнечному кладбищу и чувствовать вокруг целые гималаи информации — никакой печали, одна только информация, она недоступна, но ощутима.

✈ Следить за высоким полётом нашего домашнего Хармса: «О, а это что такое? Пакеты особо прочные. Подумываю в него упаковаться и в школу поскакать».

✈ Увидеть трёх разноцветных кошек в одной форточке.

✈ Гладить и фотографировать цветы. Оказаться окружённой медуницей, сон-травой, фиалками, багульником, мать-и-мачехой и птичьим пением.

✈ Любоваться коммунарками и коммунарами: вот Сашка обнимает кота, вот Марта на дороге встретилась со змеёй и восхищается её красотою, вот Агата нарекает хранителем ручья ледяную мышь — зрячую льдину — и устанавливает её на берегу. Вот Луша пускает мыльные пузыри и говорит языком человеческим. Вот Настя лежит на почти вертикальном склоне и смотрит на цветы, а всё вкруг синее и зелёное, высокое и золотое. Вот Сёма и Илья сражаются на древесинах, и их молодецкие выкрики и стук богатырских древесин разносятся далеко по лесу.

✈ За один раз избавиться от многовековой застарелой ненависти к сочетанию «вольнолюбивая лирика». Рекомендую: просто выкиньте оттуда мягкий знак, и будет море.

✈ Смотреть на горы идеальной синевы сквозь воздух идеальной прозрачности.

✈ Увидеть книгу под названием «Солнечно-вулканический культ берендеев Брабанта: буквогеноизное становление корне-монадного язычества». Решиться прочитать книгу из жалости

к автору. Выяснить, что книга «доступна только в премиум-подписке». Понять, что берендеи Брабанта в моей жалости не нуждаются, и приберечь её для более подходящих случаев.

✈ Понять истинное значение слов «созданы друг для друга», увидев, как из кулинарной книги про выпечку высовывается Мартина аниме-закладка со словами «Укрась прощальное утро».

✈ Сформулировать, о чём гоголевский «Портрет»: о разной глубине художественных практик. О неизбежном сосуществовании в искусстве «деяний эго» и «деяний сущности», имеющих возможность быть разграниченными только изнутри, и о том, сколько стоит попытка заменить одно другим.

✈ На узких перекрёстках мироздания раз за разом сталкиваться с парностью как проявлением изобилия и перекрёстными ссылками всего на всё. Прикормить двух голубей, назвать Матильдами. Приписывать Матильдам интеллектуальные достижения, любоваться контрастом тонких шеек с их объёмными продолжениями, искать сходство с котом. В сопровождении Матильд, мурлыкающих на подоконнике, испечь два кекса (как говорится, «укрась прощальное утро»), с лёгкой руки подростка наречь их Фиаско и Фиаско. Выпив кофе с Фиасками, отправиться на как-бы-ханами — и выяснить изобилие сакуры в Ботаническом саду. Да-да — там произросли Сакура и Сакура. Решить, что парность наконец иссякла, но на следующий день в порыве неконтролируемого шоппинга купить себе два платья — Бохо и Бохо. Особенность их в том, что человек, погрузившийся в Бохо и Бохо, выглядит как дирижабль и дирижабль, особенно сзади, но полностью этим доволен. Внимательно смотреть по сторонам в ожидании продолжения банкета и банкета.

✈ Отдать все силы тому, что люблю, а не тому, что должна делать.

✈ Любить кота вне зависимости от его бытийного статуса.

✈ Устать от родного языка — от ограниченности набора слов, грубости звуков, стереотипности и неискренности логических связок, привычной ложности вводных слов, но по-прежнему чувствовать воздушную невозможность его лакун, создающих антигравитацию.

✈ Заглянуть в любимый сон наяву: сине-белые горы, жёлтые поля цветов и разноцветные лошади на берегу маленького озера.

✈ Идти на закате сквозь облако черёмухового цвета в наушниках и раз за разом слушать одну и ту же песню.

✈ Слушать, как в лесу мощным голосом, уходя в инфразвук, воркует какая-то клуша — судя по голосу, размером примерно с небольшой автомобиль.

✈ Найти на мосту изломанный и растоптанный цветок — и упокоить его как Боромира.

✈ Вместо «антидепрессанты» читать «постимпрессионисты», а вместо «ОСАГО/КАСКО» — «Осака — Киото».

✈ Задумавшись о количестве лайков, тут же увидеть на ржавом гараже надпись «Не верь хайпу».

✈ Смотреть с моста в косенькие глаза электровозов.

✈ За неделю пережить две исторические встречи — однажды ночью в свете фар увидеть здоровенного зайца, а потом встретить на просёлочной дороге непорабощённого верблюда, идущего куда-то по своим делам.

✈ Убедиться, что черёмуха в лесу пахнет сильней, чем в городе, и если её понюхать, будет казаться — летишь над дорогой, ногами касаясь воздуха, а головой — дождя.

✈ Галлюцинировать о реке моего детства, прыгая с камня на камень в сухом русле реки Бугатай.

✈ Не дрогнув, носить платье с надписью «Weird is a side effect of awesome», немного не соответствующей действительности. Weird is weird.

✈ Поприветствовать первого комара. Тут же поприветствовать комаров с порядковыми номерами со второго по пятисотый — с куда меньшим энтузиазмом.

✈ Как эстет проиллюстрировать пословицу «Хрен редьки не слаще», переодев паспорт из обложки с ёжиком в тумане в обложку с енотом.

✈ Быть не в силах различить, когда уместно употреблять слова «бинго», «бонус» и «профит». Сойтись на том, что в любой из этих ситуаций не помешает слово «фиаско» — а его мы точно умеем употреблять.

✈ Думать о себе как о конверте из грубой коричневой бумаги, в котором есть немного золотой пыли.

✈ Увидеть, как человек, который мыл дорожные знаки, заодно полил из шланга одуванчики и пару яблонь.

✈ В рисовальной битве, длящейся уже не первый месяц, покрыть себя чем-то неувядаемым (чем именно, уточнить не берусь), в ответ на вызов «Кактус пытается продать брусничный морс двум моржам, но у него не получается, потому что они в нэко-ушках» нечаянно изобразив самую унылую и неказистую порнографию в мире. С участием кактуса и двух моржей, как и было заказано.

✈ Убедиться, что птицы, которые год за годом вьют гнездо в дачном туалете, уже, видимо, генетически закрепили традицию. Стараясь не напугать будущих родителей, подглядывать за началом биографии пяти нежно-розовых птичьих яиц. Думать, а вдруг одно из них — это теперь наш кот?..

✈ Голосованием субличностей признать себя старой (четверо за, трое против). Вдогонку проголосовать, что старость — время свободы (единогласно).

✈ Осознать непрерывность любви.

Оглавление

Сто провальных идей нашего лета
Екатерина Боярских
9 781938 781582